

ИСТОЧНИК

1998`1 (32)

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
В ЖУРНАЛЕ

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дорогие читатели!

Журналу «Источник» исполнилось пять лет.

Мы признательны всем читателям, поддержавшим нас в это трудное время. В новых номерах журнала, как и ранее, вас ждут интереснейшие и увлекательные материалы по истории Отечества.

Продолжается подписка на журнал «Источник» на первое полугодие 1998 г.

Цена одного номера 15 руб. (без стоимости доставки).

Для удобства подписчиков мы включили наши издания в несколько каталогов, что позволяет читателю выбрать наиболее подходящую цену. (Например, почта берет с вас за доставку 2 руб. за номер. Тогда выгоднее подписаться по каталогу «Роспечать», так как общая сумма с доставкой составит 17 руб. А если почта берет 4 руб., то выгоднее воспользоваться каталогом «Книга-сервис», поскольку здесь цена за номер, независимо от места вашего проживания, составляет 18 руб.)

Вы можете подписаться и на один номер, и на полугодие.

По каталогу «Роспечать» (без стоимости доставки)	Индекс	Цена на 1 мес.	Цена на 6 мес.
«Источник» полугодичная подписка	73187	15 руб.	45 руб.
«Родина» полугодичная подписка	73325	16 руб.	96 руб.

По каталогу «Книга-сервис» (со стоимостью доставки)

«Источник»	40688	18 руб.	54 руб.

Кроме того, москвичи могут осуществить подписку на все наши издания по адресу: Москва, Бутырский вал, д. 8/3 (м. «Белорусская»), «Старообрядческая книжная лавка». Тел.: 251-06-12.

Информация для читателей «Родины»!

Если вы не успели подписаться на 2-й номер журнала «Источник», редакция может выслать вам его наложенным платежом. Деньги (16 рублей) можно перечислить по адресу: 103025, Москва, Новый Арбат, 19, редакция журнала «Родина». На остальные номера «Источника» (начиная с № 3) вы можете подписаться в любом почтовом отделении.

Справки по тел.: 203-45-36
203-55-52
203-84-39.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Пер. № 012124.

Адрес редакции:

103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
Тел.: 203-84-39.

Приложение
к российскому историческому
журналу
«РОДИНА»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

1998`1(32)

В НОМЕРЕ:

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО. УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Исторические аналогии

«Слезы катятся при мысли о бедствиях России». 3
*Малоизвестный трактат Н. М. Карамзина
о вреде торопливых реформ (окончание).*

Народные мемуары

«Друг за друга стояли грудью». 31
Затиски ветерана Крымской войны.

Высочайшее повеление

«Назначение рекрутов из евреев во флот воспретить». 56

ФОТОАРХИВ

Мастерская художника

«Конек-Горбунок» Евгения Соколова. 58

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

Архивы спецслужб

«Проявите гуманность и убейте сразу». 64
Письмо Марии Спиридоновой.

Нравы эпохи

«Мы все видим и все знаем». 85
Крик души красного командира.

«Холодная война»

Фултонская речь Черчилля. 88

«Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ». 93

И. В. Сталин о речи У. Черчилля. 100

Ответ корреспонденту «Правды».

Istochnik
Documents of Russian History
1998 1(32)

In the issue

Letters from the past

Lost Heritage

- Unknown notes of N. M. Karamzin about possible damage of badly prepared reforms (the end). 3
- Memories of the Crimean War veteran. 31
- Tsar order: «No jews in the Navy».

Photos

- Illustrations of artist Sokolov to the tale «Koniok-Gorbunok». 58

Behind the Scenes. Versions

- Letter of Maria Spiridonova. 64

Manners of the epoch.

«Cold War»

- Churchill's speech at Fulton and Stalin's reply. 85

Vestnik of the Archive of RF President 103–160

All written material, unless otherwise stated, is the copyright of Rodina Magazine and its supplement Istochnik

© Редакция журнала «Родина». 1998.
Перепечатка разрешается только по согласию с редакцией.

Главный редактор
Сергей Кудряшов

Ответственный секретарь
Татьяна Лещинская

Художник **Евгений Марков**

Компьютерная верстка
Амина Кольцова

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина».

Малоизвестный трактат Н. М. Карамзина о вреде торопливых реформ

«Слезы катятся при мысли о бедствиях России»

Доселе говорил я о царствованиях минувших, буду говорить о настоящем, с моею совестью и с государем, по лучшему своему уразумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и монарху. Некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т. е. в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история.

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтобы Александр к вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатерины царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли с нашими средствами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только поставить закон выше государя». Но кому дадут право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае — они угодники царя, во втором — захотят спорить с ним о власти; вижу аристократию, а не монархию. Далее, что сделают сенаторы, когда государь нарушит устав. Представлять о том Его Величеству? А если он десять раз посмеется над ними, — объявят ли его преступником, возмутят ли народ? Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разнообразных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что кроме единовластия неограниченного может в сей машине производить

единство действий? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к зло-

употреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божьих и совести, то истинный добродетельный гражданин русский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала да управляет ею верховно, нераздельно. Этот завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можем все, но не можем законно ограничить ее!» Но вообразим, что Александр предписал бы монаршей власти какой-нибудь устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостью клятвы, эта клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для преемников* Александра. Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один способ обуздать своих начальников** в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных к благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти. Чем? — страхом возбудить всеобщую ненависть в случаях противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана; но после государя мудрого — никогда! «Сладкое отвращает нас от горького!» — сказали послы Владимировы, изведав веры европейские.

Здесь и далее в рукописи — «приемников», «приемник».

Так в рукописи.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменил о том своих мыслей; скажу еще более: все согласны, что едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он. Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину: Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и хижинах; не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению; строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен! Обыкновенно бывает, что преемник государя жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти; успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни тайной канцелярии, ни Сибири и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданском обществе удовольствиями, каким образом изъяснить это горестное расположение умов?

Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрыми намерениями ошибаться в средствах добра. Увидим...

Начнем с внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность государства. Ужасная франц[узская] революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица. Так называемая республика обратилась в монархию, движимую гением властолюбия и побед. Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело⁴⁸. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии⁴⁹: война представляла ей и великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и не могла ничего бояться, т.е. находилась в самом счастливейшем положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Францією; а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием русской политики долженствовало быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы: успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая, как отдельнейшая, менее касалась до особенных польз России, вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтоб удалить от нас влияние Фр[анции]. Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона; слава героя Итальянского⁵⁰ еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова⁵¹. Англия и Австрия были в глазах Консула⁵² естественными врагами Фр[анции]. Россия казалось только великодушною посредницею Европы и неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Требию и Нови⁵³ в случае, если бы он не изъясил надлежащего внимания к нашим требованиям. Министр, знаменитый в хитростях дипломатической науки, представлял тогда Россию в Париже; избрание такого человека свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность этого места, — и даже могло быть приятно для самолюбия Консула. К общему изумлению мы увидели, что гра[ф] Морков⁵⁴ пишет свое имя под новым разделом германских южных областей; в угодность Франции, к ее сильнейшему влиянию на землю немецкую; но еще с большим изумлением мы сведения, что сей министр в верном случае, оказав излишнюю снисходительность к видам Наполеона, вручает грозные записки Талейрану⁵⁵ о каком-то жевневском бродяге, взятом под стражу во Франции⁵⁶, делает разные неудовольствия Консулу в безделицах и, принужденный выехать из Парижа, получает голубую ленту. Можно было угадать следствия; но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его!.. Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца го-

сударева⁵⁷ и старого министра⁵⁸: первый имел еще более самолюбия нежели остроумия, и весьма несильный в государственной науке, решительно объявил при мне, что Россия должна восвать для занятия умов праздных и для сохранения ратного духа в наших армиях; второй с тонкою улыбкою давал чувствовать, что он способствовал гр. Моркову получить голубую ленту в досаду Консулу. Молодой любимец веселился мыслию схватиться в поле с славным Бонапарте; а старый министр предоставлял себе торжествовать бессильную ярость Наполеона. Несчастные! Одним словом, история Моркова посольства, столь не согласная в правилах, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая тяжкою болезнью, услышал о походе наших войск⁵⁹... Россия привела в движение все силы свои, чтоб помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой для себя пользы. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденный Австрией и Пруссией, числом и славою нашего воинства. Какие замыслы мы имели в случае успеха? Возвратить Австрии великие утраты ее? Освободить Голландию, Швейцарию?

Признаем возможность, но только в следствие десяти решительных побед и совершенного изнурения французских сил; что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень и то до времени, пока не смирила бы Пруссию, а там объявила бы нас державою азиатскою, как Бонапарте. Вот счастливая сторона: несчастная уже известна!.. Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостью: одну руку подняв на Францию, другую грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия. Не хотели терять времени в предварительных сношениях, хотели одним махом все решить. Спрашиваю, что сделала бы Россия, если бы прусское министерство ответствовало князю Долгорукому⁶⁰: «Молодой человек, вы желаете свергнуть деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнув его, уже предписываете законы политике держав независимых? Иди своим путем, мы готовы мечем утвердить свою независимость». Беннигсен⁶¹, гр. Толстой⁶² ударили бы тогда на Пруссию? Прекрасное начало, оно стоило бы конца! Но князь Долгоруков летел с приятнейшим ответом. Правда, нас обманули, если мы сами обманули себя.

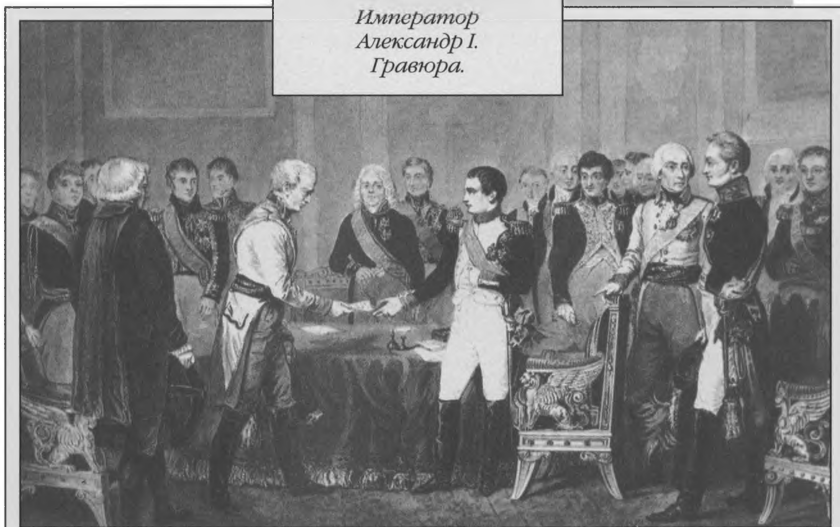
Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Макк⁶³ в несколько дней лишился армии; Кутузов вместо австрийских знамен увидел перед собой Наполеона, но с честью, славою, победою отступил к Ольмюцу. Два сильные воинства стояли готовые к бою. Осторожный, благоразумный Наполеон сказал своим: «Теперь Европа узнает, кому принадлежит имя храбрейших, вам или россиянам» и предложил нам средство мира. Никогда политика русская не бывала в счастливейших обстоятельствах; никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену; но Карл⁶⁴ приближался, и 80 т[ысяч] русских ждали повеления обнажить меч; Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим

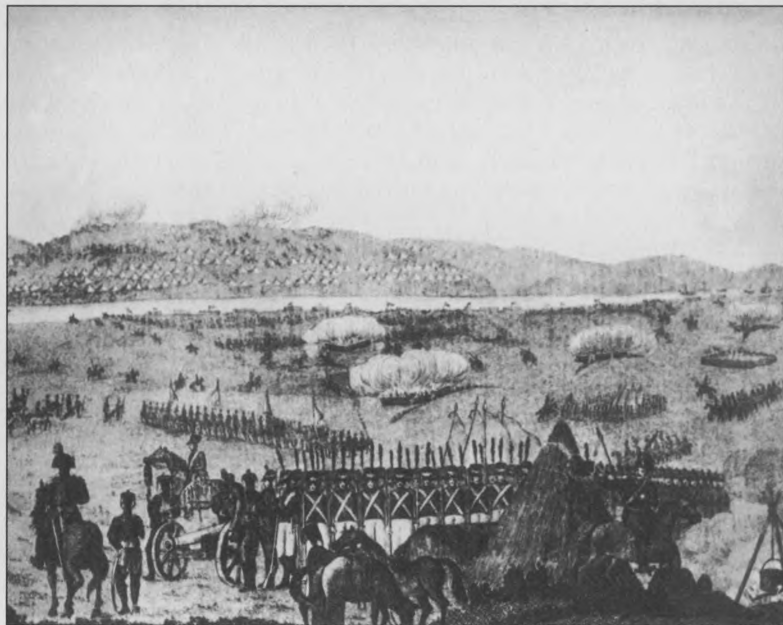
Наполеон I Бонапарт.
Литография
М.Лавине.
Середина XIX в.

Император
Александр I.
Гравюра.

Встреча Александра I и Наполеона в Эрфурте в октябре 1808 г.
Гравюра по оригиналу Госсе. 1-я пол. XIX в.

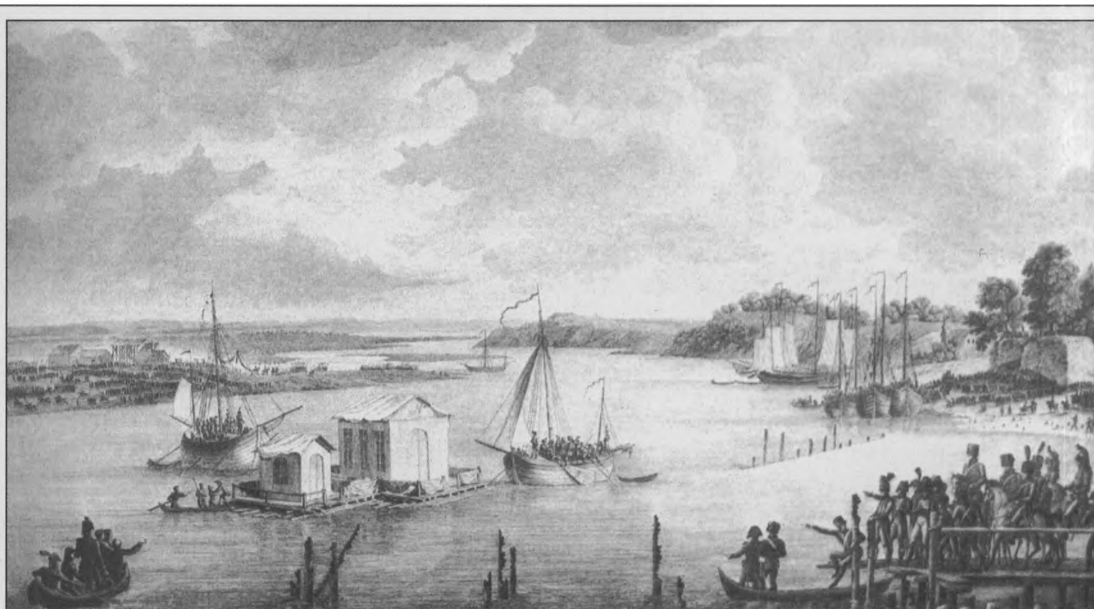

Окружение русскими войсками во главе с М. И. Кутузовым турецкой армии при Слободзее 1811 г. (Эпизод русско-турецкой войны 1806–1812 гг.). Гравюра неизвестного художника. 1-я пол. XIX в.

для нас образом; изменник Франц⁶⁵ по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном; наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя немецкой империи; победа должна быть, по крайней мере, сомнительною: что мы выиграли с нею! Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление наших войск, падение Австрии, порабощение Германии и т. д.

Судьбы Божьи неисповедимы: мы захотели битвы! Вот вторая политическая ошибка (молчу о военных)!

Третья и самая важная следствиями есть мир Тильзитский⁶⁶; ибо она имела непосредственное влияние на внутреннее состояние государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри⁶⁷, не порицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлица), ни министров, давших совет государю отвергнуть сей лаконический договор. Не осуждаю и последней войны с французами⁶⁸, тут мы должны были вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу. Знаю только, что мы, в течение зимы, должны были бы или прислать новые 100 т[ысяч] к Беннигсену или вступить в мирные переговоры, коих

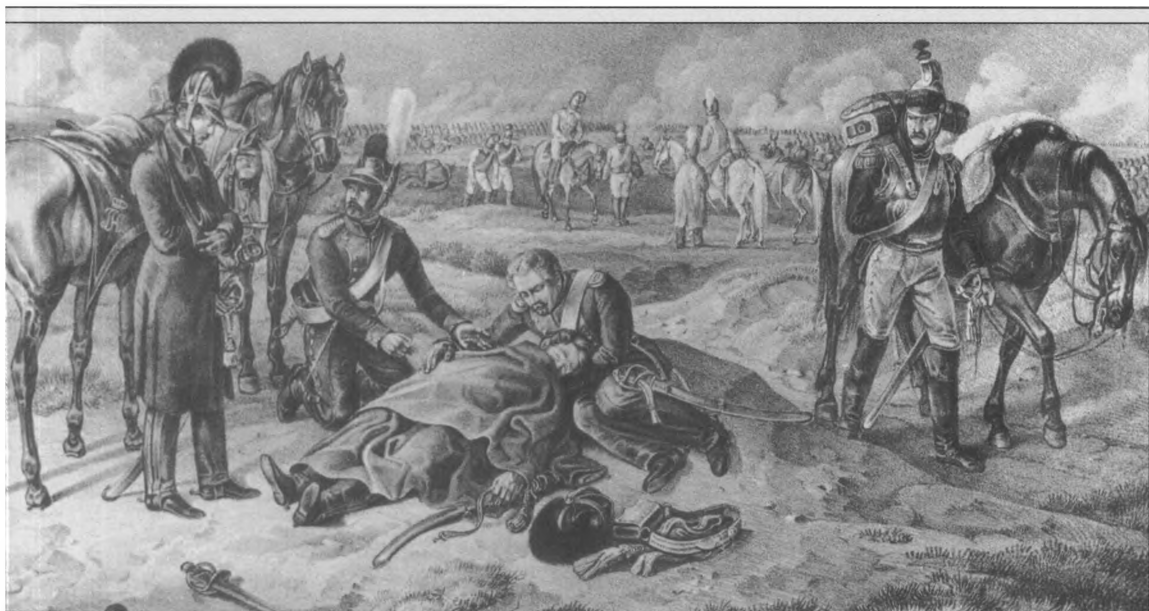
Встреча на Немане Александра I и Наполеона. Гравюра Ламо и Мисбаха. 1-я четверть XIX в.

успех был вероятен. Пилтуск и Пре-йшиш-Эйлау⁶⁹ ободрили россиян, изумив французов. Мы дождалась Фридланда... Но здесь-то следовало показать отважность, которая в некоторых случаях бывает глубокомысленным благоразумием, таков был этот. Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде; надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т. е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией и воевать с Швецией⁷⁰, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказать от Европы, но без стыда не могли в ней служить орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий. Умолчим ли о втором, необходимом для нашей безопасности условии, от коего мы должны были отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, условии, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем. Без-

опасность собственная есть высший закон политики: лучше было согласиться, чтобы Наполеон взял Силезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское герцогство.

Таким образом великие наши усилия, имея следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европой и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона. Этого мало, убыточная война шведская и разрыв с Англиею произвели неумеренное умножение ассигнаций; дороговизну и всеобщие жалобы внутри государства. Мы завоевали Финляндию. Пусть «Монитор»⁷¹ славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество: жертвуя честью, справедливостью — вредим последнему: мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шве-

На поле Московской битвы 7 сентября 1812 г. Литография А. Адама.

дов, укоризну всех народов, и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра: быть побежденным от французов или принужденным следовать их хищной (политике)* системе.

Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством Великой империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Он знает, что мы внутренне ненавидим его, ибо его боимся; он видел усердие наше в последней

* Так в рукописи.

войне австрийской, более, нежели сомнительное. Сия двоякость была необходимым следствием того положения, в которое поставили себя Тильзитским миром, и не есть новая ошибка.

Легко ли исполняется обещание услуживать врагу естественному и придавать ему силы. Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы завоевать Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов. Но Карл мог еще победить; к тому же и самым усердным исполнением обязанности союзников, мы не заслужили бы искреннего доброжелательства Наполеонова, он дал бы нам поболее, но не дал бы нам средств утвердить свою независимость.

Скажем ли, что Александру надлежало бы пристать к австрийцам. Австрийцы не пристали к нам, когда Бонапарте в изнурении удалился от Прейшиш-Эйлау и когда их 100 т[ысяч]ая армия могла бы доконать его. Политика не злопамятна, без сомнения, но 30 или 40 т[ысяч] россиян могли бы также не подоспеть к решительной битве, как эрцгерцог Иоан[н]⁷² к Ваграмской⁷³. Ульм⁷⁴, Аустерлиц находились в свежей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидев нашу отважность, взял бы скорейшие, действительнейшие меры для обуздания оной. Но сей раз лучше, что он считает нас робкими, тайными врагами, только не допускает мириться, страшает Швециею и Польшею. Что будет далее, известно Богу; но людям известны сделанные нами политические ошибки, но люди говорят — для чего гр. Морков сердил Бонапарте в Париже, для чего мы легкомысленною войною навели отдаленные тучи на Россию! Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Глас народа — глас Божий!.. Никто не уверит россиян, чтобы советники трона в делах внешней политики следовали мудрой, истинной любви к Отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя обиду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия, и всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха!

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри государства. Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденному опытом 34-х лет и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени, — вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом исправлять по основательному рассмотрению, — советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время даст надлежащую твердость уставам, ибо мы более уважаем то, что давно уважаем, и все делаем лучше от привычки. Петр Ве[ликий] заменил Боярскую Думу Сенатом, приказы Коллегиями и не без важного усилия сообщил им стройную деятельность. Время открыло некоторые лучшие способы управления, и Екатерина II издала [указ] учреждения губерний⁷⁵, проведя его в исполнение по частям с великою осторожностью. Коллегии дел судных и казенных уступили место Палатам, другие остались, и если правосудие и государственное хозяйство при Екатерине не удовлетворяло всем желаниям доброго гражданина, то никто не мыслил жаловаться на формы или на образование: жаловались только на людей. Фельдмаршал Миних замечал в нашем государственном чине некоторую пустоту между тронem и народом, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думе, Сенат в начале своем имел всю власть, какую только высшее правительственное место в самодержавии иметь может. Генерал-Прокурор⁷⁶ служил связью между им и народом и государем; там вершились дела, которые надлежало бы вершить монарху: но человечеству, не имея способа обнять их множества, он дал Сенату свое верховное право и свое око в Генерал-Прокуроре, определив, в каких случаях действовать сему важному месту по известным законам и в каких требовать Его Высочайшего соизволения. Сенат издавал законы, поверял дела Коллегий, решал их сомнения или спрашивал у государя, который принимал на него жалобы от людей частных, грозил строгою казнию ему за зловредное употребление власти, или дерзкому челобитцу за несправедливую жалобу. Я не вижу пустоты, и новейшая история от времен Петра до Екатерины II свидетельствует, что учреждение Верховных Советов, Кабинетов, Конференций было несовместно с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому.

Система правительства не уступала в благоустройстве ни какой иной европейской, заключающая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами России. Павел, не любя дел своей матери, восстановил разные уничтоженные ею Коллегии⁷⁷, сделал перемены и в учреждении губерний, но благоразумные; отменив мало нужные Верхние Земские суды с расправами, отняв право исполнения у решений палатских и пр.

Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил Министерства⁷⁸, согласно с мыслями фельдма[рша]ла Миниха и с системою правительств иностран-

ных. Прежде всего, заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: Министерства установлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т. е. верного, ясного руководства в исполнении важных их обязанностей! Теперь спросим о пользе: министерские бюро заняли место Коллегий, где трудились знаменитые чиновники: президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, — там увидели мы мало-важных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые под щитом министра действуют без всякого опасения. Скажут, что министр все делает и за все отвечает, но одно человеколюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах и весьма тесных. Напр[имер], министр внутр[енних] дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже разуместь предметы столь различные? Начали являться одни за другими различные комитеты: они служили сатирою на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. Наконец заметили излишнюю многосложность внутреннего министерства. Что же сделали? Прибавили новое, столь же многосложное и не понятное для русских в его составе. Как? Опекни принадлежат минис[терству] вну[тренних] дел, т. е. минис[терству] полиции? Ему же и медицина? и проч. и проч. Или сие министерство есть только часть внутреннего, или названо не своим именем. И благоприятствует ли славе мудрого правительства сие второе преобразование? Учредили, и после говорят — «Извините, мы ошиблись, сие относится не к тому, а к другому минис[терств]у?» Надлежало бы обдумать прежде, иначе что будет порукою и за твердость нового устава? Далее: основав бытие свое на развалинах Коллегий, ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили свою важность в сем порядке вещей, министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие; хотя подведомые ему отчетами, но сказав: «Я имел счастье докладывать государю», — заграждали уста сенаторам, и сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россию управляли министры, т. е. каждый по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность; один ли министр, или собрание знатнейших сановников, которые мы обыкли считать высшим правительством, главным орудием монаршей власти? Правда, министры составляли между собою Комитет⁷⁹, ему следовало одобрить всякое новое установление прежде, нежели утвердилось монархом; но сей комитет не походит ли на совет 6 или 7 разноземцев, из коих каждый говорит языком, непонятным другим? Министр морских сил обязан ли разуместь тонкости судебной науки или правила государственного хозяйства, торговли и проч. Еще важнее того, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей, для своих собственных выгод сам делается сговорчив.

«Просим терпения, — говорят советники монарха, — мы изобретаем еще новый способ ограничить власть министров». Выходит учреждение Совета⁸⁰

И Екатерина II имела Совет, следуя правилу: «Ум хорошо, а два лучше». Кто из смертных не советуется с другими в важных случаях! Государи более всех имеют в том нужду. Екатерина в делах войны и мира, где ей должно было произнести решительное да или нет, слушала мнение некоторых избранных вельмож; вот Совет ее, по существу своему тайный⁸¹, т. е. особенный, лично императорский. Она не сделала его государственным, ибо не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим высшим правительственным местом. Какая польза уничтожать Сенат, чтобы возвысить другое правительство? Если члены первого недостойны монаршей доверенности, надобно только переменить их; или Сенат не будет правительствующим, или Совет не может торжественно, под своим именем рассматривать за ним дела и мимо Сената издавать с государем законы. Мы читаем ныне в указах монарших — «вняв мнению Совета». И так Сенат в стороне? Что же он? Останется ли только судилищем? Увидим, ибо нам велят ждать новых дополнительных уставов государственных, преобразования Сенатского, губерний и проч. «В монархии, — пишет Монтескье⁸², — должно быть хранилище законов»*

Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом, или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы, или предисловия — «вняв мнению Совета!». Государь русский внемлет только мудрости, где находит ее: в особенном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно ни какого одобрения для законов, кроме подписи государей: он имеет всю власть. Совет, Сенат, Комитеты, министры, суть только способы ее действий, или поверенные государя, — их не спрашивают, где он сам действует. Выражение *le conseil d'etat entendu*⁸³ не имеет смысла для гражданина российско-

* Далее в рукописи опущено 12–13 строк.
Le conseil d'etat entendu (фр.) — вняв мнению Государственного Совета.

го; пусть французы справедливо или несправедливо употребляют оное! Правда, у нас писали «Государь указал, бояре приговорили», но это законная пословица была на Руси не-

сколько лет панихидою по усопшей аристократии. Воскресим ли боярскую форму, когда и вещи, и форма давно истребились.

Совет, говорят, будет уздою для министров: император отдаст ему рассматривать важнейшие их представления. Но между тем, они все будут править государством именем государя. Совет не вступает в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных, или в новых постановлениях; а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим, целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Сената имело для всех действие внезапности. По крайней мере авторы должны были изъяснить пользу новых своих преобразований: читаю и вижу одни сухие формы, мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое; говорят россиянам «было так, отныне будет иначе». Для чего? Не сказывают. Петр Великий⁸³ в важных переменах государственных давал отчет народу: взгляните на регламент духовный⁸³, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною. Издают проект Наказа министерского; что важнее и любопытнее? Тут без сомнения определена сфера деятельности, цель, способы, должности каждого министра! Нет. Брошено несколько слов о главном деле, а все остальное относится к мелочам канцелярским: сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою; как входят и выходят бумаги; как государь начинает и кончает свои рескрипты. Монтескье означает признаки возвышения и падения империи. Автор сего проекта с такою же властью дает правила судить о цветущем и худом состоянии канцелярий. Искренно хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «Если государь издает указ, несогласный с мыслями министра, то министр не скрепляет его своею подписью». Следственно, в государстве самодержавном министр имеет право объявлять публике, что выходящий указ, по его мнению, вреден? Министр есть рука Венценосца, не более; рука не судит головы.

Министр подписывает именныя указы не для публики, а для императора, в уверение, что они написаны слово в слово так, как император приказал.

Подобные ошибки в коренных государственных понятиях, едва ли извинительны. Чтобы определить важную ответственность министра, автор пишет: «Министр судится в двух случаях, когда преступит меру власти своею, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращения зла». Где же означена сия мера власти и сии способы? Прежде надобно дать закон, а после говорить о наказании преступника. Эта громогласная ответственность министра, в самом деле может ли быть предметом торжественного суда в России? Кто их избирает? Государь! Пусть он награждает достойных своею милостью, а в противном случае, удаляет недостойных без шума, тихо и скромно. Худой министр — ошибка государева: должно исправлять подобные ошибки; но скрывать, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским.

Рассматривая, таким образом, сии новые государственные творения и видя их незрелость, добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с Коллегиями, с Генерал-Прокурором у нас шли дела и прошло блестяще царствование Екатерины II. Все мудрые* законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменны, — говорит умный Макиавелли⁸⁴, — то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем совсем иначе: оставляя вещь, гоним имена; для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно, но менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих, а ожидают их более с страхом, нежели с надеждою: ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет, и не в образе дикой орды, но в виде государства великого, и нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских, требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если империя справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли страшнее? Где, в какой земле европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франции? Правда, там есть [...]**

Правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников; но где видим гражданское общество согласнее с истинною целью оною, в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах правительства? Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона, оставив прежние формы; но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к

* Далее в скобках зачеркнуто — политики.
Далее в рукописи опущены две с половиной строки.

общему добру, он скорей мог бы достигнуть сей цели, и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка.

Гораздо легче отменить новое, нежели старое, гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александрова; новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу Империи и коих благотворность остается доселе сомнительною.

Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александрова царствования, посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив знаменитую державу Прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых россиян не был спокоен: все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает правительство. Выходит Манифест о милиции⁸⁵... Верю, что советники Александровы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 т[ысяч] человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их без средств, везти хлеб за ними или изготовить его в тех местах, куда им идти надлежало. Где взять столько дворян для предводительства? Во многих губерниях недоставало и половины чиновников. Изумили дворян, испугали земледельцев, подвозы, работы остановились; с горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнейших неистовств. Бог защитил нас. Нет сомнения, что благородные сыны Отечества готовы были тогда на великодушные жертвы, но скоро общее усердие простыло: увидели, что правительство хотело невозможного, доверенность к нему ослабела с слезами, чрез несколько дней начали смеяться над жалкою милициею. Наконец, уменьшили число ратников, имели 7 месяцев времени и не дали армии никакой сильной подмоги! Зато мир Тильзитский!.. Если бы правительство вместо необыкновенной для нас милиции потребовало от государства 150 т[ысяч] рекрут с хлебом, с подводами, то это не произвело бы ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу армию прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении. В случае чрезвычайных государственных опасностей и жертв главное правило есть — действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать. Я читал переписку русских воевод при Лжедмитрии, когда мы не имели ни царя, ни Боярской Думы, ни столицы: сии воеводы худо знали грамоте, но знали Россию и спасли ее самыми простейшими средствами, требуя друг от друга, что каждый мог сделать лучшего по местным обстоятельствам своего начальства. Эту статью заключу особенным замечанием: во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винили беспечность начальства: не знаю — воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякий случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок; что новые паровые машины действуют не весьма удачно, и что новые образцовые ружья причиною разорения мастеров; так ли?

Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Гнушаясь бессмысленным правилом держать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для сооружения университетов, гимназий, школ; но, к сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества! Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латынский и число их так невелико, что профессеры теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по-немецки, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору стать только на кафедру, зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы хотят знать существенно арифметику, или языки иностранные для выгод своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кой-как в семинариях и далее не идут. А выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг решаются готовить своих детей для оного. Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения казенных питомцев в гимназиях. Скудные родители, отдавая туда сыновей, благославляли бы милость государя и презренная бедность через 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смее сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов, есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя языка русского, а в целом государстве едва найдете человек 100, которые совершенно знают правописание; а мы не имеем хорошей грамматики; а в именных указах употребляются

слова не в их смысле; пишут в важном банковом учреждении: «отдать деньги бессрочно», вместо «а per — retuite» — без возврата; пишут в манифесте о торговых пошлинах: «сократить ввоз товаров» и пр. и пр. Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свечей и дров для Университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание 100 или более училищ подведомых университетскому Совету. Сверх того профессора обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ; сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство Университета зависело от его особой канцелярии, и гораздо лучше. Пусть директор училищ в года два один раз осмотрел бы уездные школы в своей губернии; но смешно и жалко видеть бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам! Они не выходя из Совета, могут знать состояние всякой гимназии, или школы по ее ведомостям: где много учеников, там училище цветет, где их мало — там оно худо; а причина едва ли не всегда одна — худые учителя! Для чего не определяют хороших? Их нет, или мало. Что виною? Сонливость здешнего Педагогического института (говорю только о Московском, мне известном); путешествия профессоров не исправят сего недостатка. Вообще министерство так называемого просвещения в России дотныне дремало, не чувствуя своей важности, и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось от времени до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя.

Сделав много для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в Университетах, правительство желало принудить нас к тому, и выдало печатный указ об экзаменах⁸⁶: отныне никто не должен быть произведен ни в статские советники, ни в ассесоры без свидетельства о своей учености. Доселе, в самых просвещенных государствах, требовалось только от чиновников необходимого для их службы знания: науки инженерной от инженера, законоведения — от судьи и про[ч]. У нас председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита; секретарь сенатский — свойства кислорода и всех газов; вице-губернатор — Пифагорову теорему; надзиратель в доме сумасшедших — римское право, — или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги — не освобождают его от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целью. Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает ошибки грамматические! Не будем говорить о смешном — заметим только вредное: дотныне дворяне и не дворяне искали в гражданской службе у нас чинов или денег: первое побуждение невинно, второе — опасно; ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Петр не знал ни физики, ни статистики, ни других наук. Для чего будут служить титулярные, коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку; худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления, надлежало бы только исполнить сказанное в уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая на службу, обязаны предъявить свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя по справедливости делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанный законом, а вы нарушаете сей контракт государственный. И вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать нужных для той службы, коей он желает посвятить себя. Юнкеров иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатии, языках; других только в знаниях отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих в геометрии, буде они желают быть землемерами и т. д. Хотеть лишнего или не хотеть должного, равно предосудительно. Указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками; тот, о коем хочу теперь говорить, многих оскорбил и никого не порадовал, хотя самое святейшее человеколюбие внушило его на мысль государю.

Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их врознь.

Положим, что такие звери были и в наше время; надлежало бы грозным указом запретить сей промысел и сказать, что имения дворян, столь недостойных, будут отдаваться в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10, 20 лет, чтобы скопить 700, 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целостность семьи своей, ныне отнято у них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет его любезного сына? Правда, винные откупщики⁸⁷ радуются; но отцы семейств плачут. Для государства необходимы рекруты; лучше брать их из людей злосчастных, нежели счастливых, ибо судьба последних несравненно горестнее в солдатстве. Спрашиваю: крестьяне тирана помещика, который от жадности к золоту мог бы продать их в рекруты, наслаждаются ли благоденствием от того, что сия продажа запрещена? Может быть, они сделались бы менее злопо-

лучны в полках! С другой стороны, небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользою для себя и для общества: ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской, а работающий, трезвый остался бы за сохою. Пример также имел бы спасительные действия: иной унялся бы от пьянства, зная, что господин может продать его в рекруты. Чем теперь владеец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, утрашит крестьян распутных? Палкою? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у генералов, они сего не приметили. По крайней мере, верно то, что крестьяне стали хуже в селах. Отец трех, иногда двух сыновей заблаговременно готовит одного из них в рекруты и не женит его; сын знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасется от солдатства. Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной, иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла.

Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу. Должно знать происхождение сего рабства: в IX, X и XI веке были у нас рабами одни холопы, т. е. или военнопленные, или купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, поселяли ими свои земли: вот первые в нынешнем смысле крепостные деревни* Сверх того владеец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснявших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить вечно, — вторая причина сельского рабства! Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев за деньги только, или за определенное количество хлеба, имея право по истечении урочного времени идти в другое место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить государственные повинности. Царь Борис первый отнял у всех крестьян волю переходить с места на место⁸⁸, т. е. укренил их за господами. Вот начало общего рабства. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец утвердился во всей силе, и древнее различие между крестьянами и холопами совершенно исчезло. Следует 1-е), что нынешние господские крестьяне не были никогда

* Слово «деревня» написано над зачеркнутым «крестьяне».

владельцами, т. е. не имели собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворян. 2-е), что крестьяне холопского происхождения также законная собственность дворянства и не могут быть освобождены лично без особенного, некоторого удовлетворения помещикам. 3-е), что одни вольные, Годуновым укрепленные за господами земледельцы, могут по справедливости требовать прежней свободы; но как? 4-е), мы не знаем ныне, которые из них происходят от холопей и которые от вольных людей, то законодателю предстоит не малая трудность в распутывании сего узла Гордиева, если он не имеет смелости рассечь его, объявив, что все люди равно свободны: потомки военнопленных, купленных, законных, невольников и потомки крепостных земледельцев; что первые освобождаются правом естественным; так же как вторые правом монарха самодержавного отменять уставы своих предшественников. Не вступая в дальнейший спор, скажем только, что в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому и что благоразумный самодержец отменяет единственно только те уставы, которые делаются вредными или недостаточными, и могут быть заменены лучшими.

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо, но сии земледельцы не будут иметь земли, которая, в чем не может быть и спора, есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб, куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде; или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к Родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность: тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических. Напишут контракт и земледельцы не исполнят его: тяжбы, вечные тяжбы. Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля необработанными, многие жилища пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительно безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе — какое разоренье! Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу или полицию, гораздо деятельнейшую всех Земских судов⁸⁹, станут пьянствовать, злодействовать. Какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной

безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства; отняв у них сию власть блюстительную, он как атлас* возьмет себе Россию на рамена** — удержит ли? Падение страшно! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внешнюю целостность государства; благотворить состояниям и лицам — есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободой, но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным?

Нет сомнения, что крестьяне благозачумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника.

Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний. Ежели последние верно исполнят свою должность, то первых скоро не увидим; а ежели в России не будет умных и честных губернаторов, то не будет благоденствия и для поселян вольных. Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им надобно возратить оную. Тогда они имели новых людей вольных, ныне имеют новых рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян есть решительное зло), но ты будешь ответственность Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных новых уставов».

Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия, но многие ли столь богаты? Многие ли захотят отдать последнее за вольности? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью, крестьяне худых — бедны. То и другое мешает успеху сего закона.

К важнейшим действиям нынешнего царствования относятся меры, взятые для уравнивания доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще государственного хозяйства. Две несчастные войны: французская и турецкая, в особенности шведская, заставили казну умножить количество ассигнаций; случилось необходимое: цены на вещи возвысились и курс упал, а разрыв с Англией довершил сие бедствие. Грузные товары наши могут быть единственно отпускаемы морем; число иностранных кораблей в русских гаванях уменьшилось, а произведения фабрик европейских, легкие, драгоценные, входили к нам и морем, и сухим путем. Исчезло всякое равновесие между ввозом и вывозом. Таково было состояние вещей, когда показался манифест о налогах⁹⁰. Вместо того, чтобы сказать просто: «Необходимое умножение казенных расходов требует умножения доходов, а новых ассигнаций не хотим выпускать», правительство торжественно объявило нам, что ассигнации⁹¹ не деньги, но составляют необъятную сумму долгов государственных, требующих платежа металлом, коего нет в казне!. Следствием было новое возвышение цен на все вещи и падение курса: первое — от новых налогов, второе — от уменьшения доверенности иноземцев к нашим ассигнациям, торжественно оглашенным сомнительными векселями. Скажем о том и другом несколько слов.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, и чрез несколько месяцев открываются в ней новые недостатки. Напри[мер], за что комиссариат платит в начале года 10 мил[лионов], за то, в следствие прибавленных налогов, подрядчики требуют 15 мил[лионов]! Опять надобно умножать налоги, и так до бесконечности. Государственное хозяйство не есть частное. Я могу сделаться богаче от прибавки оброка на крестьян моих, но правительство не может, ибо налоги его всегда суть общие и производят дороговизну. Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, промышленностью или бережливостью. Если год от года будет у нас более хлеба, сукон, кож, холста, то содержание армии должно стоить менее, а тщательная экономия богаче золотых рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два, миллион, налогом приобретенный, уменьшается, ныне в половину, завтра будет нулем. Искренно хваля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но бережливость государя не есть государственная. Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три генерала стерегут туфли Петра I; там один человек берет из пяти мест жалованье; всякому столовые деньги, множес-

* Атлас — так в рукописи; очевидно, речь идет об Атланте — титане, держащем на своих плечах небесный свод.
Рамена — плечо.

тво пенсий излишних; дают займы без отдачи, а кому? Богатейшим людям. Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну; непрестанно на государственном иждивении ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от императора домов, и покупают оные двойною ценою из сумм государственных; будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды и проч. Одним словом, от начала России не бывало государя столь умеренного в своих собственных расходах, как Александр, и царствования, столь расточительного, как Его. В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалования сим людям! И чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами. Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 м[иллионов], не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жаловании, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самих частных людей, которые в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства.

Обратимся к ассигнациям. Многие простодушные, впрочем, не глупые люди, донныне думают, что советники правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умышленно повредить государственному кредиту. Я объясняю себе загадку, как и в других [случаях], одною известною хвастливостью неосновательных умов и не менее известную их охотою умничать. Доселе назывались в России государственными долгами только те суммы, которые наше правительство занимало в Голландии, или в других землях: никто не причислял ассигнации к оным и всякий считал их деньгами, ибо они служили как деньги в купле. Жители Мальдивских островов не знают иной монеты, кроме ничтожных раковин, имея торговлю внутреннюю и внешнюю. Кто дает цену деньгам? Правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранять нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для делания из них сосудов, пуговиц и табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собою. Пусть металлическая монета, как доказывают Бюш⁹² и другие, есть наилучшая, уже быв известною и во времена Иова, но сильное государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищим, должно ли не иметь ни армий, ни флотов для того, что умело по обстоятельствам нет в избытке ни серебра, ни золота. Самое золото имеет гораздо более воображительного, нежели внутреннего достоинства: кто бы за его блесточку отдал зимою теплую шубу, если бы оно ценилось только по своей собственной пользе? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись без первой, а на вторую купить себе кафтан. Если мне дадут кафтан и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоценны. Ассигнации уменьшаются в цене от своего размножения, золото и серебро — также.

Открытие Америки произвело в оценке европейских товаров действие, подобное тому, что видим ныне в России от ассигнаций. Сей закон соразмерности непреложен. От IX до XIV века предки наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительством заклеянные лоскутки, называемые кунами⁹³, т. е. ассигнациями, и торговали с востоком и западом: с Грецией, с Пруссией, с Немецкой Ганзой; от IX века до 1228 г. лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру: ибо правительство не расточало их; но унизились до крайности, быв после того размножены неумеренно. Достоинно примечания, что сии кожаные лоскутки были заменены у нас серебряною и медною монетою в самые мятежные и варварские времена ига ханского, когда баскаки уважались более князей. Татары не хотели брать кун, а требовали серебра. Русский мог откупиться от мук, от смерти, от неволи куском сего металла; отдавал за него все, что имел, и с презрением отвергал куны, так что они сами собою должныствовали исчезнуть. Прежде серебро шло в Киев из Греции, после в Новгород из Сибири чрез Югорию⁹⁴, туда же из немецкой земли, чрез города Ганзотические⁹⁵, наконец в Москву из самой Орды, с коєю мы завели торговлю. Но количество добываемых купечеством металлов было столь невелико, что россияне, отменив куны, внутри государства должныствовали большей частью меняться вещами: дело весьма неблагоприятное для успехов торговли и вследствие варварства! Царь Иоанн Васильевич истощил казну многими дотоле необыкновенными расходами и, видя недостаток серебра, снова думал ввести кожаные деньги. Хотя торговля с Англиєю и приобретение Сибири с ее рудниками наделили нас изрядным количеством металлов, однако ж Петр I нуждался в оных, и серебро в России было тогда дороже, нежели в других землях европейских; посему купцы иноземные охотно привозили к нам червонцы и талеры. Несмотря на это, редкость денег препятствовала успехам торговли внутри государства: из самых отдаленных губерний возили в столицу сухим путем хлеб и другие дешевые вещи, ибо не могли продавать их на месте. В Петербурге, Архангельске, Москве сыпалось золото и серебро. В Симбирске, Пензе, Воронеже едва показывались. В бумагах времен

императрицы Анны и правительницы видим жалобы умнейшего из русских министров на великий недостаток в легкой монете. Остерман предполагал несколько раз закупить большое количество серебра в Голландии, не имев мысли об ассигнациях, и едва ли зная, что Россия в новом государственном порядке Европы первая и столь долго употребляла оныя. Наконец, Екатерина II изданием ассигнаций сперва изумила, но скоро облегчила народ во всех платежах и торговых сделках. Увидели удобность и пользу. Дотоле знатные купеческие обороты производились у нас векселями, с сего времени ассигнации заступили место векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдать металлические деньги за оныя, но знаю, что публика, однажды навсегда удостоверенная в действительности бумажек, станет требовать от банка единственно малых сумм, нужных для мелочных расходов. Так и было в царствование Екатерины к пользе государственной и народной. Казна приобрела знатный капитал и могла в чрезвычайных случаях обходиться без умножения податей, народ перестал нуждаться в деньгах, и серебро уже менее необходимое, долго держалось в одной цене с ассигн[ациями], после возвысилось безделицею, после еще более и наконец в 1,5 раза, вместе с постепенным возвышением всех иных цен: необходимое следствие прибавки 200 ми[ллионов] к денежной сумме, бывшей у нас дотоле в обращении. Где мало денег, там вещи дешевы, где много — там дороги. Серебряная монета, замененная ассигнациями, сделалась в отношении к ним дороже не как монета, предпочтительная бумажным, но как товар. Стали замечать общую дороговизну, которая однако ж не выходила из меры и не была решительным злом. Справедливо жаловались на правительство, когда оно в последние годы Екатеринина царствования не могло удовлетворить народному требованию в выдаче мелкой разменной монеты. Время Павлово не произвело никакой верной перемены в государственном хозяйстве: ибо казна не умножила ассигнаций, но в нынешнее царствование излились они рекою и вещи удвоились, утроились в цене. Не осуждаем правительство за выпуск, может быть, 500 ми[ллионов] бумажных рублей. Находились ли иные лучшие способы для удовлетворения государственным потребностям, не знаю, даже сомневаясь. Но когда сделалось неминуемое зло, то надо размыслить и взять меры в тишине, не ахать, не бить в набат от чего зло увеличивается.

Пусть министры будут искренны пред лицом одного монарха, а не пред народом: сохрани Боже, если они будут следовать иному правилу обманывать государя и сказывать всякую истину народу. Объявите, что отныне фабрика ассигнационная остается без дела; хорошо, но к чему толковать слова: «Объявителю платит государ[ственный] банк и пр.» Я позволил бы сказать вам, что ассигнации не деньги, если бы вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебром для вымена бумажек, позволил бы сказать, что ассигнации не деньги, если б у нас были другие, какие? Серебряные, медные! Сколько их теперь в России? и думаете ли, что бедная сумма их могла бы довольствовать государство в торговых его оборотах? В древней России не ходили куны вместе с серебром и золотом: в новой ходят ассиг[нации] вместе с металлами, тогда и ныне редкими; кожаный лоскуток не лучше бумажного, но древние князья киевские, славянские, новгородские не изъясняли народу, что куны — вексель, и Россия 500 лет довольствовалась оными, благославляя сие счастливое изобретение — привычка сильнее мудрования, несмотря на вексельную форму ассигнации, мы не считали государя данником своим, не ждали от него платы за бумажки, не осведомлялись о состоянии казны, будучи довольны тем, что мы за них имеем все вещи по желанию.

Пусть ассигнации — вексель, но государственный, свойством отличный от купеческого, или гражданского; правительство выпускает их в обращение под видом векселей; но вошедшие в общее употребление они уже делаются монетою там, где нет оной в достаточном количестве. Необходимость есть закон для правительства и народа. Если бы купец сказал о своих заемных письмах то, что в манифесте сказано об ассигнациях; если бы объявил торжественно, что надавал их непомерное множество и крайне заботится о последствиях; едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имение на вексель, а за наши ассигнации и теперь продают все. Они унизились ценою в отношении к вещам не для того, чтобы лишились доверия или кредита, но следуя общему закону соразмерности между вещами и деньгами, одним словом, вопреки манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо не имеем иных; но купцы иноземные, купцы гораздо ученнейшие россиян в языке и признаках государственного банкротства, усумнились иметь дела с нами; курс упал более и более, уменьшая цену русских произведений для иностранцев и возвышая оную для нас самих.

Что сказать о так называемом разуме манифеста, всюду разосланном вместе с ним?⁹⁶ Надобно, чтобы разум находился в самом манифесте, а не в особом творении какого-нибудь школьника секретаря, который с смешною важностью толкует нам слова повторением их, или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считают нужным перелив монеты сообразно с ее нынешнею ценою и что пуд меди, стоящий во всех других вещах 40 руб[лей] в деньгах должен ходить за 16, ибо если мы из медного рубля сделаем два, то все цены удвоятся.

Нет, [господин] изъяснитель! Медная монета есть у нас только разменная, в коей мы теперь

имеем крайнюю нужду и которая уменьшается от тайного переплавления в вещи, или от вывоза в чужие земли. Не надобно из рубля меди делать без необходимости десяти, чтобы не было фальшивой монеты, но не должно делать и 16 [рублей] из 40, чтобы монету не переплавляли в кубы и проч. Ни в каком государстве металлы не ходят в деньгах ниже цены своей. Вопреки сему разуму правительство уста[но]вило переменить медную монету и сделать из 16 — 24 руб[ля], для чего же не 40, не 50? Не так легко делание фальшивой монеты, если бы медь через несколько времени и весьма унизилась в цене, чему доказательством служит и собственный наш пример, когда медные деньги с времен Петра I ходили несравненно выше своего внутреннего достоинства. Все жалуются на правительство, что оно, имея действительно способ доставить нам все нужное для размена количество медной монеты, позволяет меновщикам грабить людей. Торгуют даже и мелкими ассигнациями. Неужели советникам банка трудно их подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывал книги о государственном хозяйстве, слышал, как люди ученые судят о нынешнем хозяйственном состоянии России и замечал более слов — нежели мыслей, более мудрствований — нежели ясных понятий. Зло не так велико, как думают. Все дорого, правда, но с умножением расходов не прибавились ли и доходы? Владелец, имеющий деревни на пашне, или фабрикант не терпит от дороговизны; купцы также; господин оброчных крестьян терпит более или менее; денежные капиталисты и люди, живущие жалованьем, — более всех терпят. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынешняя дороговизна есть вообще зло; а как оно произошло от умножения ассигнаций, то надобно ли уменьшить их количество?

«Надобно» — думает правительство и взяло меры: учредили заемный Банк²⁷ и продают казенные имения ... Желательно, чтобы сие намерение не совсем исполнилось, иначе явится другое зло, которое в течение минувшего лета едва ли кто-нибудь мог предвидеть.

Цены на вещи возвышались не только по соразмерности прибавляемых ассигнаций, но и по вероятности их будущего выпуска; также вследствие новых податей и низкого курса. В пятницу хотели взять более за товар, нежели в четверг, в субботу более — нежели в пятницу, следуя иногда привычке и вкусу слепого корыстолюбия. Уже не действует сила, приведшая в действие торг, но торг еще катится. Верят и не верят, чтобы казна перестала издавать новые ассигнации.

Наконец открывается нечаянность: большая нужда в деньгах, т. е. в ассигнациях! Купцы в Москве с изумлением спрашивают друг у друга — куда они девались и предлагают заимодавцам три процента на месяц. Ассигнаций не убыло, но по дороговизне делается мало, т. е. излишне дорогие цены в последнее время вышли из соразмерности с суммою оных. Например, купец имел прежде 10 т[ысяч рублей] в капитале, ныне имеет 15 т[ысяч], но как цена покупаемого им товара удвоилась, то он, чтобы не уменьшить своей торговли, должен признать 5 т[ысяч] рублей.

Если казна посредством банка и продажи имений вынет теперь из обращения 200 мил[лионов], увидим страшный недостаток в деньгах, винные откупщики разорятся, крестьяне не заплатят оброка господину, купцы не купят или не продадут товара; недоимка в казенных сборах. Не думайте, чтобы вдруг оказалась дешевизна: нет, первые продавцы не скоро уступят вам вещь за половину ее бывшей цены, но делается остановка в торговле и платежах. Неудовольствиям, жалобам не будет конца, и многие скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядок в оценке вещей, соразмерный с количеством денег в государстве. Великие переломы опасны. Вдруг уменьшить количество бумажек так же вредно, как и вдруг умножить оное. Что же делать? Не выпускать их более: этого довольно; цены спадут без сомнения, ибо возвысились несоразмерно с прибавлением ассигнаций, как мы сказали, но спадут постепенно, без кризиса, если Россия не будет иметь каких-нибудь несчастий.

Вторая мысль Засемного Банка, или так называемого погашения долгов, есть унижить серебро обещанием уплатить чрез несколько лет рубль сим металлом за два бумажные. Если бы внести в сей Банк миллионов 200, то правительство нашлось бы в крайнем затруднении по истечении срока: нелегко приготовить 100 мил[лионов] серебром для расплаты! К счастью, взнос не велик, ибо у нас нет праздных капиталов; но достохвальное ли учреждение, коему для государственного блага не должно желать успеха? Автор, кажется, полагал, что в течение 6 лет рубль серебряный унижится напр[имер] до 150 [копек] ассигнац[ии] и что заимодавцы с радостью возьмут всю сумму бумажками. Хорошо, а если того не будет? Заметим, что цена серебра возвысилась у нас гораздо более иных цен. Куль муки за четыре года перед сим стоил в Москве 4,5 [рублей] сер[ебром], а теперь стоит менее 2,5. Возьмите в пример и другие русские произведения: за все платите серебром почти вдвое менее прежнего — виною то, что умножился расход оного для содержания иностранных армий и для тайной покупки иностранных товаров. Хотите ли уронить цену серебра, не выменивайте его для армии, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте нам более разменных денег, или вы хотите невозможного. Теперь дороговизна благородных металлов убыточна не для народа, а для казны и богатых людей, имеющих нужду в иностранных товарах, коих цена возвышается по цене серебра. У нас ходит оно только в столицах, в го-

родах пограничных, приморских; внутри России не видят и не спрашивают его в противность сказанному в манифесте, что единственная российская монета банковская есть рубль серебряный; нет, серебро у нас товар, а не деньги.

Для внешней законной торговли также не требуется металлов. Англичанину нет нужды, какие ходят у нас деньги — медные ли, золотые или бумажные. Если он за лоскуток бумаги получает у нас вещь, за которую ему сходно дать свою вещь ценою в гинею, то англ[ийская] гинея будет равняться в курсе с русской бумажкой: ибо торговля государств основана на самом деле на мене вещей. Не существенная, но торговая цена монет определяет курс. Напр[имер], наш рубль уменьшался бы в количестве своего металла, но если за него дают в России столько же вещей, как и прежде, то эта убавка в существенной цене рубля не имеет влияния на курс, буде нет иной причины к упадку одного. Но если деньги нам нужнее в чужих землях, нежели иностранцам русские, ежели более впускаем, нежели выпускаем товаров, то курс наш упадет. Сии причины изъясняют, каким образом рубль мог обратиться в 18 су или в 8 штиверов! Кроме уменьшения цены бумажек внутри государства и несоразмерности ввоза с вывозом товаров, страх, чтобы первые еще более не унизились, заставил многих купцов иностранных, имевших у нас денежные капиталы, переводить их в Англию и другие места.

Правительство наше крайне заботится о лучшем курсе, но хочет невозможного. Пока не восстановится свободная морская торговля, дотоле не будет равновесия в привозе и выпуске товаров; не будет иностранцам нужды в русских деньгах для закупки большого количества произведений. Новым манифестом о тарифах мы позволяем все вывозить, а многое для ввоза запрещаем; но много ли кораблей найдем для первого? Здесь видим новую неудобность. Позволяют, напр[имер], выпуск шерсти, т. е. сводят иностранных купцов с нашими: бой весьма не равный! Иностранцу выгодно дать за пуд ее 2 червонца, как и прежде, но тогда червонец стоил 3,5 а теперь 12,5 руб[лей]. Следовательно, и мы, имея в шерсти необходимую надобность для делания сукон, будем давать за пуд 25 р[ублей]: гораздо более нежели втрое в сравнении с прежнею ценою, а почти втрое в сравнении с нынешнею. Теперь спрашиваем: намерено ли правительство возвысить цену солдатских сукон в России? Что должно быть необходимым следствием вывоза шерсти. Если бы курс упал только соразмерно с уменьшением цены бумажек в России, то мы могли бы без убытка купечествовать в Европе и торговаться в цене наших собственных произведений; но теперь французы, голландцы, немцы имеют слишком много выгод пред нами и могут в совместном торге разорить покупателей русских. Сошлемся на хитрых англичан; для общей пользы, желая у себя дешевизны некоторых вещей, они запрещают их вывоз. Отпуск шерсти может ли променом улучшить курс? Но весьма приметно возвысить цену ее в России. Давно ли правительство употребляло самые несправедливые средства, чтобы иметь дешево сукна для войска? На вольные фабрики налагали оброк, давали хозяину самую малую цену, подчиняли его закону насилия, — теперь вдруг казна подчиняет себя необходимости платить вдвое за сукна.

Мысль ограничить ввоз товаров, по малому выходу наших, благоразумная. Я не стал бы жаловаться на правительство, если бы оно вместе с сукнами, шелковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табак, голландские сельди, соленые лимоны и проч. Жалею только, что в манифесте не назначен срок для продажи запрещенных товаров; под видом старых увидим в лавках и вновь привозимые, разумеется, тайно. Не будет клейма — так фальшивые? И кто из покупателей смотрит на клеймо? Вообще надобно взять строжайшие меры против тайной торговли; она уносит миллионы. Все говорят об ней, но у знатных таможенных чиновников уши завешены золотом! Другое зло то, что лавочники, не ограниченные сроком для продажи, день от дня возвышают цены запрещенных сукон и тканей, а мы все покупаем, пока есть товар. Не надобно давать пищи столь алчному и бессовестному корыстолюбию.

Впрочем, строгость начальства и верность таможи сделали бы нечто в пользу нашего курса, но не многое: он бывает хорош единственно для такой земли, которая более продает, нежели покупает; сверх того имеет безопасное существование государственное, не боится ничего извне и внутри, управляется духом твердого порядка, не знает опасных перемен, не ждет ежеминутно указов о новых мерах государственного хозяйства, не ждет новых толкований на ассигнации, новых доказательств, что они не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всех кораблей на свете, но надобно еще, чтобы иностранцы захотели переводить к нам капиталы, сменять свои червонцы и гинеи на русс[кие] ассигнации и не считали бы их подозрительными векселями.

Оставляя предмет государственных расходов, ассигнаций и торговли, упомяну о манифесте, который, думаю, вышел в 1806 году⁹⁸ и в коем определяются правила купеческих степеней; он назван коренным, и долженствовал быть написан золотыми буквами на хартии и положен в хранилище законов на память векам!

Не говорю о слоге, порядке мыслей; но странно, что законодатель, описав права и выгоды

каждой степени, отлагает до другого времени предложить обязанности, или условия, на коих сии права даны будут купечеству; а только издали страшает их возвышением купеческих податей! На что же обнародовали сей манифест, когда еще не время было сказать, что требуется от желающих иметь описанные в оном выгоды? Трудно угадать; а меланхолики говорили: «Не трудно, хотят беспокоить все состояния. Еще не выдумали налога, а спешат предвестить его и в утешение обещают носить саблю!» Но теперь у нас есть Совет, где рассматриваются проекты общих государственных постановлений; ожидаем впредь более зрелости в мыслях законодательных.

Скоро увидим, как основательна сия надежда? Книги общего гражданского законодательства готовятся для России.

Уже царь Федор Алексеевич видел недостаток Уложения: вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги законов и собственною рукою написал о том указ Сенату, желая чтобы правила оных были утверждены на основательном рассмотрении всех наших и чужестранных гражданских уставов.

Екатерина I несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II указал из каждой губернии прислать для оного в Москву по нескольку выборных дворян, знающих, благомыслящих. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества; но гр[аф] Остерман, в постановлении правительницы, говорит: «Уже более 20 лет трудятся при Сенате над сочинением книги законов, но едва ли будет успех, если не составят особенной для того комиссии из двух особ духовных, пяти или шести дворян, граждан и некоторых искусных законоведцев». Прошло царствование Елизаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю правительства, на учреждение в 1754 г. особой Законодательной комиссии, но план учреждения, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собрание депутатов в Москве, на красноречивый «Наказ» Екатерины II⁹⁹, испещренный выписками из Монтескье и Беккари¹⁰⁰ Чего недоставало? Способных людей. Были ли они в России? По крайней мере, их не находили; может быть, худо искали. Александр, ревностный исполнитель всего, что все монархи Российские желали, образовал новую Комиссию¹⁰¹, набрали многих секретарей, редакторов, помощников; не сыскали только одного, и самого необходимейшего: человека, способного быть их душою, изобрести лучший план, лучшие средства и привести их в исполнение наилучшим образом. Более года мы ничего не слыхали о трудах сей Комиссии. Наконец, Александр спросил у председателя и получил в ответ, что медленность необходима, что Россия имела дотоле одни указы, а не законы, что велено переводить Кодекс Фридриха Великого. Сей ответ не давал большой надежды. Успех вещи зависит от ясного, истинного об ней понятия. Как! У нас нет законов, но только указы? Разве указы (edicto) не законы? Но Россия не Пруссия, к чему послужит нам перевод Фридрихова кодекса? Не худо знать его; но менее ли нужно знать и Юстинианов или датский, единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном законодательстве. Мы ждали опять года два. Начальник переменился; выходит целый том работы предварительной: смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьной пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России. Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в Луне, а не на земле русской, и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам, или не писали для нас законов. Опять новая декорация: видим кормило законодательства в другой руке. Обещают скорый конец плаванью и верную пристань. Уже в манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта-условия. Что же находим? Перевод Наполеонова кодекса!

Какое изумление для русских! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнему мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя; у нас еще не Вестфалия, не Италианское королевство, не Варшавское герцогство, где кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит уставом гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное государство, около 1000 лет, для того ли около 100 лет трудилась над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно перед лицом Европы признать себя глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6 или 7 экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако ж не велел без всяких дальних околичностей взять, напр[имер], шведские законы и назвать их русскими: ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже 9 Уложений, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуют невозможность писать для русских то, что написано во французском подлиннике и, дошедши в переводе до главы о супружестве и разводе, обращаются от Наполеона до Кормчей книги¹⁰²; но везде видно, что они шьют нам кафтан по чужой мерке. Кстати ли начинать, напр[имер], русское уложение главою о правах гражданских, коих в истинном смысле не бывало и нет в России. У нас только поли-

тические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и пр., все они имеют свои особенные права: общего нет, кроме названия русских.

В Наполеоновом кодексе читаю Participation aux droits civils ci-apres*, а дальше говорит законодатель о праве собственности, наследства, завещаний. Вот гражданские права во Франции; но в России господский и самый казенный земледелец имеет ли их, хотя и называется РУССКИМ? Здесь мы только переводим, и в иных местах не ясно, напр[имер], в переводе сказано о человеке, лишенном прав гражданства, что он не может быть ни истцом, ни ответчиком, след[овательно], прибьет вас, ограбит и за то не отвечает? Переводчики многое сокращают, они могли бы выпустить постановления, ими сохраняемые, в отношении движимого и недвижимого имущества.

Могли бы так же не говорить об alluvion** От начала России еще не было у нас тяжбы о сих предметах, и никто из русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше Уложение гражданское, если бы не стояло этого в заглавии. Все не русское, все не по-русски, как вещи, так и предложение оных.

Кто поймет, для чего при нашем учреждении опек быть семейственному совету? Но в сем отделеении французского кодекса говорится о conseil de famille!*** Кто поймет сию кроткость в важном, где не надобно жалеть слов для ясности, и сию плодovitость в описании случаев, совсем для нас неизвестных. Я слышал мнение людей не глупых: они думают, что в сих двух изданных книжках предлагается только содержание будущего кодекса с означением некоторых мыслей. Я не хотел выводить их из заблуждения и доказывать, что это самый кодекс; они не скоро бы мне поверили. Так эта Наполеоновская форма законов чужда для понятий русских. Есть даже вещи смешные в проекте, напр[имер], «младенец, рожденный мертвым, не наследует!» Если законодатель будет говорить подобные истины, то наполнит ими сто, тысячу книг. Я искал сей истины в кодексе и нашел, вместо ее [...]****

Здесь переводчики делаются авторами. Не привязываюсь к новым словам, однако ж в книге законов странно писать о ложе реки, вместо желобовины, русла. Самая выписка из наших церковных уставов о позволенных браках и разводах сделана наскоро. Напр[имер], забыта главная вина

* Participation aux droits civils ci-apres — раздел о гражданских правах (фр).
Alluvion — аллювий, нанос реки (фр).
Conseil de famille — семейный совет (фр).
Пропущена одна строка.

развода: неспособность к телесному совокуплению. Вижу крайний страх авторов предлагать отмены в делах духовных; но в уложении надлежало бы по крайней мере сказать, что епископы в своих епархиях могут, по усмотрению, позволять браки сомнительные свой-

ствам жениха с невестою; иначе в небольших деревнях скоро нельзя будет никому жениться от размножения свойства. Хвалю закон о разделе имений между братьями и сестрами, детьми и родителями, уже давно предлагаемый общим мнением. Не знаю, можно ли сверх того похвалить что-нибудь в сем проекте.

Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы они могли быть удобно применены к нашему гражданскому состоянию? Мы все, как все любящие Россию, государя, ее славу и благоденствие, ненавидим сей народ, обогранный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных; и в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его кодекс на святой алтарь Отечества!

Для старого народа не надобно новых законов: согласно с здравым смыслом требуем от Комиссии систематического предложения наших. «Русская правда» и «Судебник», отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен Алексея до наших, вот содержание кодекса! Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое или соглашение указов, для коего востребуется иное объяснить, иное отменить, или прибавить, буде опыты судилищ доказывают или противоречие, или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности уголовные — жестокие, варварские; их уже даже не исполняют: для чего же они существуют к стыду нашего законодательства?

Таким образом собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные законы предложите в форме книги систематической, с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите общими правилами, без коих нет полных законов, и которые дают им высочайшую степень совершенства. Сих-то правил недостает в Уложении царя Алексея, и во многих указах говорят: «Если будет такой случай, решите так», а если встретится другой, не описанный законодателем? Надобно идти в доклад!

Не умствуйте высокопарно, но рассуждайте, чтобы просветить судью; лучше, удобнее впечатлеть ему в памяти простые начала, нежели многообразные следствия оных. Русское право также имеет свои начала, как и римское; определите их, и вы дадите нам систему законов. Сие последнее действие законодательства назову систематическим предложением. О порядке материй спорить много не буду: начнете ли с гражданских или с уголовных законов, с людей или вещей, с рассуждений или предписаний; но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея. Оградите святыню закона неприкосновенность Церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между нами, потом займитесь целостью собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч. Наконец, дайте устав для производства дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом уложения русского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. Здесь единство мыслей необходимо для совершенства частей и целого; единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем только человека, или долго ждать будем кодекса.

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом законодательстве: когда у нас нет людей способных для одного, то умерьте свои требования и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического кодекса, издайте полную, сводную книгу русских законов, или указов, по всем частям судным; согласив противоречия и заменив лишнее нужным; чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение Алексея Михайловича, и на морской устав, и на 20 указов, из коих иные и в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых; не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способы правосудия в России, не затрудним судей наших галлицизмом и не покажемся жалкими иностранцами, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова Кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о Российском законодательстве: Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, сама Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов? Должно, сим такая перемена не будет существенным долговременным бедствием для сих областей; в противном случае — не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на легкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих законов русских; особенно языка нашего; вот самое лучшее приготовление к желаемому единству в гражданских уставах! Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего напр[имер], Ливония или Финляндия имеет такой-то особенный (устав)* закон? Причина, родившая оный, существует ли и согласна ли с государственным благом? Буде существует и согласна, то можно ли заменить ее действие иным спосо-

* Так в рукописи.

бом? От новости не потеряют ли нравы, не ослабеют ли связи между различными состояниями гражданскими той земли? «Какая нужда, — говорит Монтескье, — одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным?» Фридрих Вел[икий], издавая общее уложение, не хотел уничтожать всех частных статутов, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть и все сравняется.

Мы означили главные действия нынешнего правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага: постановление о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота, имевшие столь много вредных следствий. Всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кроткости государя, равнодушие местных начальников ко всякому роду злоупотреблений, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников¹⁰³, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов; наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности — то удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует правительству! Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя, не будем твердить, что люди обыкновенно лобят жаловаться и всегда недовольны настоящим; сии жалобы разительны и их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения; нет, государства живущи, и в особенности Россия, движимая самодержавною властью. Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, но не печальна ли сия возможность. Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека, крепкого сложением; только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде. Говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить самые простейшие?

Минувшего не возратить. Было время (о чем мы сказали вначале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатерины царствования, еще живого в памяти и сердцах по ней образованных. Бурное царствование Павла изгладилось бы, как сновидение, в мыслях. Теперь поздно: люди и вещи большею частью переменились, сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью; мы уже от него отвыкли и для славы государя вредно с торжественностью признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных советников, которые хотели своею творческою мудростью затмить женщину Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно теперь искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение разных министерств, учреждение Совета и прочее. Дела не лучше производятся, только в других местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совет существуют, они будут полезны, если в министерстве и Совете увидим только мужей знаменитых честью и разумом.

Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с Коллежиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи.

Сей монарх имел строгость к способным людям, искал их в кельях монастырских и в темных палатах: там нашел Феофана¹⁰⁴ и Остермана, славных в нашей государственной истории. Обстоятельства иные и скромные, такие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить достоинства человека, но да будет тоже правило искать людей! Кто имеет доверенность государя, да замечает их, едва ли не для самых первых мест. Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука одного единовластителя ведет, другого мчит на высоту; медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или в секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостью или бесчестьем сановников: возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного министерства сочинением Наказа; оно тогда образуется, когда приготовите хороших министров. Совет рассматривает их предложения; но уверены ли вы в мудрости их членов? Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства или Сената, но в особенности для мест губернаторских нужны. Россия состоит не из Петербурга и Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями. Если там пойдут дела как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают мощное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, виною худое избрание лиц; и если не имеют способа, [виною] худое образование губернских властей. Каковы ныне большею частью губернаторы? 1) Люди без способностей, они дают всякою неправдою наживаться секретарям своим, или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что в такой-то губернии начальник глупец и весьма давно! В такой-то — грабитель и весьма давно служит! Слухом земля полнится; а министры не знают того, или знать не хотят. К чему служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумага, а люди правят. 2) Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь кроме Сената должен относиться к разным министрам; сколько хлопот и письма! А всего хуже то, что многие части в составе губернии не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта, сколько пестроты и многочисленности! Выходит, что губерния имеет не начальника, а начальников; из коих один в Петербурге, другой — в Москве. Система правления весьма несогласная с нашею старинною, истинно монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есть Россия в малом виде. Мы хотим, чтобы государство управлялось едино, а каждая из частей оно — разными властями. Страшимся злоупотреблений в общей власти, но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет господину, так не будет совершенного порядка и в губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от губернатора, ответственного государю за спокойствие, и гораздо более всех живущих в Петербурге министров, членов Совета

и сенаторов. Одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан губернаторский всеобщим уважением? Да будет губернатор, что были наместники при Екатерине: дайте им достоинство сенаторов, согласите иное с отношениями их к министрам, которые в самом деле должны быть единственно секретарями государя, по разным частям, и тогда умеете только избирать людей.

Вот главное правило. Второе не менее существенное есть — умеете обходиться с людьми! Мало ангелов на свете; не так много и злодеев, — гораздо более смеси, т. е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра, или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго — боязнь наказания. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомнится в истине сказанного Макиавелем, «что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных». Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен — то скажите смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнецев обратилось бы в тигров, если бы не было страха. Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности, явление редкое в мире, иначе не посвящали бы алтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности не столько в надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил. Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улик. Посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит. Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по-коему взятокбратель и взятодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто-нибудь подал на них жалобу; а сии недостойные чиновники, в надежде на своих подобных же им защитников в Петербурге, беззаконствуют смело, презирая стыд, доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни! Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но эти малочисленные примеры соответствуют ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой NN наказан отставкою; но такие-то мои собратья процветают в благоденствии. Один многим не указ; а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, еще найду немало утешений в жизни». Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость неуместна. Как живописцы изображают монарха? Воином — с мечом в руке, а не пастушком с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия, мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали высшим уставом. Сирены могут петь вокруг трона: «Александр воцарил закон в России и проч.». Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр, дай нам именем закона господствовать над Россиею, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!» В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не бояться государя, не бояться и закона. В монархе российском соединяются все власти наши: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола: так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника! Да накажет и тех, которые возводят его на степень знаменитую! Да ответствует министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви: где десять не одного бояться, там десять смотрят за одним. Начинайте всегда с головы: если худы капитан-исправники, виновны губернаторы, виновны министры. Не сему правилу следовали те, которые дали государю совет обесчестить снятием мундира всех комиссариатских и провиантских чиновников, кроме начальников. Равные не могут ответственность друг за друга. Если они все причиною бедствий армии, то мало лишить их мундира, если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виноватого вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое строгое, коего основанием есть справедливость, а целью общее добро. Ненавидят тирана; но мягкосердие тогда есть добродетель в Венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. Единственно в своих личных, тайных оскорблениях государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть; в первом случае видят слабость, во втором беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для монарха; они редко бывают без связи с вредом государственным. Так, напр[имер], не должно позволять, чтобы кто-нибудь в России смел торжественно представлять лицо недовольного, или не уважать монарха,

кого священна особа есть образ Отечества. Дайте волю людям, они засыпят вас пылью. Скажи им слово на ухо, они лежат у ног ваших.

Говорим о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах. Они благодетельны своею умеренностью, в противном же случае делаются или бесполезны, или вредны. Я вижу всех генералов, осыпанных звездами, спрашиваю — сколько побед мы одержали, сколько царств завоевали? Ныне дают голубую ленту, завтра — лишают начальства. Сей, некогда лестный, крест Св[ятого] Георгия висит на знаменитом ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой армии. Кого же украсит теперь Св[ятой] Георгий? Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово, по крайней мере, не возвысились; следствием чего было и есть требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, — ко вреду самых государственных добродетелей. О бережливости говорили мы в другом месте. Здесь напомним две аксиомы: 1) За деньги не делается ничего великого; 2) Изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством: у нас служили по должности, из чести, из куса хлеба — не более; ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства. И какая пестрота? Люди в одном чине имеют столь различное жалованье, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды, ибо первый служит по старым, а другой по новым штатам; первый в Сенате, в губернии, а второй у министра в канцелярии, или где-нибудь в новом месте. Не думают о бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбие генералов арендами и пенсиями. Ставят в пример французов, для чего же не русских, времен Петрова или Екатерины? Но и французские генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способы наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою. Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились: соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, т. е. награждайте им людей единственно превосходных, и вы увидите, что все будут желать оного, не смотря на ничтожную денежную цену его. Слава Богу! Мы еще имеем честолюбие, еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России, в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство вы слышите нередко голос благородной любви к Отечеству. Есть люди, умеете только обуздывать их волю и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград; но повторим — первое еще важнее.

Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будет искать народного блага в новых органических уставах! Не спрашивайте, как писать законы в государстве? Сколько министров? Есть ли Верховный Совет? Но спрашивайте, каковы судьи, каковы властители? Фразы для газет, только правила для государства.

В дополнение сказанного нами прибавим некоторые особенные замечания.

Самодержавие есть палладиум¹⁰⁵ России; целость его необходима для ее счастья. Из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причину унижать дворянство, столь же древнее как и Россия. Оно было всегда ничто иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, если слуги овладеют слабым господином; но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное необходимое орудие, двигающее состав государственный. Дворянство есть наследственное: порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей, и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличием и выгодами, уважением и достатком. Личные под-

Москва. Дом в Кривоколенном переулке, где жил Н. М. Карамзин.

*Остафьевский дом со стороны парка.
На втором этаже — окно комнаты,
где жил Н. М. Карамзин.*

ложные чины — не могут заменить дворянства родового, постоянного и хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оною. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т. е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра I не соблюдается, — офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать путь к высшим степеням? Но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, вельможи, генералы, то с знатностью придется давать им и богатство, необходимое для ее сияния, от чего казна истощится. Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляется дворянство, представляя себе людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановных. Ни слова, буде сии люди

ознаменованы способностями редкими, выпренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если б сии места занимали дворяне. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навикает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, — пленяется знатностью, уделом его предков и наградою личных будущих заслуг его; сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое сверх иных намерений было целью при учреждении наследственного дворянства; преимущественное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который в самой знатности боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною надменностью изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубо-

комысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорю. И так желаю, чтобы Александр, имея правилом возвышать сан дворянский, коего блеск можно назвать отливом царского сияния; возвышать не только государственными хартиями, но и самими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии. Напр[имер], для

*Москва. Дом в Кривоколенном переулке,
где жил Н. М. Карамзин.*

чего императору не являться иногда в торжественных собраниях дворянства, в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском¹⁰⁶? Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письма красноречивые и словесные уверения в монаршем внимании к обществу благородных. Но ничем Александр не возвысил бы его столь ощутительно, как законом принимать всякого дворянина в военную службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык с правильностью; давайте жалование только комплектным, все благородные согласно с пользою монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руки, вместо пера, но им ныне, без сомнения, ко вреду государственному и богатые, и не богатые дворяне, вооружают детей своих в канцеляриях, в архивах, в судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровье, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать офицером? Учиться для дворянства гораздо приятнее в сем чине, нежели в унтер-офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными дворянами, тоскующими ныне в повытьях* Гвардия осталась бы исключением: единственно в ней начинали бы мы служить с унтер-офицеров; но и в гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость службы воинской, там где суровость не есть способ победы. Строгость к безделицам уменьшает охоту к делу. Занимайте но поле, утомляйте воинов игрушками, или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парада оказываются трусами на поле битвы: сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют и побеждают: мы видим прусских героев.

* Повытье — доля, надел, участок земли на душу, тягло.

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить патриаршество, но желаю, чтобы Синод имел более важности в составе его и действиях; но чтобы в нем заседали, напр[имер], одни архиепископы, чтобы он в случае новых, коренных государственных постановлений сходил вместе с Сенатом для выслушивания, для принятия оных в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всяких противоречий. Ныне стараются о размножении духовных училищ, но будь еще необходим закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники и никого без строгого исполнения закона; чтобы иереи¹⁰⁷ более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные, действительные средства, о коих мыслил и государь Петр Великий. По характеру сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губернаторов, надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому в Европе завидовать.

Дворянство и духовенство, Сенат, Синод как хранилище законов, над всеми государь единственный законодатель, единственный источник властей. Вот основания российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определительный век свой, так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, благоразумная система государственная продолжает век государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкоконецного бедствия; но благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу погибели.

Еще Россия имеет 40 мил[лионов] жителей и самодержавие; имеет государя ревностного к общему благу. Если он, как человек, ошибается, то без сомнения с добрым намерением, которое служит нам верностью будущего исправления ошибок. Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах; ежели благоразумною строгостью обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей, если заключит мир с Турциею и спасет Россию от третьей, весьма опасной войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод, так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом, или с целостью бытия, если он, не умножая денег бумажных мудро бережливостью уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованье бедным воинским и гражданским чиновникам, если таможенные Уставы верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров, если, что в сем предположении будет необходимо, дороговизна мало по малу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания утихнут, неудовольствия исчезнут, родятся нужные для государства привычки, ход вещей делается правильным, постоянным, новое и старое сольются в одно; реже и реже будем вспоминать прошедшее; злословие не умолкнет, но лишится жала. Судьба Европы теперь не от нас зависит. Переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию — неизвестно, но бури не вечны. Когда же увидим ясное небо над Европою и

Александра, сидящего на троне целой России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротой.

Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет Царя и Царство Русское.

ОР РГБ. Ф. 743. Карт. 69. Ед. хр. 3.

*Памятник Н. М. Карамзину
в Остафьевском парке.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 48 В мае 1803 г. Англия объявила войну Франции, т. к. последняя не соблюдала условий Амьенского мирного договора с Англией.
- 49 Франция и Австрия в 1797 г. в Кампо-Формио заключили мирный договор, по условиям которого Австрия уступила Франции Ломбардию, Бельгию и левый берег Рейна в обмен на Венецию, Зальцбург и часть Баварии.
- 50 Имеется в виду А. В. Суворов.
- 51 Герман Иван Иванович (?–1801) — генерал от инфантерии, родом из Саксонии, на русской

службе с 1770 г. Командовал англо-русской экспедицией в Голландию и был разбит французами в битве при Бергене 8 сентября 1799 г. Герман вместе со штабом был взят в плен французами.

Корсаков В. Д. — генерал от инфантерии, участник битвы при Бергене.

52 До 1804 года Наполеон носил титул Первого Консула Франции.

53 Треббия — река в Италии, на которой А. В. Суворов в июне 1799 г. разбил французскую армию.

- Нови-город в Италии, близ которого в августе 1799 г. Суворов также разбил французскую армию.
- 54 Морков Аркадий Иванович (1747–1827) — граф, русский дипломат, посланник во Францию. В сентябре 1801 г. подписал в Париже «Секретную конвенцию» между Александром I и Францией о сферах влияния в Европе. В конвенции Россия соглашалась с притязаниями Франции на часть баварских земель. В Париже Морков отличался резким поведением по отношению к Бонапарту, принявшим характер личной вражды. В 1803 г. Бонапарт жаловался на него императору Александру I, который отозвал Моркова в Россию. После этого видной роли в дипломатии он уже не играл.
- 55 Талейран (Талейран-Перигор) Шарль Морис (1754–1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1799 при Директории, в 1799–1807 в период консульства и империи Наполеона, в 1814–1815 при Людовике XVIII. Глава французской делегации на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Один из самых выдающихся дипломатов Европы.
- 56 Речь идет о швейцарце Кристене, состоявшем на русской службе. В 1803 г. он был обвинен французскими властями в деятельности, противоречащей интересам Франции.
- 57 «Молодой любимец государя» — по-видимому, речь идет о товарище министра иностранных дел (1802–1806) Чарторыском Адаме Ежи (1770–1861) — польском князе, политическом деятеле. С 1795 года в России, был близок с великим князем Александром Павловичем, будущим императором, что возбудило подозрение Павла I. Чарторыский был удален из Петербурга. В 1801 вернулся в Россию по вызову императора Александра I. В 1803 назначен попечителем Виленского округа и помощником государственного канцлера А. Р. Воронцова. Странник образования Царства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. — глава Национального правительства.
- 58 Воронцов Александр Романович (1741–1805) — министр иностранных дел, граф, русский государственный деятель, дипломат. Брат Е. Р. Дашковой. Учился во Франции, жил в Италии, Испании, Португалии. Был знаком с Вольтером. В 1762–1764 полномочный министр в Англии, в 1764–1768 — в Голландии. В 1802–1804 государственный канцлер. Вел политику сближения России с Великобританией и Австрией, способствовал разрыву отношений с Францией.
- 59 Речь идет о русско-австрийско-французской войне 1805 г., завершившейся Аустерлицким сражением 20.11./2.12/1805 г. После Аустерлица третья антифранцузская коалиция распалась, а русские войска под командованием М. И. Кутузова вернулись в Россию.
- 60 Долгоруков Петр Петрович (1777–1806) — князь, генерал-майор, генерал-адъютант (1798). Был одним из ближайших сотрудников Александра I. В 1802 ездил в Берлин с секретным поручением подготовить совещание Александра I с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Затем был направлен в Финляндию, где сумел предотвратить разрыв с Швецией из-за разногласий по поводу финляндской границы. Активно выступал против внешней политики А. Е. Чарторыского, сторонника жесткого политического курса в отношении Франции. В 1805 г. командирован в Берлин, где добился согласия прусского короля на пропуск российских войск через Пруссию для помощи Австрии в войне с Францией. Накануне Аустерлицкого сражения был командирован в Париж для переговоров с Наполеоном, которые провел заносчиво, отклонив все мирные предложения Франции. Вопреки мнению Кутузова настоял на сражении. В дальнейшем в военных дворянских кругах Долгорукова считали главным виновником Аустерлицкого поражения.
- 61 Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) (1745–1826) — военачальник, генерал от кавалерии (1802), граф (1813). Из ганноверского баронского рода. Участник Семилетней войны. С 1773 г. на русской службе. Участвовал в австро-русской войне против Франции в 1805, разбив маршала Ж. Ланна в Пултусском сражении, удачно провел Прейсиш-Эйлауское сражение, но потерпел поражение под Фридландом. В 1818 г. покинул Россию.
- 62 Толстой Петр Александрович (1761–1844) — в 1799 г. был командирован в австрийскую армию в Германии, к эрц-герцогу Карлу, для поддержания связи с Суворовым. После назначения Беннигсена главнокомандующим Толстой занимал в его штабе должность дежурного генерала, командуя резервом армии. С октября 1807 по октябрь 1808 был чрезвычайным послом во Франции. Поняв замыслы Наполеона, предупреждал о готовящемся нападении Наполеона на Россию. Такого посла Наполеон не мог терпеть в Париже; после свидания императоров в Эрфурте Толстой был отозван. Участвовал в походе 1813 г.; принимал участие во взятии Дрездена.
- 63 Макк Карл (1752–1828) — барон, австрийский генерал. Участвовал в войнах Австрии с Турцией и Францией. Потерпел поражение от французоз на реке Иллере в 1805 г., укрылся в городе Ульме, но был окружен и капитулировал с 20-тысячной армией. Отпущенный под честное слово, он вернулся в Австрию и был отдан под военный суд, по приговору которого лишен чинов и орденов.
- 64 Карл Людвиг Иоанн (1771–1847) — австрийский эрц-герцог, знаменитый полководец, противник Наполеона. В 1795 г. назначен главнокомандующим нижне- и верхне-рейнскими армиями, где проявился его полководческий талант. Несколькими победами оттеснил французов за Рейн. Реформатор австрийской армии, после чего ее боеспособность значительно усилилась. Участвовал в русско-австро-французской войне 1805 г. В том же году назначен военным министром с неограниченными полномочиями. В 1808 отказался от предложенной ему короны Испании. В 1809 эрц-герцог остановил французскую армию на Дунае, но через 1,5 месяца Наполеон нанес австрийцам поражение при Ваграме. Автор трудов по военной истории и теории военного искусства.
- 65 Франц I (1768–1835) — австрийский государь с 1792 г. С 1804 имел титул императора Австрии, из династии Габсбургов, последний император «Священной Римской империи» (1762–1806 под именем Франца II). Один из инициаторов коалиции европейских монархических государств против революции и наполеоновской Франции.

- При нем Австрия проиграла в 1792–1809 гг. четыре войны Франции. Один из организаторов Священного союза.
- 66 В 1806–1807 гг. Россия в составе коалиции с Пруссией и Австрией вела четвертую войну против Франции на территории Пруссии. Прусская армия была разбита при Йене и Ауэрштедте, русская под командованием Л. Л. Беннигсена — при Фридланде. Эта кампания завершилась Тильзитским миром в 1807 г., по которому Пруссия лишилась половины своих территорий, Россия признала завоевания Наполеона в Европе, согласилась на создание герцогства Варшавского и присоединилась к континентальной блокаде Англии.
- 67 Убри Петр Яковлевич (1774–1847) — действительный статский советник, посланник в Мадриде, Франкфурте. Летом 1806 подписал мирный договор с Францией, нарушив инструкции российского Министерства иностранных дел. Российское правительство считало возможным продолжать войну с Францией, вследствие чего договор, подписанный Убри, не был ратифицирован.
- 68 Речь идет о войне 1806–1807 гг.
- 69 Пултуск — город в Пруссии. В начале франко-русской войны 1806–1807 гг. Беннигсен Л. Л., командуя корпусом, одержал победу над французским маршалом Ж. Ланна под Пултуском и удачно провел сражение под Прейсиш-Эйлау, однако под Фридландом потерпел поражение.
- 70 Русско-шведская война 1808–1809 гг. велась Россией за установление полного контроля над Финским и Ботническим заливами. Русская армия заняла Финляндию, Аланские острова, высадила десант на шведском побережье. Война завершилась Фридрихсгамским миром в 1809 г.
- 71 «Монитор» — французская газета.
- 72 См. прим. 64.
- 73 Ваграм — селение в Австрии, северо-восточнее Вены. Около Ваграма 5–6 июля 1809 г. во время австро-французской войны французские войска Наполеона I разбили австрийскую армию эрцгерцога Карла, и Австрия заключила перемирие, а затем Шенбруннский мир 1809 г.
- 74 Ульм — город в Германии. Около Ульма 7–20 октября 1805 г. во время войны Франции против третьей антифранцузской коалиции австрийская армия маршала Макка Карла была окружена французскими войсками и капитулировала, что поставило в тяжелое положение русские войска генерала М. И. Кутузова, шедшие ей на помощь.
- 75 Губернская реформа 1775 г. — реформа местного управления, утвержденная правительством Екатерины II. Была вызвана необходимостью упорядочения системы управления страной. В ходе реформы проведено разукрупнение губерний, в основу деления на губернии положено число ревизских душ (300–400 тыс. в губернии, 20–30 тыс. в уезде). 2–3 губернии составляли наместничество во главе с наместником.
- 76 Генерал-прокурор — высший чиновник. Наблюдал за законностью деятельности государственного аппарата, возглавлял Сенат, с 1802 г. одновременно и министр юстиции.
- 77 Павлом были восстановлены Берг- и Мануфактур-Коллегии.
- 78 Манифестом от 8 сентября 1802 года в России были созданы первые министерства: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, народного просвещения, юстиции, государственное казначейство. Коллегии были сохранены и расписаны между министерствами.
- 79 Одновременно с министерствами 8 сентября 1802 года был учрежден Комитет министров — высшее административное учреждение по вопросам управления государством с наиболее доверенными людьми. В «Наказе» определялась степень и пределы власти министров, их отношение к высшим законодательным, административным и судебным органам, к подчиненным учреждениям.
- 80 Государственный совет — высший совещательный орган Российской империи в 1810–1817 гг. Рассматривал внесенные министрами законопроекты до их утверждения царем, сметы и штаты государственных учреждений, жалобы на решения департаментов Сената и др. органов. Председатель Государственного совета назначался царем. Состоял из нескольких департаментов и государственных канцелярий во главе с государственным секретарем. Первым председателем был канцлер Н. П. Румянцев.
- 81 Совет при высочайшем дворе — высший совещательный орган России в 1769–1801 гг. Состоял из приближенных царя, обсуждал проекты реформ местных государственных учреждений в 1775–1785 гг.
- 82 Монтескье Шарль Луи (1689–1755) — французский просветитель, правовед, философ. Выступал против абсолютизма. Стремился вскрыть причины возникновения того или иного строя, анализировал различные формы государства, утверждал, что законодательство страны зависит от формы правления. Средством, обеспечивающим законность, считал принцип «разделения властей».
- 83 Речь идет о «Регламенте или уставе духовных коллегий» (1721) — указ Петра I, регламентирующий жизнь церкви в России. По нему патриаршество как единоличная власть было заменено коллегиальным управлением в лице Синода.
- 84 Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский политический деятель, историк. Видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности, преодолеть которую способен лишь сильная государственная власть («Государь», 1513). Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.
- 85 В связи с поражением Австрии и Пруссии в войне с Францией по указу Александра I в 1806 г. было создано временное ополчение в помощь регулярной армии.
- 86 В 1809 г. Александр I подписал указ о сдаче экзаменов.
- 87 Винные откупа — система взимания налогов, при которой государством за установленную денежную сумму определялось с торгов частным предпринимателям право торговли крепкими спиртными напитками. Первоначально, одновременно с введением винных откупов крестьянам запрещалось винокурение, а снабжение вином возложено на откупщиков.
- 88 Борис Годунов стремился преодолеть хозяйственную разруху путем дальнейшего развития крепостного права: всеобщая перепись населения 1580–1590-х гг., указ 1592/93, запрещение крестьянам выход в Юрьев день от одного поме-

- щика к другому и указ 1587, установивший 5-летний срок сыска беглых крестьян.
- 89 Земские суды — уездный административно-полицейский орган в России 1775–1862 гг. До 1796 г. два — Верхний и Нижний, затем один (до 1837) назывался Нижний. Избирался дворянами и государственными крестьянами. Состоял из заседателей и капитан-исправника. Решал незначительные судебные дела, исполнял приговоры. В городах функции земских судов исполняла Управа благочиния.
- 90 В 1810 г. Александр I подписал манифест о финансовой реформе, призванной уменьшить количество ассигнаций.
- 91 Ассигнации — бумажные деньги, выпускавшиеся в России с 1769 г., с целью облегчить обращение медной монеты.
- 92 Бюш Анри Мишель (1600–1666) — французский экономист, его идеи имели в свое время широкую популярность.
- 93 Куны — денежная единица Древней Руси в XII–XIV вв. Содержание серебра в куне было равно 1/50 гривны. В XV в. вытеснена рублем.
- 94 Югория — Пермь.
- 95 Ганзотические города, — города, входившие в Ганзейский союз.
- 96 Вместе с манифестом о финансовой реформе был разослан в качестве приложения так называемый «Разум манифеста», который представлял собой план сокращения ассигнаций в обороте и другие вопросы финансовой политики.
- 97 Государственный заемный банк — финансово-кредитное учреждение, принимавшее вклады на хранение от государственных учреждений и частных лиц, выдававшее ссуды под залог движимого и недвижимого имущества, страховавшее недвижимое имущество. Основан в 1786 г.
- 98 В 1806 г. был подписан манифест, по которому в зависимости от капитала купцы делились по гильдиям.
- 99 В 1767 г. Екатерина II собрала выборных представителей разных сословий в Комиссию по составлению нового Уложения и составила для них «Наказ», который являлся обширной компиляцией из сочинений французских и итальянских просветителей, немецких юристов и др.
- 100 Беккариа Чезаре (1738–1794) — итальянский просветитель, юрист, публицист. Демократические идеи Беккариа о необходимости соразмерности наказания и преступления сыграли важную роль в формировании буржуазного уголовного права.
- 101 В 1803 г. была создана комиссия по упорядочению российского законодательства.
- 102 Кормчие книги — сборники церковных и мирских законов на Руси с XIII в., источниками которых были болгарские, сербские переводы византийского Номоканона, «Русская правда», княжеские уставы и др.
- 103 Капитан-исправник — высшая полицейская власть в уезде.
- 104 Прокопович Феофан (1681–1736) — русский государственный и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I, глава Ученой дружины, панегирист петровских преобразований.
- 105 Палладиум — скульптура богини Паллады; по верованиям, Паллада обеспечивала благополучие и безопасность.
- 106 Екатериной II были введены мундиры разных цветов для дворян различных губерний, для петербургских — синие, московских — красные, киевлян — вишневые.
- 107 Иерей — официальное название православного священника.

*Подготовка текста и примечания кандидата исторических наук
Любови ПAVЛИКОВОЙ*

«Друг за друга стояли грудью»

Кадр из кинофильма «Адмирал Нахимов».

ЗАПИСКИ ВЕТЕРАНА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Защита южных рубежей России, борьба за выход к Черному морю (в древности именовавшемуся Русским), а через него в Средиземное были причиной русско-турецких войн XVIII в.

В XIX в. в связи с ростом национально-освободительного движения христианских народов, в первую очередь греков, болгар и сербов, в Османской империи Россия в результате блестящих побед русской армии, флота и дипломатии над турками получила по Бухарестскому мирному договору право покровительства христианам — подданным турецкого султана. В силу этого русское правительство тратило значительные суммы на сооружение и содержание греческих и славянских церквей и монастырей и пользовалось справедливым сочувствием православных народов, связанных с Россией узами единоверия. Посягать на их права значило посягать на права России.

Но рост влияния России на Ближнем Востоке не мог устраивать Западную Европу, в которой после революций 1848–1849 гг. сложилась крайне напряженная обстановка.

Другой не менее важной причиной новой русско-турецкой войны, получившей название Крымской, или Восточной, переросшей в войну Англии, Франции, Сардинского королевства и Турции против России, явилась передача католикам ключа от православного храма Рождества Христова в Вифлееме в Палестине, ранее

принадлежавшего греческим священникам, и домогательства католиков заменить православные образа и надписи католическими в куполе церкви Гроба Господня.

Французский император Наполеон III, католик, демонстративно поддержал католических монахов. Император Николай I не мог не принять сторону православных. В феврале 1853 г. он направил в Константинополь чрезвычайным послом князя А. С. Меншикова, потребовавшего, чтобы православные подданные Турецкой империи были поставлены под особое покровительство императора России. Русское правительство рассчитывало на поддержку Австрии и Пруссии и не допускало, что может быть сформирован союз между Францией и Англией. Но английское правительство, опасаясь усиления России на Балканах, заключило соглашение с Францией о совместных действиях против России.

В мае 1853 г. Турция отвергла требования России, после чего царское правительство разорвало дипломатические отношения с Турцией.

21 июня русские войска вступили в Молдавию и Валахию, находившуюся под номинальным суверенитетом турецкого султана. Поддерживаемый Англией и Францией, турецкий султан 4 октября 1853 г. объявил войну России.

Против русской армии генерала М. Д. Гор-

чакова численностью 82 тыс. человек Турция двинула на Дунай 150-тысячную армию Омержаши. С согласия Турции в Дарданеллы вошла англо-французская эскадра, в апреле она с моря бомбардировала Одессу.

Основные события Крымской войны развивались следующим образом: в 1853 г. в Закавказье отряд турок был разбит отрядом генерала И. М. Андроникова; турецкий флот был уничтожен эскадрой адмирала П. С. Нахимова у Синопа. В 1854-м русские войска форсировали Дунай у Браилова, Галанца и Измаила и взяли штурмом турецкое укрепление у Тулчи в Северной Добрудже. Эти поражения ускорили вступление союзников в войну против России в феврале 1854 г. В этом же году союзники блокировали Балтийское и Белое моря, обстреливали Соловецкий монастырь, угрожали на Дальнем Востоке, в сентябре высадились в Крыму и начали осаду Севастополя, которая продолжалась 11 месяцев и закончилась взятием города.

Когда же русская армия приступила к штурму турецкой крепости Силистрии, то в тыл ей вышли австрийские войска, после чего русской армии пришлось снять осаду.

По своей сути Крымская война 1853–1856 гг. была антиправославной войной Европы против России. В этих условиях Россия не могла не проиграть ее, несмотря на мужество и самоотверженность русских войск и талант их

военачальников, таких, как Нахимов, Корнилов, Хрулев.

Воспоминания Теофила Клемма, предки которого в XVIII в. приехали в Россию из Германии, рассказанные сыну Владимиру, ученику VII класса Псковского кадетского корпуса, как раз и начинаются с описания похода русской армии в Дунайские княжества. В дальнейшем Теофил опишет осаду турецкой крепости Силистрии, осаду англо-французскими войсками Севастополя, защитником которого он тоже был.

Рассказ Теофила Клемма сыну разительно отличается от большого количества мемуаров, написанных представителями аристократических слоев России. Значительная часть воспоминаний посвящена солдатским будням, солдатскому быту, трудностям военной походной жизни. С любовью и гордостью за русского солдата говорит он о героизме и мужестве, проявленных простым русским народом в Севастополе.

Мемуары, предложенные читателям журнала «Источник», представляют собой черновой автограф чернилами с уточнениями и правкой на полях и в тексте. Дореволюционная орфография заменена современной, сокращения расшифрованы и заключены в квадратные скобки. Мемуары ранее не публиковались. Сохранены особенности стиля, написание отдельных слов, знаки препинания.

Воспоминания

старого солдата, рассказанные сыну,
кадету VII класса Псковского кадетского корпуса*.

Поступление на службу.

Володя! Знаешь, когда я поступил на военную службу? — Наверно, ответишь: — «Почему же я знаю?» Имей только маленькое терпение, сейчас расскажу. Поступление мое на службу, как значится по моему послужному списку, было в 1853 году, в августе месяце. Сказать это кажется легко, но прожить эти годы, как говорят, не поле перейти. Итак, теперь можешь сообразить, сколько лет моей службе до сегодняшнего дня. Дай Бог и тебе, воспитывающемуся в корпусе и подготавливающемуся к тому же военному поприщу, как я совершил, прослужить честно, разумно, как в мирное, так и в военное время, тогда я тебе поклонюсь.

Окончив в Польше свое реальное воспитание, на 18 году своего земного существования променял всякую агрономию, физику, химию и математику на солдатскую шинель. Теперь, что есть и что случилось, не жалею. Своей службой вполне доволен и спокоен. Прослужив 36 лет, я, твоя мама и Таня до смерти обеспечены и с голоду не умрем.

Поступление мое в военную службу случилось как-то моментально, под впечатлением, до сей минуты в моей голове не выясненным. По предположению стариков должен был поступить в Варшавский агрономический институт, а очутился солдатом. Одно могу только сказать, человек предполагает, а Бог располагает. Коли так вышло, то, по всему вероятно, так и должно быть, так и суждено.

Когда кончил гимназию, с младшим братом явились в родительский дом. После некоторого времени пожелал повидаться с старшим братом, состоявшим уже на службе и имевшим чин подпоручика. Поболтавшись у него в обществе молодых офицеров, его товарищей, однажды

* Заголовок документа. — Ред.

я сказал ему: «А знаешь ли, и я хочу быть солдатом». После разговора о моем будущем, о моей имеющейся лучшей карьере и т. д., в конце концов он ответил: «Как знаешь, дело твое!» Этим словом я окончательно порешил вопрос и соблазнил еще младшего брата. Старики дали на это свое родительское разрешение и благословили.

Подготовиться к экзамену много не приходилось. Налегли только на русскую историю, чему нас почти не учили. Всю эту по программе премудрость постигли в каких-нибудь три месяца и были готовы. Так в августе месяце из Заславля в сопровождении брата и еще другого офицера, товарища брата Коха, который присоединился к нашему кортежу для определения своего брата на службу, отправились в Кременчуг, в штаб 3-го армейского корпуса для сдачи в архив своих гимназических познаний.

Вот мы и там, т. е. в Кременчуге. Отдохнувши денек от поездки, на долгих, какие в то время существовали извозы и так тогда об них выражались, ехать на почтовых было не по карману офицеру, мы явились в корпусный штаб для представления себя и заявления своих желаний и т. д. Начальник штаба, выслушав наш доклад, заявил, что в свое время получил приказание прибыть сюда для экзамена. Раскланялись и разошлись.

Приглашение получилось, явились в штаб. Ординарец ведет нас в приемную, точно в класс, с черными досками, по столам разложена бумага, тут чернила и зачиненные по тем временам гусиные перья. По комнате расхаживало из угла в угол несколько офицеров Генерального штаба. Разобравши нас по одному, потребовали наши аттестаты о пройденных знаниях, затем пошли вопросы, спросы, выводы цифровых результатов с неизвестными иксами, пошли А, В, С, пошли синусы, косинусы, тангенсы, котангенсы и т. д. Теперь все это забыто. На все это дело для разговоров потребовалось времени три часа.

По окончании экзаменаторы разошлись по своим кабинетам. Начальник штаба повел нас в другую приемную, объявив, что наши экзамены прошли хорошо, и удалился дальше в покои. Мы же остались в ожидании.

Через некоторое время, послышались шаги. Мы догадались, в чем дело. Выстроились, вытянулись в струнку, дверь отворилась, входит корпусный командир генерал-лейтенант барон Остен-Сакен¹ с начальником штаба, фамилии не помню. Раскланявшись с нами, он нас поздравил с поступлением на службу, сказав при этом внушительную пару слов о долге, значении службы. После кивка головой он повернулся, затем и мы, так и разошлись и разъехались по домам.

Мы прибыли в пехотный генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского² полк (ныне 29 Черниговский), в котором служил старший брат. Времени прошло несколько дней, как меня и младшего брата требует командир полка Тимашев. Опять явились. Ординарец доложил о нашем прибытии, спустя пару минут, выходит в приемную сам наш командир и отец. Поздравил с зачислением в полк, прочитав в свою очередь наставление, относящееся к нашей будущей службе, приказал явиться в швальню.

Заведующий швальней был поручик Филипов. Скажу пару слов про этого офицера. Поступил он на службу рекрутом. За его природную сметку по окончании Устава рекрутской школы состоялось по тем временам повышение его в кашевары, затем в хлебопеки, ефрейтора и фельдфебеля. Прошедши всю эту школу в 12 лет, за усердие к службе воспроизведен по тем временам прямо в поручики. Такие поручики с таким воспитанием были настоящие держиморды, прошедшие огни, воды и медные трубы. Он, например, досконально знал, сколько ниток полагается на мундир, сколько на шинель, сколько на брюки. Он знал, сколько времени должна быть на службе, т. е. шить, иголка, какой должен быть от сукна прикрой, какой остаток, какая умочка³ и т. д. Такой господин по тем временам для командира-отца был неоценимый сотрудник. Все остатки от благоразумной экономии добросовестно, без утайки нитки, сдавались, конечно, командиру полка, и полковые цейхгаузы были полны всяким добром. И солдат был обут, одет в настоящую форму и отец-командир доволен. Чего еще больше желать, как для себя, так и для подчиненных.

По тем временам, в полках таких господ офицеров насчитывалось десятками. Преимущественно они занимали хозяйственные и нестроевые должности, как-то заведующими лазаретами, обозом, швальней и полковой мастерской. Во время же похода назначались в команду хлебопеков и проч. Командир полка в объяснениях с ними не стеснялся и нередко пускались для их вразумления французские выражения с нижегородским акцентом. Тогда, значит, так должно быть. Это факты, а не выдумка. А не дай Аллах, роте такого ротича иметь. Рота была выдрана, на все бока и стороны, побиты собственноручно скулы, подавая пример, как нужно дисциплину держать. При телесной операции такой ротич, сидя с трубкой во рту, прихватывая жертву своею властью в четыре руки, забавлялся прибаутками: «А такой, сякой, меня самого драли и я вас буду драть» и т. п., в этом роде. Это тоже не редкий факт.

По прибытии в швальню, заведующий швальней приказал закройщику снять мерки и потом в такой-то день прибыть к сноровке⁴ для окончательной пригонки шитых вещей. О! Смехота, ког-

да все было готово, когда я после легкого свободного гимназического мундира напялил из толстого сукна солдатский фрак и невыразимые (в то время фрак был в числе принадлежностей костюма солдата) [брюки]. Когда мой стан два портных стянули, точно в корсете (это считалось щегольством), застегнули из толстого сукна воротник на три крючка, галстук такого же сукна и всю иную принадлежность, члены мои бы-

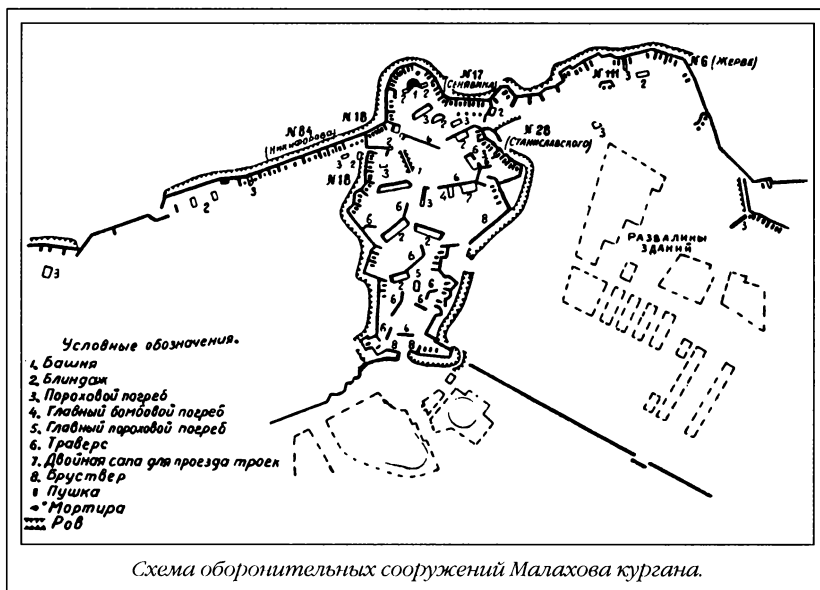
ли точно связаны. Грудь стиснуло, я не был в состоянии ни вздохнуть, ни повернуться свободно. Что теперь! Солдат настоящий халатник, и мундир свободный, в брюках и в шинели по два кармана, табачок, трубочку можно хранить в одном кармане, а в другом — даже и носовой платок, у кого есть, а по тем временам в солдатском костюме не было ни одной заветной дырочки. Карман — такая роскошь солдату не полагалась. Для тогдашнего солдатика складом разного его имущества служили одни лишь голенища в коротких сапогах. Там у него в мирное время был настоящий склад: и грешок, и иголка, и шило, и дратва, табак, трубка, мыльце и другая солдатская принадлежность. И все было по тем временам хорошо, все выходило по-настоящему.

После всяких хождений в швальню, потом хождения для пригонки амуниции, т. е. сумы с патронами, тесака, ранца. А кто не помнит из стариков, что в то время в первых двух полках, амуниция была на широких ремнях из лосиновой кожи, натертая мелом под лоск, скрещиваясь на груди, под самым воротником. Для чистки такой амуниции были особые солдатики, так сказать, по этому делу специалисты. Амуниция не должна быть желтоватого цвета, а чистого, белоснежного. Она на взгляд во фронте и в одиночку была красива, но чистка утомительна, хлопотлива и стоила солдату все-таки нескольких грошей, а главное при первом дожде намазка размокала, скатываясь белыми каплями на костюм, и чистка пропадала. Потом дали ружье, переделанное из кремневого по тем временам на капсульное, и каску. По получке этого казенного прибора солдат готов.

Приказом по полку зачислили меня с братом в 1-ю гренадерскую роту и оставили при полку, в юнкерской команде для специального обучения фронта, по Уставу рекрутской школы. Прибыли в команду, явились к начальнику. Начальник команды дал нам несколько дней времени, присмотреться к новой обстановке. Потом из нас слабых составили отдельную шеренгу, дали нам образцового унтера, по тем временам кончившего палочную академию в образцовом полку, и пошла потеха. То повернись направо, то налево, то кругом, то тихим шагом в три приема, то заряджение ружья на 12 темпов и т. д., все по Уставу рекрутской школы. Как помню, утомительное было то дело, простоять выгнувшись в струнку пару часов не моргнув глазом, а спаси Аллах, рукой шевельнуть или плюнуть, сморкнуться, хотя бы в кулак — преступление по закону громадное, лишние часы во фронте продержат.

Теперь мне желательно рассказать наше появление в команду, в среду юнкеров, которая состояла около сотни человек, и про нашу домашнюю юнкерскую жизнь вне службы. Были усатые, с бакенами, были и юноши, и других возрастов. Эти-то старые юнкера в команде были авторитетными лицами, их слушалась вся остальная братия, точно закона, своеобразно начертанного по тем временам и обстоятельствам. С виновных без всяких рассуждений они нравственно взыскивали, подвергая их домашнему или общественному выговору. Хороших поощряли и даже производили в чины. Например, новички звались в команде колпаками с кисточками, смотря по времени службы, личному достоинству и качеству сметки, кисточку упраздняли, оставался один колпак. Потом снимали и колпак при торжественной уже обстановке, при штофе водки, по тем временам и куском колбасы, конечно, за счет виновника празднества, хлеб полагался казенный. Когда все это старшинами было надлежащим образом уписано, тогда возлагался чин настоящего юнкера.

После этого я допускался в круг юнкеров и компанию более старших меня по возрасту и службе. Потом законом юнкера распределялись на службе по происхождению, были на 6-летнем праве, были и на 4-летнем и на 2-летнем. Можно предположить, какая в команде была разношерстность по происхождению, по возрасту, по воспитанию.

Беда была с ними начальнику команды. Мне рассказывал

брат про проделки этих ребят, прошедший и он всю эту в свою очередь в 40-х годах юнкерскую школу. На зимние квартиры собирали юнкеров со всей дивизии в одну команду. Численность их составлялась довольно большая, человек в 300, ежели не более. Размещали отдельно от своих частей по более зажиточным селам, или городишкам, на хозяйском приварке. Были и со средствами юнкера, были и бедные, были с воспитанием и даже нередко попадались университетские и другие студенты. Были и порядочные музыканты — составляли в команде хоры музыкальные, были танцоры, рисовальщики, словом, чего хочешь, того и проси.

Жители знали по слуху, что за башибузуки эти юнкера. Заранее, до прихода их, всякий хозяин старался убрать подальше свой животный скарб, как-то: поросят, кур, гусей, уток. Всю эту живность они отвозили в дальние деревни для сбережения. А иначе юнкерами все истреблялось бы под самым благовидным предлогом. Зачастую добродушная простая хозяйка собственного гуся, утку, а то и поросенка, убитого из ружья, под видом диких, простодушно изжаривала в своей печи, подавала на стол, а компания упрятывала эту живность в желудки бесследно. Никакие жалобы жителей не в состоянии были прекратить хищничество, все работалось ловко, играючи, шито-крыто, без свидетелей, точно на законном основании, по щучьему велению. Какие их проделки бывали, по рассказам старших юнкеров, — просто смех и слезы.

А какое было товарищество, друг за друга стояли грудью. Беда была юнкеру, когда старики своим судом осудят за какой-либо не товарищеский поступок, сживут совсем. Убирайся лучше сам вон, житья не будет. Это юнкерское товарищество осталось на вечные времена, точно как кадетская дружба впитывается в плоть и кровь навсегда. Но будет этого рассказа, он само собою маленькая доля из юнкерских проделок и шалостей. Впрочем, все проделки практиковались и при мне. Все шалости юнкеров переходили, так сказать, из рода в род по наследству.

Поход за Дунай.

Как я раньше сказал, полк получил приказ быть готовым к выступлению. Нас, т. е. юнкеров, распустили по ротам. Пошла в полку необходимая при этом суета, о полковом имуществе, какие вещи взять, какие оставить на месте и т. д., приказы, распоряжения, словом большая возня, т. к. пришлось собираться в дальний поход не одному человеку, а полку. Полковому начальству много заботы, нужно иметь голову на плечах, чтобы все собрать, чтобы чего из виду не выпустить, чего не забыть. В несколько дней все было готово, ждали только предписания о дне выступления. Приказ об этом не заставил себя долго ждать, день выступления из Заславля Волынской губернии назначен был на 11 ноября 1853 года. Полк собрался в бастионе, разделился на два эшелона и после молебствия и напутствия двинулся вперед двумя эшелонами.

Мы, само собою, в то время, как молодые, так и старые офицеры, газет и книг никто не читал, на эту роскошь денег не было. Выписывался обязательно в полк один только «Русский инвалид», официальная военная газета, о производстве в чины и еще кое-что в нем писалось, да и его никто не читал. Библиотек полковых в заведениях не было, об ней даже мало имели понятий, что она за штука такая, двух- или четырехногий зверь. Единственная официальная библиотечка со-

стояла из 9 книжек и Устава военной службы, который должен был иметь каждый офицер, молодой и старший обязательно, ибо начальство за это взыскивало. Таким же путем по тем временам поживали келейно, патриархально, точно в первобытном состоянии. Ни о чем не думало, ничего не знали, что делается на белом свете. За нас думало и все знало начальство. И то хорошо. По тем временам приказано было не иметь своего рассуждения.

Аршинный маршрут направлял нас на Кишинев. Что за оказия! Куда же мы идем? Плечами пожимали, никто ничего не знал, не ведал.

Из другого аршинного маршрута, полученного в Кишиневе, выяснилось, что в Скулянах назначена переправа через р. Прут, а там далее в Яссы, Бухарест. И стало ясно, что идем за Дунай, под Силистрию.

Что было раньше, то все были цветочки, но цветочки для меня скоро отцвели, стали ягодки, и мы должны были тихо, мудро их собирать и на здоровье кушать. О! Какие были эти ягодки, кислые, горькие, впрочем попадались и сладкие, но Всевышний милостлив и все прошло. Да! Всевышний милостив! Кому и прошло, а кому и попало. Все это, конечно, дело минувших дней, но я, оставшийся в числе избранных в живых и до сей поры, всегда с удовольствием вспоминаю о прошедшем: о лишениях, о трудах и светлых днях. Повторяю еще раз, кому из вас, молодежи, не посчастливится на своем веку побывать в разных житейских и военных делах и передрягах, да еще в солдатской оболочке.

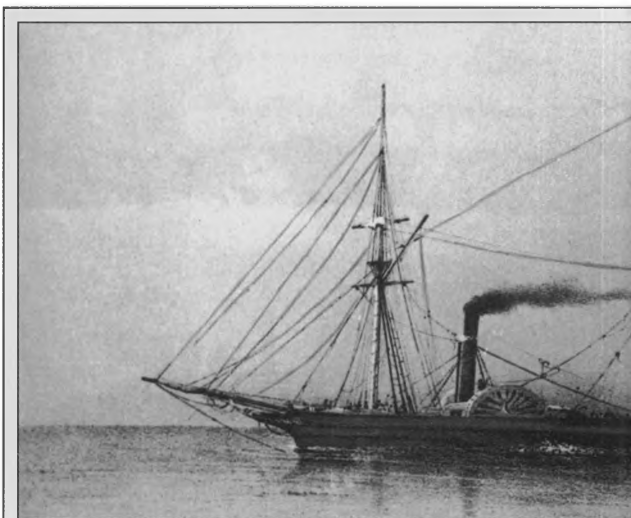
Что такое значит в средней полосе России так называемый зимний сезон? Кто там в такой зимний сезон не бывает и кто там в это время пешком не расхаживает и чернозему с глиной ногами не мешает эту непролазную массу, тот может моим словам не поверить и ему не понять, о том походе, слякоти и грязи.

Как я сказал, полк выступил 11 ноября в самое такое пакостное время, что, как говорится, хо-роший хозяин и собаку не выгнал бы на двор. Но мы как не были собаками, то нам все было ни-почем.

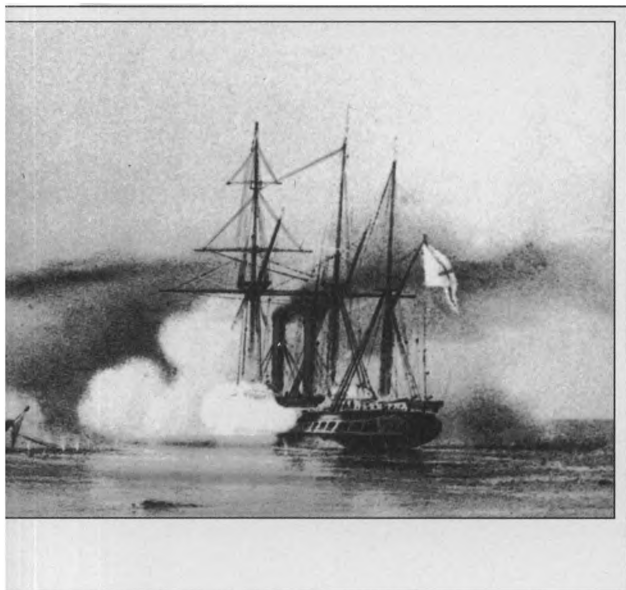
Перекрестившись, распрощавшись с родными и знакомыми, двинулись бодро, весело, с музыкой и с песнями. Путь наш лежал, как сказано выше, на Кишинев, у Скулян мы переправились через реку Прут в Валахское княжество. Вспомнилась мне здесь следующая древняя поговорка наших стариков: «Когда русские на Пруте, Австрия на Серете»⁶. Эти слова верные, дальше увидишь, к чему я их сюда вписал.

Пройдя Яссы, в Бухарест мы вступили 6 января 1854 года, проведя два месяца времени в пути, на своей собственной паре с ружьем, с патронами и другими солдатскими амуническими атрибутами. Все это таскать на непривычных, неокрепших молодых плечах дело нелегкое. Когда вспомнишь и теперь то путешествие, право, становится холодно и жарко, но ничего, все прошло. Кто поверит в такого рода случаи, в походе встречаемые нередко. Про погоду умалчиваю, бывали недели, что от снежной метели по Бессарабским степям Божьего света не было видно. Друг друга не видишь в нескольких шагах. Метель сырая рожицу облепит, снег за ворот забьется, промокнешь до костей, при том возьми в соображение еще и то, что сегодня, например, по маршруту, переход значится в 20 или 25 верст. А бывало, выступишь с ночлега в 6 часов утра, то еле до назначенного места придешь в 9 или 20 часов вечера. А то еще лучше, приходишь на ночлег, а селение состоит из 15–20 крошечных хатенок из глины, тут-то полный пас. Не жравши, не пивши, не обогретый забьешься вместе с прочими в какой-то угол коровника, хлеба, чтобы только посуше было и теплее и рад радешенек снять амуницию, облегчить плечи и прикорнуть, как и где попало. Нужно прибавить к этим прелестям еще другое бедствие. Солдат, пройдя несколько дней под дождем и снегом, лосиновые ремни превращал в тряпку. Мел с клеем стекал каплями по шинели, а беда была, стать во фронт в грязной амуниции, а ремней было четыре.

Те времена, как видишь, не нынешние. На известных пунктах вас накормят, напоят, доезжа-ете сухо. На остановках дадут вам несколько часов свободного отдыха ноги размять. А тогда рад радешенек, уставши, ноги куда-либо уложить для отдыха и быть готовым к завтрашнему, может быть, точно такому же переходу.

Взятие пароходо-фрегата «Владимир» турецко-египетского парохода «Перваз-Бахри».

Отдохнешь как-нибудь, сухарик сгложешь, и как ни в чем не бывало, утром опять свеж, весел, и добрый только слышится голос между солдатами.

В окрестностях Бухареста дали нам время отдохнуть, оправиться, обмыться, поправить истрепанную обувь, одежду и другие исправления, какие только требовал солдатский гардероб. Здесь мы сгруппировались в три корпуса. По другим временам корпус состоял из 3-х дивизий. Дивизия, как и теперь из 4-х полков с причисленными частями кавалерии и артиллерии и поступили под общее начальство генерал-адъютанта князя Горчакова⁷. Затем, после отдыха 14 марта наш полк в составе отряда под начальством генерал-лейтенанта Соймонова выступил в Журжу.

Здесь впервые услышали мы шум бомб в воздухе, свист ядер, посылаемых нам из крепости Рущука, расположенной против Журжи.

В Журже служба нашего полка состояла

в содержании стрелковой цепи на одном из островов, отстоявшем от Рущука на ружейный выстрел, для поддержания ружейного огня.

О! Аллах турецкий! Как это ты не внушил своим правоверным когда-либо перерезать нас на том острове, как баранов, на шашлык. Расскажу, в какой мы там находились обстановке. Изволишь видеть, ежедневно нас человек сотню, перевозили на каких-то утлых рыбацких молдаванских лодчонках, не разбирая погоды, словом, в какую угодно бурю и волнение, а Дунай заколышется, что море. Эту переправу нужно было совершать в такое время: на рассвете и секретно, чтобы турки не заметили бы нас и не имели бы из нас живой мишени. Когда достигали берега, товарищей сменяли, и они на этих лодчонках отправлялись восвояси и лодчонки более не возвращались. Таким путем отступление было нам отрезано до смены. Ночью этого поста не занимали, а вместо себя оставляли пылающие костры. Расхрабрился только лишь две-три сотни турок, и нам был бы конец на острове. Перерезали бы нас, как телят, вплавь не бросишься. Дунай не речка. Но Бог миловал нас, обошлось благополучно, инцидента не случилось.

Далее я считаю нужным рассказать документально последовательно о нашей переправе через Дунай и разных временных столкновениях и боевых схватках с турками не мирного свойства, как говорят, не на жизнь, а на смерть.

17 апреля полк выступил по направлению Калараша. 23 числа поступил в распоряжение в отряд генерал-лейтенанта Хрулева⁸. Затем 24, 25 и 26 числа вместе с канонерами наводили мосты через главный рукав Дуная ниже крепости Силистрии.

Когда все было кончено и мы переходили мост, то на правом берегу Дуная, чтобы нам очистить место переправы от турок, на глазах происходило кавалерийское дело. Вся эта прекрасная издали картина крепко запечатлелась в моей памяти. Сперва слышна была и видна перестрелка в цепи, подвигаясь вперед, колонны не отставали от цепи. Турки держались крепко, потом выстрелы стали реже, и почти все стихло. Вдруг колонны, подошедшие на известное расстояние к туркам, ринулись на них маршем с поднятыми саблями. Моментально все смешалось в кучу, ничего не разберешь. Эта резня продолжалась несколько минут. Наша взяла, остатки турок в полном беспорядке, что есть мочи удирали в крепость.

Во время этого кавалерийского дела преспокойно мы перекатили мост, 8 мая стали твердой ногой на турецком берегу, остановились в приличном расстоянии от крепости в закрытом от неприятеля месте. Расположились бивуаком в палатках в составе своей 8-й пехотной дивизии. Переправа наша произошла, собственно, потому так тихо, что некоторые наши отряды, переправившись раньше, около Брайлова, своими наступлениями очищали берег от неприятеля, а неприятель, руководствуясь мудрым изречением, что благоразумие требует осторожности, отступали к Силистрии и в ней заперлись.

Осада крепости Силистрии.

Со вступлением на турецкий берег стали и мы действующими лицами. Так в этот же день, нам пришлось иметь дельце с турками, отбили их вылазку. 9 мая участвовали к рекогносцировке

под начальством генерал-адъютанта князя Горчакова. С 12 на 13 отбили вторичную неприятельскую вылазку и в тот же день были в рекогносцировке, произведенной начальником штаба генерал-майором Непокойницким⁹. В день с 16 на 17 мая были в атаке нагорного неприятельского укрепления Араб-Табиясы под начальством нашего начальника дивизии генерал-лейтенанта Сельвана.

Это неблагоприятное для нас дело требует несколько слов разговору. До ушей нашей меньшей братии дошли слухи, за верность которых не ручаюсь, потому что хотя в деле я и был, но собственными ушами разговора 16 мая высшей нашей сферы, т. е. штабного начальства с начальником дивизии, не слыхал. Все же таки не с ветру наш лагерь наполнился следующим слухом.

Накануне, т. е. 15 мая, роковой атаки Араб-Табияса, якобы вечером, у нашего начальника дивизии собрался корпусный штаб попить чайку. После разных, конечно, разговоров к концу вечера зашел разговор про здешние дела под Силистрией, зашел разговор и про возвышенность, командующую крепостью и окрестностями и сильно укрепленную. Должно полагать, разговор был оживленный, направленный к тому, чтобы, не дав опомниться туркам, штурмовать и взять ее на первых, так сказать, порах. Покойный генерал Сельван, как говорилось, не соглашался с воззрением штабного, пропонировавший этот штурм ввиду простой причины, что наши инженерные саперные работы не подготовлены к атаке. Но, должно быть, маленькое словцо спорщика и Господь, поддерживающий его в этом предположении, сказанное генералу Сельвану, как нужно полагать, задело его самолюбие, и он решил, что завтра на ночь с 16 на 17 мая будет атака Араб-Табияса, предложив тут же желающим из штабных участвовать в атаке. Доложено было об этом князю, получилось разрешение, и мы на другой день 16 получили распоряжение в 10 часов вечера быть готовыми к атаке, по сигналу выступить из лагеря и занять указанные позиции.

Ты не знаешь, какие южные ночи, хотя бы и в мае месяце. Слушай, об них скажу пару слов. С закатом палящего южного солнца, наступают моментально тут же сумерки, а спустя еще некоторое время совсем-таки темнота, так что ничего не видно, а когда звезды заволокутся тучами, как в ту печальную ночь, такая наступает крошечная темнота, хоть глаз коли. Но сказано — сделано, невзирая на моросивший дождь, точно само небо проливалось слезы за имеющую быть ночью атаку.

Часов в 10 вечера по сигналу двинулись, стали на указанные позиции, и пошла писать пехота. Сперва местность освещалась ружейным и артиллерийским огнем, подвигаясь вперед, потом завывли сигнальные рожки вперед да вперед, воодушевляя своими звуками наши сердца. Так под эту музыку вперед валили стеною, несмотря на убийственный огонь со стороны турок. Все-таки мы доползли, и именно в точном смысле слова доползли, по размокшему глинистому грунту до самой высоты, т. е. до самого рва этого укрепления. Но в окончательный момент нашей атаки, только лезть бы нам на валы, послышался сигнал отступления. Всех нас поразило, точно молнией. Что за оказия, овладело недоразумение. Нечего было делать, повернулись кругом в крайней досаде как офицеры, так и солдаты. Пошли назад.

Потом мы рассуждали об этом сигнале и до сей минуты убеждены, что этот сигнал дан был турками, и нашим перебежавшим горнистом. Как ни рассуждай, нужно было смириться, так все пропало прахом.

В этом неблагоприятном деле был убит наш начальник дивизии и ранен как доброволец в голову с потерей глаза инженер-полковник Орлов¹⁰. На следующий день при уборке убитых и раненых едва нашли тело начальника дивизии. Тело убитого начальника дивизии в числе других было обнажено до нитки, голова отсечена и унесена турками в виде трофея. Узнал и признал останки за действительное тело Сельвана его камергинер по каким-то родимым на груди пятнышкам.

Место на Малаховом кургане, где был ранен адмирал Корнилов.

Полковник же Орлов при отступлении был вынесен на плечах случайно наткнувшегося на него офицера Александропольского полка, фамилию не помню, и благодаря этому случаю, он остался в живых и миновал турецкого ятагана. Про легшего животом нашего меньшого брата и говорить нечего, одно только знаю, я остался в живых. Как раньше я заметил, 8 мая мы совершили переправу и расположились лагерем в виду крепости, упираясь правым флангом в берег Дуная. Кроме разных схваток с турками, как сказано выше, мы начали систематически осаждать крепость по инженерному и саперному искусствам. Стали рыться в земле, устраивая траншеи, возводя земляные окопы или, так сказать, батареи для прикрытия артиллерии и таким путем, как кроты, рылись в земле, подвигаясь все вперед и вперед.

Мая 22-го у нас была сердитая и сильная схватка с турками в отбитии их вылазки на наши осадные работы. Затем 23, 24 и 25 — опять дрались в разное время дня и ночи, но сохранили и удержали за собой траншейные работы. Одним словом, дела, занятий и развлечений было довольно, скучать не приходилось. После этих схваток восстановилось затишье, т. е. драк не было, но бомбы, ядра, гранаты, картечь и пули не переставали жужжать, свистеть, сыпаться днем и ночью, точно град. Но для нас все было нипочем, втянулись, обстрелялись.

Местность нашей осады, которую наш полк занимал, была точно рай, вся в садах и виноградниках. Фруктовые деревья вырубались сотнями, почтенной старости абрикосовые, ореховые, да такие, что ствол не обхватишь, право жалко, сколько таких деревьев пошло под котел для варки пищи. И виноградные сады были изрыты траншеями и батареями и, наверно, из таких прекрасных великолепных виноградников после нас очень мало осталось.

Не помню, какого числа, но мы были в лагере и видим второе кавалерийское дело в чистом поле, на равнине. Оно происходило в верстах двух от лагеря, простым глазом было хорошо видно.

Отряд турецкой кавалерии несколько дней подряд выходил из крепости, бродил взад и вперед на таком расстоянии, что наши артиллеристы пасовали. Турки как будто вызывали нашу кавалерию подраться. Вот в один прекрасный день, как снег на голову, несколько эскадронов гусар под начальством генерала Хрулева, марш маршем набегают на турок, колонна раздвигается направо налево, конная батарея выскакивает вперед, становится на позицию, снимается с передков, дает десяток залпов по туркам, чуть ли не в нос. Турецкая команда дрогнула и повернула, ба-

Внутренность офицерского блиндажа на 5-м бастионе.

таря напередки взялась и поминай как звали. Для этого понадобилось несколько минут времени и стало опять все мирно и тихо. Турки успокоились. Не правда ли красивая картина?

Молодец наш солдат. Когда вспомнишь его быт и службу в военное время, то, право, сердце радуется за него. В мирное и боевое время, совершенно все разные личности. В военное время он чувствует себя как бы на свободе, на воле, тогда у него нет учений, шагистики, но честно, добросовестно, терпеливо всякие невзгоды переносит — всегда весел, бодр и на свой лад остряк. Сколько раз было смеху на ночных работах, какие слышались прибаутки, когда турок шархнет в рабочих картечью. Сколько потех было, когда над головами взрывались из крепости бомбы и т.д. Все ему нипочем, миновала опасность — опять за лопаты, кирки, пошли валять заданный сапером урок. Все казалось таким обыкновенным, ко всему так привыкли. В боевой жизни жили тогда на маневрах.

Наши осадные работы за все это время подвинулись, что траншеи от стен крепости были в двух-трех саженьях, дальше этим путем нельзя было продвигаться. Нужно было лезть на штурм. И штурм действительно был назначен в ночь с 10 на 11 июня. В 10 часов вечера было приказано быть на назначенных позициях. Раньше, конечно, были вызваны охотничьи команды. Роздали им лестницы и всякий шанцевый инструмент, дали всем по чарке водки, по фунту мяса. Офицерство

прошлось с товарищами. Полковой адъютант собрал целый ворох писем к родным и т.д. Вдруг, как молния грянула на наши головы, примчался фельдъегерь с приказом от начальства, дабы в ту же ночь отступить и маршировать назад. Это известие нас сильно огорошило, не хотелось верить, друг друга спрашивали, что это значит, ничего никто не знал, разводили руками да и только.

Нечего делать, вертай оглобли. В ту же ночь сняли блокаду, стоящую нам немалой крови и поту, и к рассвету двинулись вспять. Как наш полк был всего больше выдвинут вперед, то нам приходилось быть в тылу и охранять отступление осадного корпуса. Я полагаю, проснувшись, турки, протерши глаза, стали в тупике, не видя осады. И потом уже, когда они убедились в нашем отступлении, вышли из крепости и стали на нас наседать. Мы успели кое-как закрыть отступление, построили батареи и ложементы для себя. Тут у нас были передраги, но весь корпус в течение дня с обозами и со всеми принадлежностями благополучно перешел ниже острова Тильхия на левый берег Дуная.

Когда переправа кончилась, ночью мы снялись с позиции, помогая понтонерам снять мост, конечно, под огнем перешли на другой берег и стали опять мирными гражданами.

Это наше скоростное отступление объяснялось тем, что у нас в тылу в трех или четырех переходах очутился австрийский корпус, который мог бы нас отрезать от отступления, затем просто так вместе с турками взять нас в плен.

Теперь вспомни раньше сказанные мною слова, когда «русские на Пруте, то Австрия — на Серете», как видишь, сложившаяся эта поговорка стариков имеет свое полное значение даже и теперь.

На левом берегу Дуная дали нам с денек опомниться, обмыться, почиститься и, так сказать, оправиться после так весело проведенного времени под Силистрией.

Много было в это время рассказов, хохота, воспоминаний о прошедших днях. Например, следующие картины из боевой жизни испытанные и виденные при Силистрии.

Я все находился в 1-й гренадерской роте у прекрасного и образцового полка, у простого и боевого ротного командира штабс-капитана Горяйнова. Теперь он генерал и начальник какой-то пехотной бригады. Вот однажды, возвращаясь на рассвете в лагерь с саперных работ, воздвигаемых под Силистрией, проходя траншеями под огнем, рота дрогнула и прибавила шаг. Он это заметил, сам тотчас вышел из траншеи и громовым голосом скомандовал: «Рота, — выходи, — стройся, ружье под приклад, направо, — тихим шагом марш». И мы изволили под градом ядер и гранат, как у турок были на виду, как на ладони, промаршировать с полверсты, а затем скомандовал: «Ружья вольно и скорым шагом марш». Изъян был сравнительно очень невелик, несколько человек прихватило, остальные пришли в лагерь живы и невредимы. Хорошо ли это, или нет, не знаю, как по-твоему? Но, по моему мнению, этот экспромт имел своего рода воздействие. Учитесь, молодежь, у стариков, кому придется быть начальником в бою. Этот урок послужил примером для остальной братии, и рота потом была шелковая.

Дальше вспоминается смехота, когда в ночное время сооружали укрепление, турки стали освещать местность светящимися ядрами. После нескольких таких освещений они разглядели, в каком месте мы копошимся, навели пушки и давай утощать всяким снадобьем. Нет тревожней и противней, когда над головой заметишь бомбу. Ночью ее видно по горящему фитилю, и слышен ее зловещий шум в воздухе, точно в роде коротких свистков, когда она переваливается в вышке медленно вокруг своей оси. Вот однажды рабочие заприметили бомбу точно над самой головой, в высоте обманчиво ее направление, и весьма кажется, что вот-вот бомба должна лечь у самых ног. Солдатики видят, что было не совсем-то ладное. Все это соображается быстро, как молния. Некуда отбежать и укрыться, чтобы ей дать простор и более свободного места разразиться, никого не прихватив. Один из чувства самосохранения лег на землю ничком и моментально на нем образовалась целая гора живых человеческих тел, и гора замерла. Это вышло по праву страха, ему в опасности только бы голову спрятать, и все тут... Когда беда миновала, вот-то между нами было смеху, шуток, прибауток, полное веселье. Впрочем, бомба легла поодаль, не в далеком расстоянии, благополучно разрешилась, никого не тронул.

Во время одной из схваток молодой офицер был ранен в грудь, навывлет прошпиговав правое легкое. Он тут же грохнулся, думали, что убит, в деле некогда разводиться метафизику и ухаживать. Когда дело покончили, стали потом убирать раненых и убитых, пришла очередь и до него. Солдатики, осмотрев, заприметили в нем слабое дыхание, значит еле-еле, но все-таки жив. Как смогли, подобрали его и уволокли в лагерь. В палатку его нечего было помещать, в ожидании кончины подостлали шинельку, уложили под куст, надрали ветвей из куста и покрыли его для защиты от солнца и мух.

Явился и врач, кровотечение остановилось, он махнул рукой, и в таком положении его оставили. Товарищи присматривали за ним. Он так пролежал почти без признаков жизни четверо суток, потом стали замечать, что человек приходит в себя, не мертв. Врачи принялись за ним ухаживать.

вать и, представь, он ожил. Самым осторожным образом перенесли его в лазаретную палатку, и пошло писать на поправку. Когда время пришло, отправили его в госпиталь, а там совсем оправился и выздоровел.

Врачи объясняют этот случай тем, что в начале не беспокоили, в это время легкое затянуло, и человек остался жив.

Я сам сделал одну, быть может, и не одну глупость, про которую хочу сказать. Как теперь рассуждаешь, эта глупость была из ряда вон. Начальник траншеи дал мне какое-то приказание, теперь не помню его, передать другому начальнику. Расстояние было между траншеями не больше четырех сот шагов между виноградниками и деревьями.

Выслушав приказание, я отправился и так сообразил, идти кругом по траншее будет далеко, давай-ка пойду прямо по винограднику, будет ближе и скорее. Сказано, сделано. Преспокойно я вышел из траншеи и напрямик — иду. Турки заметили, конечно, такого храбреца, дали спокойно пройти полпути, а потом стали жарить. Пули посыпались, как горох. Я сообразил, что плохо, — могу уложить без надобности, как говорится, зря, я подобрал фалды, как заяц, мигом перебежал остальное расстояние, ввалился в траншею, вздохнул, приказание передал, повернулся и маршем — обратно. В обратный путь пошел кругом. Когда явился с докладом, начальство намылило мне шею за эту, так сказать, неуместную храбрость. И поделом, поделом, не дури, где не требуется. Это прошло благополучно, только как-то шальная пуля выдрала клочок из моей юнкерской шинели, тем и кончилось.

Порешив дело под Силистрией, отошли к Каларашу. Простояв там лагерем некоторое время, поклонившись праху начальника дивизии Сельвана, погребенного там с приставленным ядром к туловищу вместо отсеченной головы, мы 18 июня выступили в обратное шествие по княжеству к с. Слободзен.

Вообще в это время наступили сорокаградусные жары, воздуху не было, как-то выразиться, лишь только палящий зной, трудно было дышать.

Пока полк собрался, мы выступили из Калараша довольно поздно, переход был верст 20. Двинулись, вначале было кое-как сносно, когда же время повернуло за полдень — хоть умирай. Запас воды истощился, нечем засохшее горло промочить, не забудь, что солдат в полной амуниции, с полной укладкой вещей в ранце, — просто беда, — ни одного колодца, ни одной лужицы на всем пути. При такой обстановке весь полк лег как бы пораженный моровой язвой, принесли одни только знамена и то уже ночью. Переход оказался за 30 верст: нужно было видеть, с какой жадностью солдаты набрасывались на воду, приготовленную кашеварами в котлах вместо пищи, хорошо, что вовремя смекнули, и совсем кстати, приготовить воду вместо пищи, куда там до еды, когда жажда мучила до смерти. Только вначале пили сколько угодно, потом начальство распорядилось, воду выдавать порциями. Около котлов с водой проходили чуть ли не кулачные бои, таким путем подходящие получали порции свои, но понемногу все успокоилось. Следующие же движения совершались по ночам. Было легче, каждый солдат, наученный горьким опытом, запасся больше водой.

И так один поход другого стоит, что летний, что зимний. Действительно, когда вспомнишь, было жарко, точно в бане, поддавши пару во всю ивановскую. Было несколько случаев солнечного удара. Из Слободзен 27 июня — к пределам своей границы и, переправясь у м. Ркулян через реку Прут, вступили в пределы России 1 сентября 1854 года и остановились в Бессарабии.

По пути к Севастополю.

Теперь начну рассказ из другой серии переходов, ночлегов, дневков и т. п. Корпуса, которые были раньше, распались, мы следовали в составе дивизии. Жара спала, пошли дожди, слякоть, наступила опять прелесть осеннего и зимнего сезона.

С квартир Бессарабии полк в составе дивизии выступил 20 ноября по направлению к Одессе. Пришли туда 3 декабря, здесь в окрестностях разместились по квартирам и стали опять отдыхать, чинить обувь, мундирную одежду и т. п. Простояв месяц, 3-го января 1855 года пошли дальше. Погода была мерзкая — не то дождь, не то холод, какая-то слякоть с холодным пронизывающим до костей ветром.

Накануне нашего выступления, впереди пошел резервный батальон, стоявший годами в Одессе. Как бывает по обыкновению, в этом случае город сделал солдатам и офицерам прощальные проводы. Сам архиерей служил напутственный молебен, наехало начальство, родные, знакомые, время прошло незаметно на этих проводях. Людям пришлось пару часов постоять на воздухе под этой-то слякотью. Распростившись с родными, знакомыми, батальон двинулся. Переход был верст 20. Понятно, простояв часами под такой-то сыростью, промокли, к вечеру хватил легкий морозец с ветром, как бывает на юге, самый кажется безвинный, но что из этого вышло?

Остатки Малаховой башни.

На другой день за этим батальоном двинулся наш полк. Вначале было все хорошо. Пройдя дальше несколько верст, заметили солдата замерзшего. Дальше видим их двое и трое, а еще дальше — о, ужас! Целыми группами по обеим сторонам дороги поле было покрыто замерзшими и замерзающими солдатами, юнкерами и офицерами. Тут же на дороге стояла чья-то карета без лошадей, без пассажиров и кучера, в ней мы увидели целую

кучу забившихся в нее замерзающих солдат. Погода и распутица буквально была невыносимая, мы были точно в таких же стихийных условиях. И благополучно прошли, не оставив ни одного солдата. Все это несчастье их произошло только в нескольких верстах от нашего. Не один десяток этих замороженных с признаками жизни мы валили на офицерские телеги и полковой обоз и везли, и волокли до деревни. Все хаты были переполнены подмороженными. Мы, кое-как отдохнув, на следующий день пошли дальше, и так все прошло.

Удивительно поражающая была картина, когда ее вспомнишь. После жаркого дела, как-то легче смотрелось. А тут-то не нюхавши порошу, наверно, две трети батальона легло в чистом поле, у себя, так сказать, подле своего дома. Что на это скажешь? Разведешь руками? Не правда ли?

Как раньше ты видел и дальше увидишь, я и другие мне подобные со смертью встречались десятками раз, и все встречи с ней проходили благополучно, значит, так было суждено Провидением, а тут-то! Тут-то! Смерть косила и косила сотни народу, точно она здесь нашла законное свое дело или давно назревшую злобу за свое бездействие и высказала все это теперь при случае самом непредвиденном. Вспоминая это несчастье, в заключение скажу несколько слов взятых из жизни, что, кому и как Провидением предназначено. Кому предназначено утонуть, тот уже не повесится.

Путь наш был направлен в Крым. Января 19 подошли к Перекопу. Оттуда пошли к Евпатории, и 4 февраля наш полк присоединился к евпаторийскому отряду. Здесь опять мы встретились с нашим будущим любимцем, как офицеров, так и солдат, генералом Хрулевым и поступили в его командование. Февраля 5-го под его начальством, ночью, наш отряд подошел к Евпатории, стянули ее кольцом, от одного берега к другому¹¹. Ночью же для каждого орудия соорудили прикрытие, артиллерия стала по местам, а мы поодаль от линии огня расположились в ротных колоннах в прикрытии артиллерии, а кавалерия дальше. Все это было совершено, точно по шучьему велению, без шума, без разговоров, даже воспрещено было курить, дабы турок не будить. А мы заняли позицию так добросовестно, что до наших ушей доходил разговор из крепости. Турки, как видно, совсем не подозревали нашего присутствия и добродушно, как младенцы, поживали.

Только зорька занялась. Турки стали от сна протирать глаза, как послышался из крепости выстрел, потом другой и третий, и пошло валить валом. Наши 80 орудий тоже не дремали, открыли свое дело и завели такую музыку, хоть уши закрывай. Эта перестрелка продолжалась несколько часов. Влево от нас стоял батальон греческих волонтеров, в юбках и фесках. Нелегкая, с горя, дернула их броситься в атаку, чего в диспозиции не было. Конечно, турки погрели их порядком и поделом — не будь дураком. В этой-то перестрелке вышел маленький инцидент в нашей колонне. Откуда ни возьмись, шальное ядро так свистнуло по головам в точном смысле слова, что меня, стоящего сзади за унтера и других соседей, солдатскими мозгами обрызгало и кровью, залепило всю мою рожицу, амуницию и грудь. Эта шутка стоила нашей роте жизни 6-ти человеческих жизней. Вечный им покой, а соседним их товарищам — контузии, кто оглох, кто стал дураком от сотрясения мозгов и т. п.

В полдень артиллерия взялась на передки и кругом — марш. Отойдя порядком от линии, наши ротные колонны собрались в батальоны, составляя все-таки прикрытие как для батареи, так и для кавалерии. Батареи стали строиться, приводить себя в порядок. Это было вне огня, ядра не хва-

тали. Тогда турки стали жарить саженными разрывными конгреновыми¹² ракетами. Для кавалерии и артиллерии эта штука беспокойная. Кони, слыша в воздухе шум такой гигантской ракеты, а шумит она, как какой-либо гремучий змей, кони волнуются, не стоят на месте, а тут или спереди, или сзади рвутся ракеты, да не хуже — гранаты. Как тут стоять смирно. Мы, как прикрытие, маневрировали батальонами, колоннами на различном расстоянии от крепости. Вдруг, откуда ни возьмись, перед носом колонны, как даст рикошет, и пошло писать по штыкам. Весь ряд штыков, точно ножницами, отхватило. Несколько человек контуженных оказалось. Татарин-подводник для возки раненых находился совсем в тылу. Завидя, что катится ядро, что твоя голова величиною, но так слабо, хоть руками бери, он пожелал задержать его, подставил ногу, и оно как шархнет — нога вдребезги, и повезли его на собственной арбе восвояси.

Малахова башия сегодня.

Все это виделось и слышалось собственными глазами и ушами. Да что и говорить! Кто поверит моему рассказу, а кто и нет, в таком случае дело всякому свое. Все это я говорю не для красного словца.

Теперь, как изволишь видеть и знать, в пространстве дело свое мы порешили. Идем в Севастополь товарищам руку подать помощи. Злоба и бой кровавый им сердца иссушила. Скорей, братцы, идем. Дадим отдохнуть и им, мы все-таки были на просторе, в делах. А они взаперти кровью и потом своим берегли Севастополь и врага держали в руках.

Севастополь.

Пока дойду до Севастополя, скажу несколько слов про нашу бомбардировку Евпатории. Жители потом рассказывали, что эта, так сказать, наша репетиция или упражнения в стрельбе для города были настоящим адом. Вполне можно с этим согласиться. 80 орудий жарили, да еще несколько часов — кое-что значит. Сделаем приблизительный маленький расчет. Допустим, что каждое орудие дало в час четыре снаряда, 80 орудий дадут в час 320, допустим, вся эта музыка продолжалась 6 часов, то в это время было брошено в город, площадь которого не особенно обширна, до 2000 разного чугунного снадобья. Эта порция солидная, хотя кому холоду нагонит. С каким чувством страха жители рассказывали про этот день! Этого сюрприза Евпатория не ожидала. Когда со сна проснулись и, так сказать, расслушали, из какой стороны музыка, то они от малого до великого, как рассказывали, очумели, бросались, как угорелые. Единственное спасение было — забиться в погреба. Немало было и смертей, не осталось ни одного дома без изъяна, татарские сакли превращались в кучу мусора. Совершенно понятно, городишко маленький, по восточному обычаю скученный в сплошную, только жарь, а снаряд наверно при такой обстановке найдет виноватого. Да, задали гонку в полном смысле слова. Я полагаю, кто из жителей остался в живых, тот день им памятен.

Апреля 1-го полк выступил на Инкерманскую позицию, а 8 апреля переведен был на южную сторону Севастополя и расположился в пустых домах в Корабельной слободке. С нашим прибытием сюда началась и новая жизнь. При воспоминании об этой жизни невольно тяжело вздохнешь.

Много об этой севастопольской жизни писали и говорили, но и мои слова будут не лишними, как живого в этом кровавом пиру участника этой славной боевой для русского солдата жизни, не в положении белоручки, как те писатели и говорильщики, знающие все из чужих слов, а настоящего чернорабочего-солдата, находящегося в рядах и исполнявшего наравне с остальными ребятами все то, что только было в человеческих силах.

Вначале мы занимали посты по 4-му отделению, ходили в траншеи перед солидным Камчатским редутом, близким соседом грозного Мамаева кургана. Служба шла своим чередом, отстоишь сутки, ночью приходила смена, по сдаче постов убирались на покой в слободку. Но и в слободке было не лучше и не хуже, как и на постах. Она была расположена у самого подножия Мамаева кургана — те же ядра, те же бомбы. Даже и ружейные пули беспокоили точно так же, как в траншеях или в редуте. Случалось, бомба или ядро провалит крышу, раздвинет стены дома и т. п. — бывало все, и все нипочем.

В это время Севастопольский и Волынский полки оканчивали два редута имени своего полка. Земляные эти сооружения довольно обширных размеров возводились на самой окраине левого фланга нашей оборонительной линии и в порядочном расстоянии от нашей слободки.

Когда редуты были готовы, полк был назначен на смену уставшим там полкам, и мы из 4-го отделения перекочевали на те редуты. Сперва соблюдали смену, но потом эта ходьба показалась неудобной, порешили по редутам и траншеям бессменно быть на местах. Пищу нам носили и, что было нужно, все таскали из города. Так мы там жили, спали, отдыхали, а все-таки редут для нас был развлечением и успокоением нервов, и по-теперешнему — офицерские собрания. Всегда там находилась компания: начальник редута, офицеры морской артиллерии, да мы, сидя за самоваром и коньяком, отводили душу в разговорчиках.

Вспоминаются места, трудные для смены, мы их называли мертвым пространством. Пройти по ним, местность, как на ладони, открыта. Как ни осторожно и тихо в ночное время для смены на чреве поползешь, без убийства не обходилось. Французы такие места имели в виду, конечно, при этом понимали время смены и вовремя такую подымали пальбу по этому направлению — просто беда! Они так занимались этим делом до рассвета, потом эта музыка стихала и наступало дневное отдохновение. Слышалась только единичная орудийная и ружейная перестрелка, но нашим это было нипочем.

Так мы боролись до 26 мая. В это время свыклись с обстановкой, человеческие чувства припустились. Сердце как будто застыло, к смерти сделались хладнокровными, равнодушными до того — это теперь смешно сказать.

Сидишь, бывало, в траншее и глядишь в маленькую амбразуру, что делается перед носом, головы нельзя было высунуть, сейчас уберут без прикрытия такого, стрелять было невозможно. Солдатики наши потешались, на шомпол повесят шапку и выдвинут из-за валика траншеи, французские стрелки расстреливают ее в решето. Бывало, сплошь и рядом где-нибудь щелкнет, солдатик валится, попала в лоб, сосед его повернет голову, перекрестится, плюнет и свое дело продолжает — палить и палить куда-нибудь, как ни в чем не бывало. Труп приладит куда-нибудь к сторонке, чтобы по траншее ходить не мешал, и так, сердечный, лежит до смены, — ночью товарищи сволокут его в редут, а с редута в братскую яму, и когда яма наполнится нужным числом тел, засыпали сперва, ежели есть, известью, а нет, землею — и дело порешенное. Бывала, впрочем, у нас и потеха.

Французы ухитрились в ручные, т. е. переносные, монтирки, по траншеям закладывать в них разные железные предметы, жестяные ящики от консервов, гвозди, куски бутылок и что только попало под руку, присовокупляя к этому хламу десятка два величиной в кулак гранаток. Снарядишь таким способом монтирку, ночью выпускали заряд. Издали очень красиво выглядело, воздух освещался десятками воспламененных гранаток. Дойдя до известной высоты и расстояния, над головами гранатки разрывались с трескотней — уши закрывай. Такую шутку мы называли букетом.

А то, бывало, начальник редута соскучится и скамандует: «Орудия, пли», да какие — морские, корабельные, громадные. Этого довольно, солдаты рады и потешаться, развлечься. Подымется такой кромешный ад, не слышавшему собственными ушами эту музыку, трудно рассказать. Такие картины не поддаются рассказу.

Когда начальство потешится, несколько десятков солдатиков, конечно, при этом улягутся под эту музыку вечным сном, это нам было нипочем, и опять все на время замирает.

Против наших редутов был английский — «Виктория», а левый — французский «Кое-Робер» в 90 морских [...]. Бывало, когда наше противное визави сговорится, пойдут жарить с двух сторон, то наши бедные редуты только стонут, разметают, расковыряют, только пыль валит. Конечно, ночью валы восстанавливаются. Но раз пристрелка сделана, и ночью бей наверняка рабочих в редуте по банке, там ставились в некоторых пунктах, так сказать, вестовщики. Им дело было смотреть за нашими противными визави. Как только покажется дымок, вестовщик должен во всю глотку заявлять: «Ядро», «бомба». Это сообщение для отдыхающих было спокойное. Ядром вал

• *Написано неразборчиво.*

шлепнет — ничего, но вот бомба, да еще семипудовая, так требует общего наблюдения и внимания, куда изволит она лечь. Вестовщикам от ядра попадало частенько, только что заикнется: «я...», смотришь, летит с банкета, то без головы, то вдребезги разможенный. Бомба же как валится в

редут, успевай только лечь поодаль на землю, она в свою очередь, разрываясь, осколки бросает на все четыре стороны, кто лежит поближе, землей засыпает, осколки подымутся, вверх пролетят искать жертву подалше. После нее образуется воронка в поперечнике сажени две-три и глубиной в рост человека. Бывали падения бомбы на блиндажи. Блиндаж устроен фундаментально, потолок устраивался в два ряда толстейших бревен и покрывался в сажень земляной насыпью, а она, бомба, как изволит на него взвалиться, бревна, насыпь разнесет в прах.

Таким образом мы от недругов защищались, как добродушная серна против льва. Имейте в виду, что мы имели дело, во 1-х, с французами, во 2-х, с англичанами, в 3-х, с турками, в 4-х, с сардинцами и так далее, мы же одни. Они, как собаки, как волки, в буквальном смысле слова нас грызли, по кускам рвали, но мы, как говорится, хотя физиономия была в крови, но зря до последней капли крови и пяди землицы им не уступали. И как изволишь знать, около 11 месяцев все это представление продолжалось. После такой школы сделаешься в крови и костях настоящим солдатом, и низко кланяюсь всякому такому боевому солдату. А какая он прелесть в военное время, что хочешь в нем найдешь, когда нужно, он добродушен, сердечный, когда нужно, он лев. Собственным своим чувством за его выносливость и хорошие качества солдата душою и сердцем его люблю. Без претензий, без особенных требований, терпеливый, к смерти равнодушный, исполнительный, несмотря на препятствия, на опасность. Я полагаю, что один только русский солдат на все способен, говорю из виденного, прошедшего.

Кстати, мне вспомнились солдатские добрые личности, в походах я жил вместе с ними.

Мой ротный командир Ш. К. Брайнов назначил ко мне дядьку по фамилии Васильев, собственно, для того, чтобы по молодости моих лет и неопытности ухаживал за мной. Правда, когда вспомнишь, сердце радуется за добрых и честных людей, в особенности из солдатского быта, как например, за него. Можешь мне поверить, в течение наших странствований он заменял мне мать и кормилицу. В какие бы ни было трудные минуты он, усталый, голодный, о себе не беспокоился, только обо мне.

Сапоги пообтерет, белье вымоет, амуницию почистит, что нужно, зашьет, зачинит. На ночлегах вовремя разбудит, говорит, вставай сударь. Марш, пора, по этой музыке нужно вставать, одеться и быть готовым, по сбору собираться на указанное место, и это он копошится, как около сына. Тут же поднесет в манерке тюры, покушай, сударь, будешь голодный, сегодня переход трудный. И когда только он сам успевает отдохнуть!

Потом вспоминается другая личность, моего капрала, седого, с нашивками с большой на шее серебряной медалью, весьма почтенная личность, по фамилии Залашайко, малоросс. Когда люди в сборе, как-нибудь замешкаешься или опоздаешь по вольности дворянства, мой капрал замечает: «Сударь, стань на место». И право, себе скажешь, слушаю.

Я в настоящем рассказе взял единственный случай, а их можно насчитать десятками, сотнями. Не говорю про денщиков, в походах это были своего рода труженики, он офицеру и сапоги почистит и самовар вовремя поставит, и подай, изготвь обед, ужин — ему также нужно помнить, что сколько дней не будет по пути города, провизией запастись и т. д., было много дела у них.

Вы теперь в севастопольской братской могиле. Военная вам память, честным солдатам: все вспоминаю. Вы сделали все, что только было в вашей силе. Господь убрал вас, но я честного солдата не забываю.

Первый штурм 26 мая.

Да, я немного увлекся разговором, от темы отстал. Возобновляю рассказ. Так мы проживали по силам и возможности до первого знаменательного штурма 26 мая. За три дня до наступления его, огонь неприятельской артиллерии по всей линии был убийственный. Все наши редуты в эту бомбардировку были точно снесены, исковерканы, не было времени ни днем, ни ночью для их возобновления. Многие наши орудия подбиты, остальные замолчали в ожидании, что будет дальше. Старики, покручивая ус, говорили: «Ребята, не спи, смотри в оба, держись крепче, будет штурм». Так оно и вышло. В 6 часов вечера 26 мая взвилась одна, другая ракета, французы из своих траншей повылезли и идут врассыпную к нам гуляючи, точно в гости, не обращая внимания на наш усиленный огонь. Им точно все это пустяки.

Мы под натиском цепи и колонн, шедших на нас из траншей, повышли и направились в редуты. Вскоре за нами в редутах, через вал, амбразуры и другие выходы, точно вареные раки, в красных невыразимых и синих мундирах появились французы, завязался рукопашный бой. Колонны их подступили, мы без всяких резервов, не устояли, заклепав орудия, ринулись в ров с редута. Жалко было отдавать так дешево, так много залитый нашей кровью и потом, и тут другого сорта пошла свалка, вроде такой. Французы в редуте выше нас, а наша братья во рву, ниже, пулями из-за вала ничего не сделаешь, они же, как народ находчивый, давай нас бить камнями, спускали целые

глыбы по валам в ров, и нашего брата, столпившегося там, было видимо-невидимо. В сплошную, точно королевские сельди¹³ в бочке, кому попадало по головам, те так и валялись. Так во рву держались все-таки порядочное время, но под конец стало невыносимо, было невоготу, обратились вспять к другой батарее имени нашего полка Забалканской. Французы, заняв наш редут, дальше не пошли, мы же засели в батарее и угощались свинцом, точно на пиру.

На этой батарее я был ранен в правую руку навывлет и тут же контужен осколком в левое колено, я так и присел. Заметивши это, солдатики взяли меня и уволокли, куда и зачем, ничего не сообщал. Вышедши из линии огня, солдатам дали вздохнуть. Были уже сумерки. В момент моего отдохновения встретился еще раз генерал Хрулев, но при следующей обстановке.

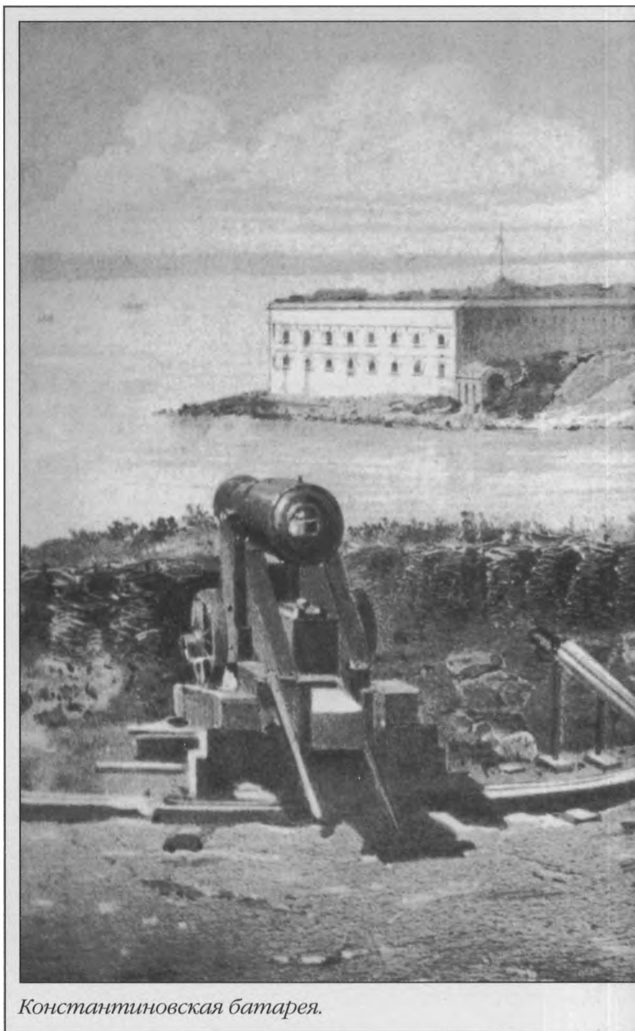
Он впереди в папахе и бурке, а за ним тысячная толпа солдат разных полков, без строя, словом, что только было в Севастополе. Сам, угрюмо понурив голову, громогласно командует: «Ребята, нужно обратно взять Камчатский редут», и масса ребят, как один солдат, ринулись на ура. Французов вышибли и выпроводили из редута, затем, видя это, стали и другие их отряды отступать. Этот первый штурм для французов прошел прахом, наша в конце концов взяла.

После этой суеты меня дальше поволокли. Было сильное излияние крови из раны, какой-то тряпкой от рубахи солдатики перевязали рану и доставили меня на перевязочный пункт. О, поверь моим словам, народу около здания валялось видимо-невидимо, и весь этот народ измазан кровью и ждал очереди предстать перед врачом, других перевязывали тут же. Меня потащили в палату, раздели, перевязку сделали и уложили, в числе опять-таки толпы офицеров и солдат. Здесь увидел знаменитого нашего оператора-профессора Пирогова¹⁴. Он мне показался мясником. Белый передник залит кровью, рукава засучены, с ножом и пилой ходит от одного к другому, у того руку, у того ногу откромсает, и тут же всю эту дребедень сваливает в кучу на пол. Прислуга только успевала убирать этот хлам.

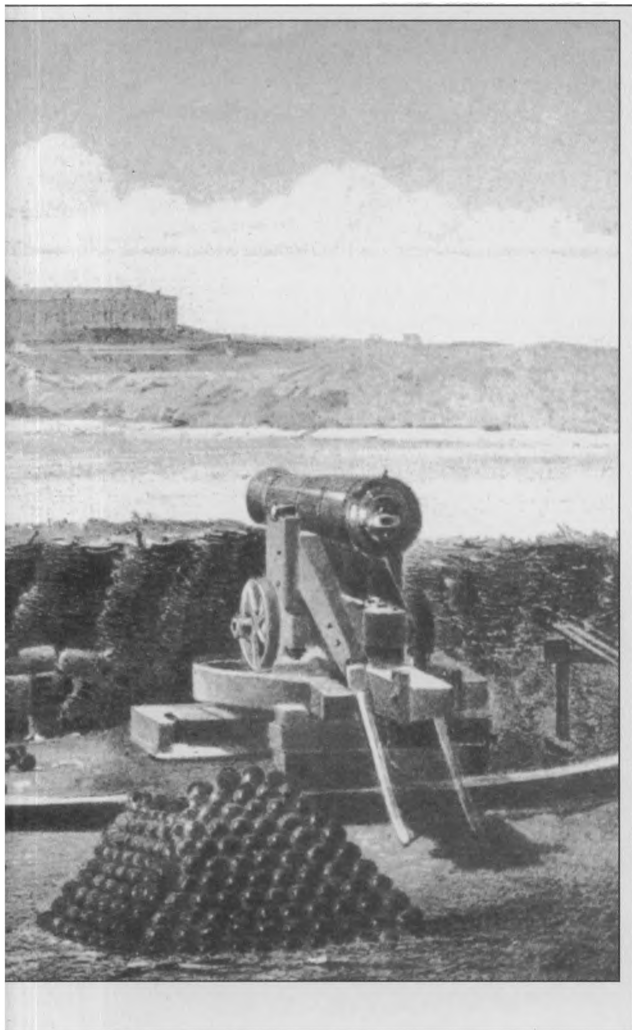
Да, много, много было дела и врачам. На другой день меня опять-таки сволокли на пароход и доставили в госпиталь на северную сторону. В этом штурме ранены были старший и младший братья, и мы совсем разошлись, не зная, кого какая судьба постигла. Потом в полку сошлись. Жаль, что не сохранил своей боевой юнкерской шинели. В ней кроме прострела в руку оказались еще несколько пуль в юбке шинели, так было у многих. Добросовестно, в чистоту, значит, работали при граде пуль, сыпавшихся точно из мешка, как горох.

Не хватит слов объяснить и рассказать картину того дня. Гром и молния легче бывают, нежели такой грандиозный штурм союзной неприятельской армии. Небо пороховым дымом заволкло, точно серыми тучами, треск ружейного огня, гром пушек, свист ядер, гранат, бомб. Как пчелы, в воздухе кружили, смертельно жалив, кто навстречу попадался — это, так сказать, адское препровождение времени во время боя переносило нас в другой мир.

Расскажу вкратце собственное впечатление во время боя. Вначале сердце ускоряет биение, делается тревожным, нервным, стараешься больше и больше выпустить пуль, но когда это чувство пройдет, то поверьте, я так думаю, что и у других кровь закипает, становишься как кровожадный зверь, бьешь, не обращая внимания ни на какие опасности, ни на какие пули. Все человеческие чувства притупляются, и пойдет писать одна только физическая сила, без разума и сердца — чувство самих ранений исчезает. После такой борьбы, теперь свободно вздохнешь и вспомина-

Константиновская батарея.

ешь, что было и прошло. Севастополь был настоящей европейской война.

Много, конечно, нашего брата легло костями, но плечи солдата крепки и могучи, в бою незаменим, свой долг службы добросовестно и честно исполняет.

Второй штурм 6 июня.

Мое странствование по госпиталям и обратный путь к полку. Теперь в Севастополе в госпитале на северной стороне помещен в офицерской палате. Северную и южную часть Севастополя отделяла бухта шириной больше версты. В палату представился, конечно, по порядку, здесь была настоящая лазаретная обстановка. Отдельные постели, уход служителей за поврежденными и ушибленными живыми больными и издающими последние дыхания и уснувшими, с уборкой их в братскую могилу.

Одно было нехорошо, — это невыносимая в палатах духота и жара, легионы мух разносили заразу от одной раны на другую.

Наступило 6 июня, день второго штурма. Точно такие же и к нему были приготовления, как и к дню первого. Вечером наступила кровавая драма. Я эту картину наблюдал с северной стороны, из госпиталя.

В этом штурме нашим посчастливилось лучше, чем в первом. Не отдали ни одного редута, союзная армия не могла одолеть и с громадной потерей убралась восвояси. Бывшие на штурме говорили, что французов наколотили такую массу, что под их телами не видно было земли на пространстве между траншеями,

где свалка происходила. Поле было, точно огород, рассеянный сплошь красным маком. В сумерках эта картина выделялась особенно красиво, ружейный огонь был настолько оживленный, что издали казался одной непрерывной огненной линией. Малахова кургана не трогали в оба раза, боялись мин. В этом штурме убит на Малаховом кургане боевой адмирал Нахимов¹⁵

После этого штурма в госпитале места не хватало, требовались кровати для вновь поступивших пациентов. Для очистки постелей нас, более или менее оправившихся, назначили в Севастопольский госпиталь. Лежание в этом госпитале было сносно, палаты просторные, много воздуха, даже появилась роскошь в виде штор к окнам. Здесь я получил по прошению от графа Виельгорского¹⁶ две пары белья, а нечем было прикрыть свое брненное тело, и денег 5 рублей, и за это спасибо.

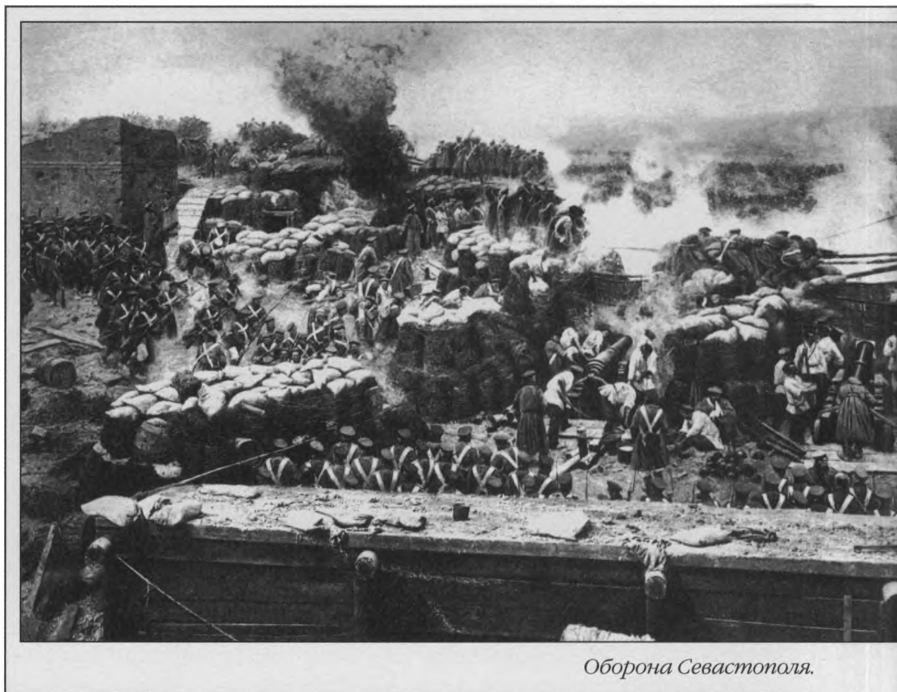
Недолго пришлось отдыхать здесь, нас все дальше и дальше сплавляли, собственно для очистки мест более хворым. Через некоторое время опять собрали команду, или, так сказать, транспорт, и поволокли в перекопский госпиталь, в буквальном смысле слова поволокли. Удобных средств перевозки больных и раненых и в помину не было, да по тем временам ничего нельзя было и придумать, эту повинность отправляло натурой все вообще население. На этот раз мы были размещены в чумацких телегах на волах, в которых возят соль. Тележка с соломой полагалась на двух больных, без всякого постельного белья. Южное солнце до невозможности жарило, пыль, жажда и т. д. во время странствования была невыносима. Ехали днем и ночью, а где удобные чумки, останавливались в чистом поле покормить, напоить волов, и дальше марш. В половине пути меня прихватил тиф, был без сознания, не знаю, как меня свалили в перекопский госпиталь. Не помню, сколько времени лежал без сознания, но все-таки от тифа благополучно отделался. Оправился настолько, что собрали нас лучших хворых и отправили дальше в Екатеринослав в немецких фургонах, крытых полотном. Казалось, ехали, точно в каретах. Это был мой конечный пункт странствований по госпиталям. Там на свободе, на хорошем воздухе, мое здоровье и раны поправились. Когда пришло время, я как юнкер отправился в обратный путь к полку этапным порядком.

К сожалению моему, не упомяну, в каком месяце я вышел в обратное шествие, но кажется в августе, а по имеющимся сведениям из послужного списка в полк прибыл 1 октября.

В течение моего этапного путешествия, в числе прочих солдат приходилось являться в этапные пункты за получением от начальника инвалидной команды кормовых денег, новой смены сопровождающих нас инвалидов унтеров и т. п. В Крыму, в татарском месте Карасудазар, на татарском этапном пункте как-то я разговорился с заведующим офицером. Спросил он мою фамилию и тут же стал что-то вспоминать. Обращается ко мне и говорит: «Как это вы в юнкерской шинели, я вспомнил вашу фамилию, вы произведены в офицеры». Выискал чуть ли не последний высочайший приказ, я узрел свою фамилию. Действительно стал прапорщиком, со старшинством 26 мая, после первого штурма. «Ну, вот, — говорит, — и хорошо, завтра поведете команду на Северную». Не помню, в какие дивизии люди были направлены разных дивизий и полков.

Утром на следующий день прибываю в его канцелярию, люди были собраны, оказалось по счету за тысячу человек севастопольцев. Я так и замер — неопытный, молодой, а тут такая крупная команда старых служаков. Подумал: «Вот тебе не радость, а печаль», провести их нужно было станций шесть. Как я ни отнекивался, ничего не поделаешь, так мы и пошли. На месте взял за старшего, бывалого, бравого, старых времен фельдфебеля, и я благополучно, без скандала привел команду к месту.

Великое спасибо старшему писарю, какого-то дивизионного управления, к сожалению фамилию не помню, которому, конечно, я заявил о прибытии команды, а это было вечером поздно. Видя меня измученного, усталого, прямо из своего добродушия, во-1-х, предложил угол в своей землянке, во 2-х, напоил чайком, дал поесть, уложил меня спать, сказавши: «Завтра получите квитанции и сами отправитесь в полк, расположенный в ауле Фон-Сала, в авангардный отряд под начальством генерал-лейтенанта Семякина».

Оборона Севастополя.

На другой день, получив все нужные бумаги и квитанцию и сказав тысячу раз спасибо этому доброму человеку, дающему приют, хлеб и соль, с людьми своего полка пошел дальше к месту расположения полка.

Когда я прибыл, полк помещался в землянках для зимовки. Нашему отряду было дело: занимать передовые позиции и наблюдать за стоявшим против нас французским отрядом до прекращения военных действий, и там мы стояли до 19 марта 1856 года.

По окончании этого дела мы отступили на несколько переходов к северу и расположились по аулам.

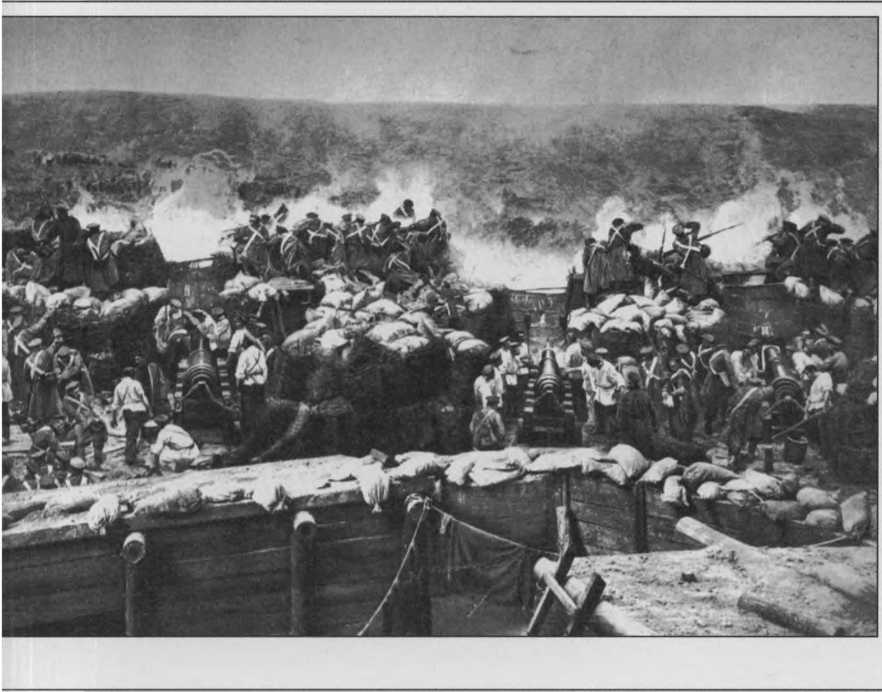
В это время я назначен был адъютантом 2-го батальона, командир батальона был капитан Гиштер, настоящий севастополец. Нашему батальону досталась прекрасная стоянка в имении адмирала Рогули. Собственный его дом, построенный на барскую ногу, был пустой, тут же сад был прекрасный и вся прелестная обстановка. Семейство его при начале военных действий в Крыму уехало. Офицерство батальона, как сегодня помню, из ротичей, брата штабс-капитана, потом штабс-кап[итана] Коха, прапорщика Трусона — это севастопольцы, потом прибывшего откуда-то хорошего художника капитана Степанова и кавалерийского офицера поручика из кавказских князей и других.

Мы в таких прекрасных, светлых, чистых комнатах в буквальном смысле слова отдыхали, спали на постелях с матрасами, хотя вместо одеяла служила шинель, да это ничего, словом, пре- бывали как у себя дома, не выдавшие ничего порядочного три года.

В скором времени прибыл в полк и вступил в командование 2-м батальоном переведенный молодой подполковник Гурко¹⁷. К сожалению его большому, подполковник Гурко опоздал. Задержал его образцовый полк, к которому он прикомандировался для узнания пехотной службы. Как видите, стремился к нам разделить все наши боевые трудности нашей солдатской боевой жизни, променял свою прежнюю службу и удобства петербургской обстановки — прямо вступил в ряды пехотного солдата. Возвышенное стремление.

Помнится, при этом воспоминании как-то стеснительно об этом говорить. Приняв батальон, командир завел порядок по праздникам являться к его обеденному столу. Конечно, можешь себе представить, какими мы были в то время замарашками. Огрубелые, отсталые, забыли почти порядочно с толком говорить по причине нашей пройденной жизни, проводивши время в среде офицерского кружка и солдата, и нового человека годами не видали. Воображаю, как командир батальона вначале взглянул на нас, на наши мундиришки, солдатские шинели и остальное наше боевое убранство. Правда деньги были, но купить, обшиться негде было. Так мы, нечесаные, не бритые, не стриженные, ходили на его обеды, сделанные поварской рукой, на серебряном сервизе с лакеем в белых перчатках.

Что думала об нас его прислуга, увидевши вместо офицеров медведей, дикарей — но все прошло.

Из солдат командир батальона с офицерами часто составляли верхами поездки в Севастополь, оттуда во французский лагерь. Полковник Гурко очень интересовался всеми подробностями нашей жизни, объезжал кругом оборонительную линию, до мелочей расспрашивая о всякой позиции и т. д. Во французский лагерь заходили, у них все было мило построено. Дощатые бараки человек на двадцать солдат, с окнами, с дверьми, со всеми принадлежностями и удобствами для жилья во время

долговременной осады. Бараки офицерские резко выделялись от прочих по диванчикам, сделанным из пустых бутылок коньяка, портеру и других вин, обложенных кругом дерном, а в иных красовались и оживляли боевую их жизнь палисады с цветами и другою разною зеленью. Около кухонь навалены целые горы разных жестянок из-под консервов. Как видно, не нуждались ни в чем, для них транспортировка на пароходах была удобнее, чем наша во время распутицы по глинистому грунту на волах. Появление наше во французском лагере и прием нас офицерами французскими сопровождался любезною внимательностью и радушием. С прибытием к ним они, как хозяева, приглашали в буфет, угощали и сами себя не забывали, да так, бывало, наконец-то ячешься, что еле на лошадь взгромоздишься. И нас они, солдат, не забывали. Тут с нашей стороны пойдет угощение, в долгу не оставались.

Теперь время подошло напомнить, что в полк я прибыл тогда, когда Севастополь занимали французы. Августа 27 дня он покорился судьбе. Наши не в силах были дальше отстаивать, и он преклонил свою голову и отдался в руки французов. В полку можно было сосчитать несколько человек, оставшихся какими-то судьбами невредимыми и свидетелями окончательной драмы 27 августа.

Когда, бывало, сойдемся, очевидцы рассказывали, что тот для них грустный день показал все муки ада. По-видимому, тот штурм был напряженный, усиленный: во что бы то ни стало или взять Севастополь, или лечь костьми. Потом оказалось, что в нем участвовали в подкреплении свежие войска и гвардия, нашему солдату, уставшему, не по силам было драться. Офицеры, солдаты от по-

тери Севастополя с поникшими головами переходили мост на Северную сторону, без всякого строя, без команды. Вполне им сочувствую, было очень грустно. Почти 11 месяцев держали его в своих руках, с суши ничем не укрепленный город, воздвигали земляные сооружения для защиты его под неприятельским огнем и молодецки отстаивали столько времени.

Как всякому известно, Севастополь был не вооруженный город, он был крепостью морской, и крепостью солидной. При отступлении две каменные башни в четыре этажа с бесчисленным числом амбразур с южной стороны были взорваны. Нужно удивляться, как сначала французы не вошли в город церемониальным маршем, наших на этот раз там было только одна дивизия да моряки с флота с затопленных для преграды входа в бухту кораблей. Малахов курган был только вооружен корабельными пушками, да еще несколько редутов — вот и все вооружение города с суши.

Но, как говорилось, и этот случай как достоверный факт в следующем, когда десант союзной армии в 70.000 человек высадился около Евпатории и стал наступать к городу, то авангард наш в составе дивизии и неприятельский встретились на речке Альме¹⁸, здесь был первый бой.

К ночи наш авангард отступил к Севастополю, а французский на поле битвы остановился, поджидая остальные войска.

По решению этого дела князь Меншиков отправил фельдъегеря в Петербург с донесением, что авангард в составе дивизии имел дело с французами и к ночи возвратился к месту. Этого фельдъегеря, само собою, французы перехватили, отняли бумаги, доставили главнокомандующему Мак-Магону¹⁹ Узнавши из донесения, что в авангардном бою была дивизия, французы призадумались о массе находящихся наших войск в Севастополе и его крепости, пошли в обход, остановились южнее и стали систематически блокировать город.

Дальше нелишним будет сказать, в каком составе полк вышел из Севастополя. Роты состояли из

десяти солдат, ротами командовали фельдфебеля, унтера — батальонами, штабс-капитаны, поручики, подпоручики и т. д. Убыль во всех чинах, несмотря на то что ряды несколько раз восполнялись разным народом и ополченцами, была громадная. Потом стал понемногу пополняться штат офицерский кавалеристами и из отставных офицеров, и так управлялись благополучно.

После нескольких месяцев стоянки в ауле Албат полк получил маршрут идти в Калугу. Командир полка князь Святополк-Мирский²⁰ сдал командование полком подполковнику Гурко, [он] довел нас до Калуги, затем, сдавши полк новому командиру фон Чуда, отъехал к месту прежнего своего служения, в свой прежний лейб-гусарский полк. В Калугу полк вступил 19 сентября 1856 года.

На мирном положении.

С прибытием в Калугу наши дела изменились к лучшему и к худшему. К лучшему, потому что стали входить в общество, знакомиться с ним и привыкать к нему, так сказать, втягиваться в настоящую жизнь порядочного человека — офицера. К худшему же — мы стали на мирные оклады, а денег нужно было больше, чем даже на войне. Начиная с мундира, до последней нитки требовалось обновление всего гардероба. Вошли, конечно, в долги, да и не мудрено.

Я, в то время прапор, получал в треть 69 рублей 70 коп. и квартиру по положению и все. По месяцам в кармашке и копейки не бывало, а что говорить про гостинцы и другие увеселения, тог-

Оборона Севастополя.

да мы их и в глаза не видели. В России в долг не дают, живи на чистую монету. Да! Прошло 36 лет, и мы все-таки и тогда жили и жили, как в обществе, так и в тесном своем офицерском кружке. Босиком не ходили, всегда чистенькие, одеты, как надлежит офицеру. Бывало, приходили к товарищам попить чайку.

Как все меняется, прежде женатых офицеров было очень мало, и ежели кто позволял себе роскошь (об)завестись женой, то это приходилось на долю штабс-офицеров и изредка ротных командиров. Прапорщика или подпоручика видеть женатым было странно, все на него пальцем указывали бы. Да в то время, ежели кому-либо и приходилось жениться, то прежде всего получал экипаж, четверку лошадей, кучера, повара, горничную, плюс ко всему этому по возможности деньжонок.

Теперь женившемуся офицеру дают трюмо, зеркало, комод, шкаф, мягкую мебель и разбитый фортепиано — и больше ничего. Извольте на жалованье жить и при частых передвижениях строевого офицера перевозить это движимое имущество с места на место.

У нас, как я сказал, зеркала, шкафов, комодов не было, были одни сундуки, в них содержали весь свой скарб, и зачастую служили и мебелью в квартире. При всем этом была в семействе небесная благодать.

Нужно заметить, что вступление полка в Калугу и встреча была самая торжественная: с обра-

зами, с духовенством, с молитвою и представителями города. Город устроил обед как для офицеров, так и нижних чинов.

В высшей степени радостно было сердцу видеть такой душевный прием города. Калуга по настоящему русскому обычаю встретила нас хлебом-солью.

В городе расположился штаб полка, а батальоны в окрестностях. 2-й батальон имел свой штаб в г. Медыни, в 80-верстном шоссе от Москвы, но в Москве я не был по простой причине — денег не было.

Много было де-

ла командиру полка с отставными офицерами. Кавалеристы сами откомандировались к своим частям, а от отставных командир полка должен был очистить полк своею властью и силою по закону. Можно себе, конечно, представить, какой был сброд и какие были скандалисты. Народ просто отчаянный, штрафованный и выгнанный из полков законом и обществом товарищей, но по тем временам в такое трудное военное время, по необходимости, полки пополнялись такими господами.

Но пришло время, полк подвел с ними итоги, очистился, стало тихо, мирно. Вскоре стали формироваться из полков резервные батальоны имени полка, и туда был назначен казначеем я.

Марта 24 дня 1857 года батальон выступил в г. Новозыбков Черниговской губернии. В провинции люди как-то скорее и благодуще сходятся. Городничим был кавалерийский полковник, хлебосол, приятная и веселая семья, три дочери — невесты. Мы, молодежь, стали, конечно, учиться ухаживать за прекрасным полом. Совершали прогулки, в доме устраивались разные игры, даже и танцы под фортепиано, было просто и мило. От тех барышень я получил первые уроки танцев, а до этого, раньше и понятия об них не имел. Приезжал его сын, молодой драгун. Как жаль, не помню фамилию этого добродушного и милого семейства.

Постояв год, нас перевели в Глухов. О нем осталось в сердце приятное воспоминание, там я поступил на воспитание одной городской барыне, потом перекочевали в Бобруйск, но там была настоящая казарменная жизнь. Комендантом в то время был генерал-лейтенант Трузсон, в полку сын его был, молодой офицер, перевелся в гвардию. Он захватил Севастополь, был при отступле-

нии 27 августа, но теперь его след для меня потерян.

Как понятно, я отделился от полка, от братьев, меня взяла тоска, точно по родине. Крепясь прослужил около трех лет в батальоне, написал братьям о желании перейти обратно в полк для совместного служения. Моя молитва была услышана, и я был переведен обратно в Калуту и явился в полк 8 января 1859 года.

Вскоре после моего перевода полк перешел в Киев, а оттуда в г. Радомысль, где постояли два года. В полку я был избран обществом офицеров в квартирмейстеры и вступил в должность 1 января 1860 года и сдал должность в 1869 году при командире полка фон Ч.

Стоянка там для меня была в полном смысле приятная, и об ней впечатления остались навсегда. Я вполне восчувствовал евангельское изречение «люби ближнего, как самого себя». Из Радомысля перевели нас в Бердичев. И все прошло, прошло, и все кануло в вечность.

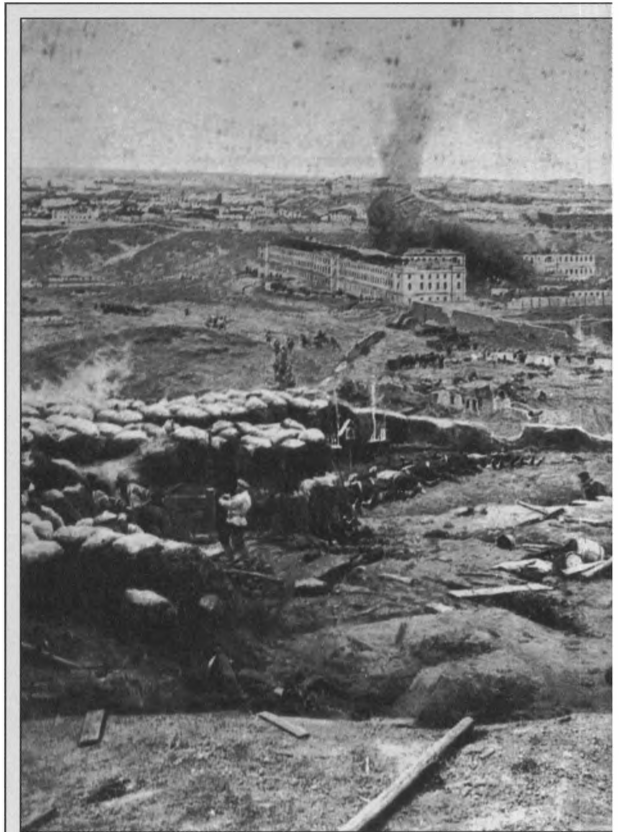
В польском восстании.

В Бердичеве года два жили, потом пошли дальше по направлению к Польше. Перешли реку Бут, и тут же штаб полка остановился в еврейском местечке Влодаве, а батальоны и роты расположились по деревням. Это было в конце 1863 года, когда польское восстание было в полной силе. Здесь мы опять стали на военную ногу, с той только разницей, что редутов не строили, траншей не копали, как бывало раньше, а просто были партизанами. Гоняли польские банды, как настоящих зайцев, но все-таки скажу, что и такое дело было не легкое. Ни днем, ни ночью покою не было.

В то время у нас была, так сказать, неофициальная почта, по-русски сказать, «почта тифелек». Само собою можно догадаться, что почта была эта еврейская, а еврей за деньги и из-за страха все сделает. Обыкновенные почты не могли существовать. Эти словесные почты доставляли нам сведения, в какой местности есть банды, приблизительная их численность и разные тому подобные сведения. Тогда по распоряжению и усмотрению своего начальства снаряжались отряды на поиски и разгромление их. Это случалось во всякое время дня и ночи. Бывали с ними драки не на жизнь, а на смерть. Иногда отряд приходит в указанное место, а банды нет, остались только теплые места ее. Пойдешь и дальше по следам на поиски, и так иногда неделями гонялись и ни с чем возвращались. Доставалось от повстанцев и толпе. Полагаю, не один заподозренный еврей, висая на дереве, болтал ножками в воздухе. Сколько раз были налеплены на моих дверях и на других анонсы: «Завтра тебя повесим», — сорвешь, а на другой день опять то же, но все это нам было нипочем. В самое это бурное время квартирования во Влодаве я был знаком с польскими барышнями, с бургомистром и другими чиновниками. Всегда сходились в гостинице какого-нибудь Арона или Мошки по-приятельски, вместе распивали венгерское вино приготовления химика Госеля и заедали приготовленными сарками и рифками еврейскими блюдами. Все было чинно и мирно. Бывали и потехи. Какая-нибудь панна в разговоре прорвется с сочувственным словом к повстанию: «А! Там мой брат, мой кузен» и т. п. Тогда ей скажешь, будто серьезно: «Панна Юзефа, вы участница повстания», — сконфузится и заывает о своем повстании и о братьях и кузенах, и дело ухаживания опять пошло своим чередом.

Квартируя там около года, для довольствия полка требовались деньги, но по почте не выссылались. Моей обязанностью было иметь их в аккурате. В Дубне было отделение комиссариатской комиссии, снабжающей свой район денежным довольствием, куда мы и принадлежали. До Дубно было верст за двести. Брать туда конвой и с ним идти было немыслимо, проходишь неделями. Я докладываю командиру полка: «Позвольте мне самому поехать, возьму с ружьем унтера, поляка Исамкевича». — «А как знаете, — говорит, — дело ваше». Тогда я из Влодавы на почтовых доехал до шоссе, а дальше до Дубно нужно было ехать в дилижансе.

Когда я добрался до почтовой станции дилижанса и, усевшись с папиросой на крыльцо, раз-

Оборона Севастополя.

мышлял, глядя в пространство, выходит панночка — дочь начальника станции. Пошли тары-бары, куда еду, зачем и т. д. «Как же вы сами едете, — говорит, — вы рискуете, вас могут взять повстанцы, вас могут повесить, в этих окрестностях кишат банды». Я опомнился, что это может состояться и на самом деле, но поздно было рассуждать. Дилижанс подкатил, я сел в середину, а мой унтер с почтальоном [по бокам] и на авось, что Бог даст, поехали дальше.

В Дубно приехали благополучно. Заполучив по всем требованиям денег тысяч шестьдесят, подумал: «Теперь благоразумие требует осторожности: прежде одна голова — не беда, а тут голова и казенные деньги, а с деньгами шалить нельзя». В раздумье таком явился к воинскому начальнику, объяснил ему дело, тут же, в видах того, что деньги в гостинице могут украсть, сдал ему же и заявил, что без конвоя не уеду. На другой день он дал мне взвод улан, и я под таким прикрытием добрался до Влодавы цел и невредим. Сдал в полковой ящик деньги и перекрестился.

По усмирению повстанца в 1864 году полк перешел в Люблин. В Люблине жили долго, ходили в Варшаву в лагерь, но вся эта жизнь по состоянию моего здоровья была невозможной. В 1868 году я подал прошение в комитет о раненых с приложением полкового свидетельства, что вследствие раны и контузии в строю быть не могу.

Вскоре Главный штаб прикомандировал меня к Псковскому губернскому военному на-

чальнику для испытания, туда я явился в начале 1869 года, прослужа в его управлении год и получив от него аттестат зрелости. Высочайшим приказом был назначен адъютантом к Выборгскому коменданту и прибыл туда в январе 1870 года. В 1871 году женился в Санкт-Петербурге, а в 1878 — переведен в г. Вильманstrand с назначением в коменданты с присовокуплением еще уездного воинского начальника с Михельской и Кусписевской губ[ерниями].

И так я в Вильманstrandе живу и служу до настоящего времени. Как-то я взял карту и стал по ней отмечать места, в которых я бывал. Теперь могу наметить здесь по порядку вкратце маршрут пешего и конного моего хождения по России. Которые подчеркнуты города — там квартировал. Вот он:

Пешие хождения вперед: Заславль, Каменец, Подольск, Хотин, Скуляны, Яссы, Бырлат, Рымник, Бузео, Плоешты, Бухарест, Журжа, лагерь под Силистрией.

Пешие хождения обратно: Из-под Силистрии, Калараш, Бузео, Рени, Скуляны, Бендеры, Тирасполь, Одесса, Николаев, Симферополь, Севастополь.

Дальше на волах и лошадях: Симферополь, Перекоп, Мелитополь, Екатеринославль.

Обратное хождение пешком: Екатеринославль, Мелитополь, Перекоп, Карасу-базар, Симферополь, Северная, аул Фоц-Сала, аул Албат.

Верхом: Албат, Симферополь, Перекоп, Херсон, Николаев, Елизаветград, Александрия, Кременчуг, Полтава, Харьков, Курск, Орел, Калуга, Медынь.

На лошадях: Медынь, Калуга, Мценск, Брянск, Трубчевск, Глухов, Новозыбков, Гомель, Рогачев, Бобруйск.

На лошадях: Бобруйск, Рогачев, Гомель, Новозыбков.

На почтовых: Новозыбков, Стародуб, Милин, Трубчевск, Брянск, Жиздра, Калуга.

Пешком в строю: Калуга, Мценск, Трубчевск, Новгород-Северск, Чернигов, Радомысль.

На лошадях: Радомысль, Киев, Новгород, Волынь, Луцк, Брест-Литовск, Влодава.

То же: Влодава, Радзынь, Люблин.

По железной дороге: Люблин, Варшава, Гродно, Вильно, Динабург, Псков, Санкт-Петербург, Выборг.

То же: Выборг, Вильманstrand.

Взгляни на карту по этому маршруту, почти треть России исходил и извездил, присовокупляя

сюда Молдавию и Валахию. Кому из вас, молодежи, придется такую массу верст сделать, как мне, в течение моей полковой службы с 1853 по 1869 г. Так, работая, всякая машина истреплется. Хотя, правда, чувствуешь теперь усталость, но когда нужно, то и мазурку могу еще откатать, все ничедем.

Какие в жизни по тем временам встречались невзгоды, лишения, голод, холод, жажда, встреча со смертью, с болезнями — все проходило. Действительно, перенести могло одно лишь железное здоровье.

Да! Я очень рад, что на мою долю пришлось много видеть на веку. В этих моих воспоминаниях я рассказал одни лишь личные впечатления, не входя в подробности, а их имеется масса.

Мирное мое положение было не хуже и не лучше военного. Были атаки, отступления, конечно, мирного свойства, решение тактических задач, и эта наука входила в программу житейскую. Но больше всего я был осаждаем и даже очень крепко, во многих случаях, требовало благородного отступления, и я ретировался до следующей атаки и т. п. В те молодые годы бился, как белка в колесе, время весело и приятно проходило. Не хочу говорить об этом подробно, так как такие разговоры не касаются никого и никому не интересны, они мне одному дороги и милы. Возобновляя в памяти проведенное мирное время, мог исписать не одну десятку бумаги о своих милых и добрых воспитательницах и их сочувственных отношениях, о бывших друзьях прекрасного пола [...]

И душевных и нравственных вдоволь. Это краса. Радуйся, что он в твое сердце вложил капитал. Этим средством изволь жить. Будь человеком. Будь хорошим солдатом, честно, храбро служи Руси и Царю. Хорошо отслужишь, это будет знаком доброго гражданина, за что и я тебя поблагодарю.

• Далее утрата текста в четверть страницы.

Старый солдат подполковник Клемм.

Августа месяца 1890 года.
гор. Вильманстранд.

РГБ. ОР Ф. 743. Коллекция единичных поступлений. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1790–1881) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участвовал во всех войнах России против Наполеона, затем в персидской 1826–1827 гг., турецкой 1828–1829 гг. В Крымской войне 1853–1856 гг. сначала был главным начальником над войсками и крепостями в Бессарабии и части Херсонской губернии, в ноябре 1854 г. послан в Крым, где исполнял обязанности начальника Севастопольского гарнизона. По окончании войны возведен в графское достоинство и назначен членом Государственного совета.
- 2 Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785–1831) — граф, русский фельдмаршал (1829). В годы первых войн с Наполеоном проявил мужество в боях под Аустерлицем и Гейльсбергом. В Отечественной войне 1812 г. отличился в боях под Полоцком. В 1813 начальник штаба русско-прусских войск, отличился в сражениях под Дрезденом, Кульме, Лейпцигом. Главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828 г., в которой взял крепость Силистрию и провел переход русских войск через Балканы, за что получил титул Забалканского. Эти победы способствовали заключению выгодного для России мира с Турцией. Принимал участие в польской кампании 1831 г.
- 3 Умочка, умочка сукна — убыль его от мочения.
- 4 Сноровка — пригнать, приладить в пору.
- 5 «Русский инвалид» — военная газета, выходила с 1813 по 1917 г.. С 1862 г. орган Военного министерства.
- 6 Серет — река в Западной Украине.
- 7 Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861) — князь, генерал-адъютант. В 1807 г. поступил юнкером в артиллерию, с которой участвовал в кампании 1812, 1813 и 1814 гг. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., польской 1831 г. и венгерской 1849 г. Во время Крымской войны был командующим войсками на Дунае, с февраля 1854 и до конца 1855 г. командующий войсками в Крыму. После второй бомбардировки Севастополя в марте—апреле 1855 г. считал нецелесообразным продолжение обороны города. Проиграл сражение на р. Черной (4 авг. 1855) и 8 сент. отдал приказ об оставлении южной стороны Севастополя. С 1856 г. наместник в Царстве Польском. Тело его, согласно завещанию, предано земле в Севастополе.
- 8 Хрулев Степан Александрович (1807–1870) — герой Севастопольской обороны, генерал-лейтенант (1853). В армии с 1826 г. Участвовал в польской кампании (1830–1831) и венгерском походе 1848–1849 гг. Во время похода 1853 г. против Кокандского ханства руководил штурмом крепости Ак-Мечеть. С конца 1853 г. руководил боями на Нижнем Дунае около Силистрии, Журжи. С марта 1855 г. руководил юго-восточным участком обороны Севастополя, лично участвовал в контрата-

- ках, проявил мужество, находчивость, чем снискал себе большую популярность в войсках. 27 августа 1855 г. был ранен на Малаховом кургане. С 1861 командовал корпусом, с 1862 в отставке.
- 9 Непокойнический Артур Адамович (1790–1881) — генерал от инфантерии, учился в Пажеском корпусе и Военной академии. В 1841 г. принимал участие в военных действиях в Чечне и Дагестане. Приобрел репутацию храброго и распорядительного офицера. В Крымской войне был начальником главного штаба 2-й армии.
 - 10 Орлов Николай Алексеевич (1827–?) — генерал-адъютант (1846), генерал от кавалерии. Получил хорошее домашнее образование, в 1845 г. произведен в корнеты лейб-гвардии Конного полка. В 1849 принимал участие в венгерской кампании. В 1854 командирован в распоряжение главнокомандующего Паскевича для участия в Крымской войне. При штурме Силистрии руководил взятием форта Араб-Табия, за что был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. и золотой саблей. После Крымской войны на дипломатической службе. Автор ряда записок о внутренней политике России.
 - 11 Штурм Евпатории, оккупированной английскими, французскими и турецкими войсками, начался в 6 часов утра 5 (17) февраля 1855 г.
 - 12 Конгрив Уильям (1772–1828) — английский инженер и генерал артиллерии. Известен благодаря многим улучшениям в деле постройки шлюзов и каналов. Главным изобретением Конгрива является род ракет, которые впервые были применены под Булонью в 1806 г., затем при бомбардировке Копенгагена в 1807-м, а также в Крымской войне.
 - 13 Корольские сельди — то есть к королям относящиеся, в торговле, когда речь идет об отличных продуктах, товарах.
 - 14 Пирогов Николай Иванович (1801–1881) — выдающийся русский анатом, хирург, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомэкспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской академии наук (1846). В 1854 г., с началом военных действий, уехал в Севастополь во главе отряда Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, где работал в течение 10 месяцев. Участник франко-русской (1870–1871) и русско-турецкой (1877–1878) войн. Впервые провел операцию под наркозом в 1846 на поле боя, ввел неподвижную гипсовую повязку, вел борьбу с сословными предрассудками в области образования, выступал за автономии университетов.
 - 15 Нахимов Павел Степанович (1802–1855) — русский флотоводец, адмирал (1855). Окончил Морской кадетский корпус (1818), служил на Балтийском флоте. Участвовал в Наваринском сражении 1827 г. на корабле «Азов». В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. участвовал в блокаде Дарданелл. Будучи в Кронштадте, командовал фрегатом «Паллада». Нахимов много сделал для повышения боеспособности флота. Корабли под его командованием отличались безупречной организацией службы и высокой боевой подготовкой экипажей. Флотоводческое искусство в полной мере раскрылось в Крымской войне. Эскадра под командованием Нахимова вышла из Севастополя для поиска турецкого флота, который и был уничтожен у Синопа. Официально занимая должность командующего эскадрой, а с февраля 1853 г. командира Севастопольского порта и военного губернатора, фактически с самого начала возглавил гарнизон Севастополя, проявив выдающиеся способности в организации его обороны. Нахимов осуществил важнейшие мероприятия по укреплению оборонительной линии, формированию морских батальонов, строительству батарей, созданию резервов и т. п., руководил боевыми действиями по отражению атак противника на главных направлениях. 28 июня во время объезда передовых укреплений был смертельно ранен на Малаховом кургане. Похоронен в Севастополе во Владимирском соборе.
 - 16 По указанию государыни цесаревны Марии Александровны была отправлена в Крым специальная комиссия из графов Виельгорского, Палена, Остен-Сакена, снабженная значительными средствами, которая должна была помогать раненым и армии.
 - 17 Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901) — русский генерал-фельдмаршал. Окончил Пажеский корпус (1846), служил в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, сразу проявил себя как выдающийся кавалерийский офицер. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. во главе передового отряда совершил поход в Забалканье, командовал отрядом под Плевной. С 70-тысячным отрядом совершил зимний переход через Балканы, занял Софию.
 - 18 Альма — река в Крыму, на которой 8(20) сент. 1854 г. произошло первое сражение между русскими войсками (33 т. ч. и 96 орудий) под командованием адмирала А. С. Меншикова и высадившимися 6(18) сент. в Евпатории соединенными силами Франции, Англии, Турции (55 т. ч. и 120 орудий) под начальством маршала Сент-Арно и лорда Раглана. Понесшие поражение русские войска в порядке отошли к Севастополю. Потери русских — 5700 чел., союзников — 4300 чел.
 - 19 Мак-Магон де, Мари-Эдм-Патрис-Морис (1808–1893) — граф, французский маршал и политический деятель. В 1855 г., командуя дивизией в Крыму, взял Малахов курган. За победу при Мадженте в австро-итало-французской войне 1859 г. получил титул герцога Мадженты и звание маршала. В 1864–1870 гг. генерал-губернатор Алжира. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. бездарно командовал одной из основных французских армий, 2 сентября 1870 г. позорно капитулировал со 100-тысячной армией при Седане. Командовал армией против Парижской коммуны 1871 г. С мая 1873 по январь 1879 г. — президент Французской Республики. Вышел в отставку после провала готовившегося при его участии монархического переворота.
 - 20 Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Начал военную службу в 1841 г. на Кавказе, принимал участие в боях против чеченцев и дагестанцев. В годы Крымской войны в качестве адъютанта главнокомандующего отдельным кавказским корпусом участвовал в сражении при Кюрюк-Дара, затем командовал Черниговским полком в сражении на Черной реке в Крыму, где был тяжело ранен.

«Назначение рекрутов из евреев во флот воспретить»

Одно из старейших архивных учреждений страны — Российский государственный архив Военно-Морского флота — хранит довольно большой комплекс документов о службе евреев. Это, например, статистические сведения о количестве нижних чинов из евреев, проходящих службу в командах морского ведомства, и о переводе в сухопутное ведомство всех евреев, проходивших службу во флоте; отчеты о проведении Высочайших смотров рекрутов из евреев; организация службы для них, в т. ч. о порядке производства нижних чинов

в унтер-офицеры; об организации богослужения — открытии и закрытии синагог, назначении раввинов и их вознаграждении. Особой группой представлены материалы об оформлении браков и разводов нижних чинов из евреев, состоящих на службе во флоте.

Вниманию читателей предлагается **справка по истории службы евреев во флоте**, подготовленная Морским министерством в марте 1856 г. В публикации сохранены особенности орфографии и синтаксиса документа.

В морское ведомство рекруты из евреев начали поступать с 1827 года, на основании Высочайшего Манифеста того года, коим установлен набор рекрутов из евреев*.

До 1835 г. поступало их в морское ведомство от 600 до 2500 чел. в год, и в Черноморское ведомство давалось их несколько более против Балтийского.

С 1835 по 1844 г., в продолжении 9 лет, рекрут евреев вовсе не было назначаемо в морское ведомство.

С 1844 по 1853 г. евреи были вновь назначаемы (хотя и не ежегодно) от 100 до 400 чел. в год, и в Балтийское ведомство давалось несколько более против Черноморского.

В 1853 г., при отделении особых губерний для комплектования обоих флотов, последовало Высочайшее повеление о назначении в морское ведомство по прежнему рекрут из евреев с каждого набора 100 чел. и более, смотря по числу собираемых рекрут.

Во исполнение сего и было дано в оба флота: в 1853 г. — 100 чел.; в 1854 г. — 150 ч.; в 1855 г. — 200 ч., из них в оба флота поровну.

В настоящее время их в Балтийском ведомстве 1440 ч., в Черноморском 900 ч., всего 2340 человек.

На основании Высочайшего повеления изъясненного в циркуляре 16 июня 1845 г. № 703-й, рекруты из евреев распределяются:

В Рабочие и Ластовые экипажи.

В Военно-рабочие роты Морской Строительной части.

* На первом листе имеется запись: «Высочайше повелено не назначать более евреев в Морское ведомство и снести с Военным Министром о передаче в сухопутные войска всех имеющихся ныне во флоте евреев. 19 марта 1856. Константин¹».

В число мастеровых при Флотских Экипажах.

В Арсенальные роты Морской Артиллерии.

В Морскую типографию, и

Из числа кантонистов ведомства Департамента Военных Поселений имеющие не свыше 18-ти летнего возраста, поступают в Учебные Морские Экипажи, откуда, по достижении 18 лет, распределяются тоже в помянутые выше команды.

Евреи, по малосильности и не привычке к грубым мастерствам, не могут быть назначаемы в портовые и другие тяжелые работы, и потому те из них, которые не знают никакого мастерства, решительно бесполезны для адмиралтейских занятий и увеличивают собою только число мастеровых, те же которые знают какое-либо мастерство, редко употребляют знание свое с добросовестностью, но большая часть из них, по врожденной хитрости, разными манерами стараются уклониться от дела; весьма многие из рекрут евреев оказываются женатыми и семейными, при распределении на службу жены их, с детьми, идут вслед за партиями в коих следуют мужья, и прибывая на место распределения, где по общим законам проживать евреям воспрещается, затрудняют начальство в отводе для них помещения и без того недостаточного в морском ведомстве для нижних чинов, а находясь при мужьях, не занимаются обыкновенными работами как русские женщины, но ведут торговлю, сопряженную почти всегда с обманом; некоторые даже, под предлогом свидания с родными, переезжая из Кронштадта в Петербург и наоборот, занимаются контрабандою, чему видны примеры по делам восходившим до Инспекторского Департамента. В военное же время и особенно в приморских городах, еще более можно ожидать от них вреда, ибо не имея патриотических чувств, при стремлении нажить деньги легким способом, они легко делаются переметчиками чему, как видно из уведомления Командующего войсками в Финляндии, был пример на Аландских островах, где несколько евреев бежали к неприятелю и по свойственной им сметливости передали весьма важные сведения.

Приняв в уважение вышеизложенные обстоятельства, не будет ли повелено, применяясь к существовавшему до 1844 г. порядку, назначение впредь рекрутов из евреев во флот воспретить.

РГАВМФ. Ф.283. Оп. 5. Д. 63. Л. 1–3. Подлинник. Писарская рукопись.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Константин Николаевич — великий князь, род. 09.09.1827 г. 22.08.1831 г. назначен генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа. 30.08.1848 г. произведен в контр-адмиралы и назначен шефом Морского кадетского корпуса. 03.09.1850 г. назначен председателем Комитета для пересмотра и дополнения общего свода Морских Уставов. 25.06.1852 г. назначен товарищем начальника главного морского штаба. 19.04.1853 г. произведен в вице-адмиралы. С 23.02.1856 г. управляет флотом и Морским министерством. 09.09.1855 г. произведен в адмиралы. 27.01.1860 г. назначен председателем Адмиралтейств-Совета. В 1862 г. назначен наместником в Царстве Польском, уволен от должности наместника 19.10.1863 г. 01.01.1865 г. назначен председателем Государственного совета. 28.01.1877 г. назначен Почетным президентом Николаевской Морской академии. 13.07.1881 г. уволен от управления флотом и морским ведомством и от должности председателя Государственного совета с оставлением звания генерал-адмирала. Умер 13.01.1892 г.

К «ОНЕК- ГОРБУНОК» Евгения Соколова

Этот художник никогда не пользовался широкой популярностью, тем не менее на протяжении трех десятков лет был весьма знаменит. Звучит парадоксально, но и соответствует действительности. Дело в том, что в 1910–1940-х годах Евгений Соколов оформил около трехсот театральных постановок на прославленных московских сценах — от театра Корша до Большого. Публика его знала, профессионалы высоко ценили. Он этим довольствовался, прекрасно понимая, что любой спектакль не вечен, рано или поздно уходит в историю, то есть в небьгие, и уводит с собою работу театрального художника...

Евгений Соколов происходил из семьи владельцев Знаменской мануфактуры Поляковых, чье меценатство оставило яркий след в культурной жизни Москвы. Его дядя, Сергей Поляков, занимался переводами и критикой, дружил с Брюсовым, именно он давал деньги на издательство «Скорпион» и журнал «Весы». А Владимир Шмаровин, муж тетки художника, был организатором и душой знаменитых в начале века «Шмаровинских сред», где регулярно бывали Врубель и Левитан, Гиляровский и Балтрушайтис, Коровин и Петров-Водкин, Голуб-

кина, Бунин, Серов, Шехтель, Сологуб и многие другие. В ярком, почти карнавальном оформлении этих «сред» Соколов, можно сказать, получил «художественное крещение». Талант юноши был очевиден, а с семьей, как уже сказано, ему повезло: его отправили учиться в Мюнхен, в академию Франца Штукка, откуда вышло немало отличных художников. По возвращении в Россию Соколов сразу же начал работать в театре. Правда, отдал дань и журнально-книжной графике: сотрудничал в журналах, проиллюстрировал несколько книг, делал это в свободное от театра время, которого довольно скоро у него не осталось.

Оно вновь появилось лишь во время войны. В 1943 году шестидесятирехлетний художник выполнил около сорока графических листов к своей любимой русской сказке «Конек-Горбунок». Прочитал, перечитал, искусно перевел эту сказку на свой язык. Это, строго говоря, никакие не иллюстрации, но собственные впечатления, представления, от содержания стихов ни разу не отвлекающиеся и распределенные в пространстве текста неравномерно: ступени и пустоты, два-три эпизода подряд, потом длинный пробел, изобразительного импульса не давший, и снова... Работа про-

думанная, неторопливая, мастерская. Равно уверенная, если угодно, во всех регистрах — от иронически грубоватой «народности» до лирической плавности, от контрастно-резких жанровых сцен до романтически волшебных композиций. И все стилистически связно, без единого диссонанса, вдохновенно и ясно.

Он «разыгрывает» сказку, как и подобает истинному театральному художнику, пристально вглядываясь в текст, эффектной отсебятиной не соблазняясь. Переводит прочитанное в видимое — и делает это изобретательно, подчас остроумно, уверенно и твердо.

Соколов намеревался выпустить эту свою графическую сюиту отдельным изданием. Не успел. Он умер в сорок девятом. В том же году была арестована и сослана его дочь, Наталья Евгеньевна Семпер. К счастью, работы уцелели, «дождались» ее. У нее я и увидел эту графику сорок лет спустя, в восемьдесят девятом. И решил, что соколовский «Горбунок» непременно должен стать читательским достоянием. По свидетельству Семпер, это любимая работа художника. А любовь мастера стоит внимания, понимания, ответного чувства...

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Устаринушки три сына:
Старший умный был детина

Средний сын - и так и сяк
Младший - вовсе был дурак

Братья сели пшеницу,
Да возили в град-столицу

Знать, столица та была
Не дадут от себя.

Ночь проходил, день приходит
Б сеника дозорный ехидит;

И, боясь себя воядн,
Етад стучаться под избой.

И всю ночь ходил дозором
У есежки под забором.

Лутко было походу!

Он ни с места. Наконец,
Подхошег к нему отец,

Говорит ему: «Прехушай,
Ты поиди в дозор, Банинда!»

Будит о-поначу конь зареал...
Караушник наш ошестал,

Посмотрел под гужбенцу
И увидел кобылицу.

СНЕГЕХ КРУГИ НАД ПОУМИ,
СНЕЖЕТ ПАМЯТИ НАД СЕМИ.

ИЗ ЗА БРАТЬЕВ ВЫСТУПАЕТ
И, НАДУВШИЕСЬ, ОТВЕЧАЕТ:

ЭТА ПАРА, ЦАРЬ, МОЯ,
И ХОЗЯИН ТОЖЕ - Я».

„ЧТО ЗА ПЕСНЯ ТУТ ТАКА?..
СЛАВНИК ДУМАЕТ, СЗЫВАЛ:

„УЖ НЕ ХОДИТ ЛИ, ПЕСЕТОЙ,
К НАМ ПРОКАЗНИК-ДОМОВОЙ?

ВО ДВОРЦЕ ЖЕ ПИИ ГОРОЙ:
ВИНА ЛЬЮТСЯ ТАМ РЕКОЙ:

ЗАДУБОВЫМИ СТОЛАМИ
ПЬЮТ БОДРЕ СО КНЯЗЯМИ...

Закричал он: «По спотри!
Если ты в рассвет зари!

Не исподнишь повеленья,
А отдам тебя в пученья!

Стал четвертый день жариться,
Наш Иван уже в стоданце.

Царь с кобыла к нему бежит,
Что колыш мое? кричит.

И, схвативши свой мешок,
Хлещет сдохль и поперек.

Аскии пламенем сверкая,
Бстепенулася вся стая.

Пал Иван Копеву на шею,
Обнимал и целовал.

„Ох, беда, Копек!“, сказал:

„Царь-Девцу!„ все кричали:
„Царях уж мы съехали.“

Нам красоток-то скорей!
„Это слушать веселей!..“

Тут в шатер Иван бежит,
Косу длинную хватает....

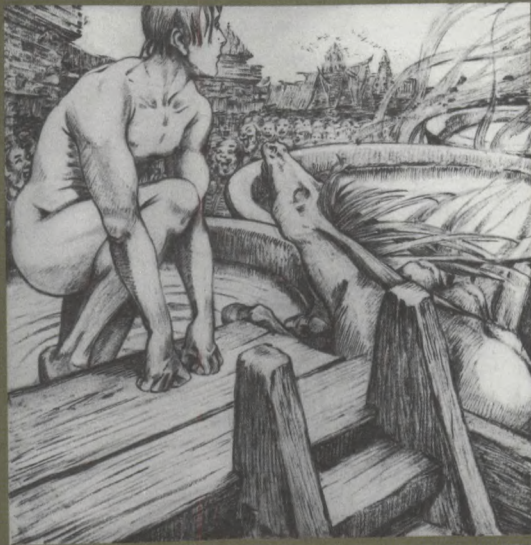
„Ой! беги, Конек, беги!
Косынок мой, помоги!“

Спортс-дэвка от напугу,
Нет ни выхода, ни входу:

Так кшра, вот, и кшрат,
И сментех и кршат

И в котех тогдах пьрнуа;
Тут в друтой, там в третей тоже

И закон он стаа перебрый —
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не описать!

«Проявите гуманность

и убейте сразу»

ПИСЬМО МАРИИ СПИРИДОНОВОЙ

Мария Александровна Спиридонова — женщина удивительной, трагической судьбы. Родилась она в 1884 г. в дворянской семье в Тамбовской губернии. Будучи гимназисткой, вступила в партию эсеров, активно участвовала в революции 1905 г. В 1906 г., выполняя решение тамбовской организации эсеров, смертельно ранила в городе Козлове черносотенца Г. Н. Луженовского, руководившего карательными экспедициями на ее родине в период первой русской революции. Военный суд приговорил девушку к смертной казни, замененной бессрочным заключением, которое она отбывала на Нерчинской каторге.

Февральская революция 1917 г. освободила Спиридонову от наказания, и она становится одним из организаторов левого крыла эсеров, а после образования партии левых эсеров в ноябре 1917 г. вошла в ЦК и стала ее фактическим лидером.

После октябрьского переворота Спиридонова член ВЦИК и делегат III–V Всероссийских съездов Советов. Резко выступала против Брестского мира. Критиковала большевиков за их карательную политику, за отход от идей социалистической революции, требовала, чтобы правящая партия изменила свою политику.

В июле 1918 г. левые эсеры с оружием в руках выступили против большевиков. Выступление их было подавлено. Спиридонова была арестована 6 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов, проходившего

в Большом театре. На допросе в Следственной комиссии при ВЦИК 10 июля 1918 г. она показала: «Я организовала дело убийства Мирбаха с начала до конца... Блюмкин действовал по моему поручению». 27 ноября 1918 г. Верховным ревтрибуналом при ВЦИК осуждена к тюремному заключению сроком на 1 год. Постановлением Президиума ВЦИК от 29 ноября 1918 года амнистирована и освобождена из-под стражи.

10 февраля 1919 г. Спиридонова была арестована органами ВЧК по обвинению в антисоветской деятельности и 24 февраля 1919 г. Московским ревтрибуналом «ввиду болезненно-истерического состояния» приговорена к «изоляции от политической и общественной жизни» на 1 год.

2 апреля 1919 г. Спиридоновой удалось совершить побег из Кремля, где она содержалась в изоляции, после чего скрывалась под фамилией Онуфриева в Москве. 20 октября 1920 г. была задержана органами ВЧК и помещена на излечение в лазарет ВЧК, а 5 июня 1921 г., согласно заключению врачей, переведена в Пречистенскую психиатрическую больницу.

После постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 13 сентября 1921 г. Спиридонова была освобождена из больницы под поручительство левых эсеров И. З. Штейнберга и И. Ю. Баккала.

В последующие годы Спиридонова арестовывалась органами ОГПУ—НКВД, отбывала

наказание в тюрьмах, лагерях и ссылках. 8 сентября 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР осуждена к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 11 сентября 1941 года в Орловской тюрьме НКВД СССР.

В феврале 1919 года, во время своего второго ареста, Спиридонова, находясь в заключении в Кремле, не раз пыталась связаться с «волей», с товарищами по партии. Она писала письма и через освобождаемых из-под ареста левых эсеров или своих, как ей казалось, распространяемых охранников направляла их по известным ей конспиративным адресам. Письма эти, как правило, попадали в ВЧК, где после тщательного анализа часть из них отправлялась по указанным Спиридоновой адресам, а другие использовались против нее при ведении следствия. В письмах этих, находящихся при следственных делах, излагаются ее взгляды на политику советской власти и партии большевиков, а также рассматриваются вопросы о положении рабочего класса, крестьянства, о нарушениях прав человека в Советской

России и другие текущие моменты того времени.

В ноябре 1937 г. Спиридонова, будучи арестованной НКВД Башкирской АССР, а затем переведенной в НКВД СССР, написала в 4-й отдел ГУТБ объемное письмо, в котором осветила многие вопросы из истории партии левых эсеров, дала в нем характеристики отдельным ее членам, рассказала о своем отношении к советской власти, Конституции 1936 г., к проблеме применения смертной казни, а также описала незаконные методы ведения следствия, применявшиеся к ней следователями НКВД. О наличии таких писем М. А. Спиридоновой сообщалось в отечественной и зарубежной историографии. В настоящее время документы Спиридоновой готовятся к изданию ассоциацией «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). Предлагаем вашему вниманию публикацию части письма М. А. Спиридоновой от 13 ноября 1937 года. Орфография и синтаксис сохранены. Исправлены лишь очевидные ошибки машинистки.

В 4-ый ОТДЕЛ ГУТБ НКВД СССР.

Если бы вопрос заключался в моей личной судьбе исключительно, то я бы и теперь, по истечении 9-ти месяцев подследственного заключения со всеми вытекающими из него последствиями, предпочла бы ничего не говорить и не писать, предоставив самотеку или своей на редкость несчастливой звезде окончательные ликвидационные выводы и концы.

Но, как мне сказал в Уфе нарком БАССР БАК¹, от моей позиции продолжали зависеть мои бывшие товарищи, и поэтому в Москве я чрезвычайно ждала возможности ускорить следствие и не по моей вине оно и в Москве затянулось еще на три месяца. В Уфе следствие сразу после ареста приняло такие формы, а позднее, в процессе неутомимого допрашивания, окрасилось таким колоритом, что для меня почти исключалась возможность какого-либо участия в этом следствии.

При первой же встрече с моим следователем зам.нач. (СО) МИХАЙЛОВЫМ² мне весьма недвусмысленно было предложено на выбор положить в обстановку моего подследственного заключения — «кнут или пряник», в зависимости от моего поведения на допросе. «Кнут» — отвечала я, оскорбленная до глубины души.

Все полгода уфимского следствия можно охарактеризовать, как печальную игру или фарс на тему «Укрощение строптивой». Когда удавалось узнать у меня какое-нибудь особо чувствительное или «нетерпеливое» место в психологии, на него нажимали втрое, вчетверо. Так, например, после некоторых трудных происшествий со мной в царском застенке в начале 1906 г. у меня остался пунктик непримиримого отношения к личному обыску. Надо отдать справедливость и тюремно-царскому режиму и советской тюрьме до этого своего ареста я после тех (1906 г.) событий все годы доголетних заключений была неприкосновенна и мое личное достоинство в особо больших точках не задевалось никогда. В царское время всегда я чувствовала над собой незримую и несказанную, но очень ощутимую защиту народа, в советское время верхушка власти, старые большевики, со включением ЛЕНИНА, щадили меня и, изолируя меня в процессе борьбы, всегда весьма крепко наряду с этим принимали меры, чтобы ни тени измывательства не было мне причинено. 1937 год принес именно в этом отношении полную перемену и поэтому бывали дни, когда меня обыскивали по 10 раз в один день. Обыскивали, когда я шла на opravку и с opravки, на прогулку и с прогулки, на допрос и с допроса. Ни разу ничего не находили на мне, да и не для этого обыскивали. Чтобы избавиться от щупанья, которое практиковалось одной надзирательницей и приводило меня в бешенство, я орала во все горло, вырывалась и сопротивлялась, а надзиратель зажимал мне потной рукой рот, другой рукой притискивал к надзирательнице, которая щупала меня и мои трусы; чтобы избавиться от этого безобразия и ряда других, мне пришлось голодать, так как иначе просто не

представлялось возможности какого-либо даже самого жалкого существования. От этой голодовки я чуть не умерла. Так как та надзирательница тупая и поэтому жесткая и к тому же соответственно почти ежедневно инструктируемая моим следователем была мне особо неприятна при встречах, ее специально приставили ко мне, и она добросовестно и безотдышно отравляла мне жизнь и день и ночь. Ночью иногда больше чем днем. Способы отравлять жизнь в условиях полной подчиненности заключенного его стражнику могут быть разнообразны и неисчислимы.

Когда от тяжелых условий у меня началась цинга и я, зная по опыту, что она у меня может быть катастрофической, а следствие было только в начале, предупредила МИХАЙЛОВА о ней, он мне сказал, что я «Камо», что я притворяюсь, и на мое яростное реагирование на это оскорбление был составлен протокол, как они вообще составлялись на каждую вспышку, которая в рабском состоянии являлась естественным рефлексом, а иначе как рабским своего положения в то время не сумею назвать. Через месяц развитие цинги стало столь ощутительно, что в соединении с ишиасом проводимые еженощно 6–8 часов в холодной сырой с асфальтовым полом следственной камере становились совсем мучительными и я теряла последние силы, несмотря на свое нечеловеческое терпение. Мои близкие знают, что оно обладает огромной, именно не человеческой звериной растяжимостью. Я еще раз попробовала сигнализировать своему следователю. Он ответил: «Дайте показания, я пришлю вам 10 специалистов». И мне пришлось замолчать опять на месяц. Эти долгие ночи, с чем их сравнить. Раздутые, нестерпимо нывшие бревнообразные ноги черно-лилового цвета

не умещались и в больших ботинках. Потихоньку я разувалась под столом и сидела или ходила в чулках. К утру они вовсе деревнели и я уходила в свою камеру походкой китаянки, как определил МИХАЙЛОВ. Один раз он смотрел, как я обувалась, и добрым, человеческим голосом, который бывал у него особенно хорош от контраста с обычным его злобным и раздраженным тоном, заметил: «Вы думаете, я не вижу, что они у вас распухли и не лезут

в обувь». Да, он видел, он знал, но надо было дать показания... без них следовательская мысль интенсивно работала только в смысле «усугубления» условий. Этот термин был обычным рефреном в наших ночных беседах. Одним из средств усугубления было помещение меня с двумя соглядатаями, заключенными в крошечную каморочку, где три койки умещались ценой захвата моей койки двумя соседними, для меня оставалось места ровно столько, сколько хватило бы с натяжкой ребенку до 1 года. Клопов с печки мы сметали рукой в миску с водой, они кишели. Пыль, грязь хлопьями и залежами, разрешения убрать и орудий уборки старший не дал. Не для того сажали.

Должна отметить совершенно иное отношение моих верхов. Когда только что приехавший в Уфу Нарком БАК услышал от меня случайно про мой вшивник и клоповник, он в тот же день через МИНЯЕВА³ (нач. СО) перебросил меня в хорошую камеру и велел ремонтировать весь этот маленький (специально усугубленный) корпус. Когда МИНЯЕВ или БАК слышали от меня что-либо из наших ночных эпоеп, корректив наступал немедленно. Так БАК запретил ставить меня на часы или заставлять держать меня за локти надзирателей, если я отвергивалась, чтобы не видеть изуродованного злобой лица своего следователя. МИНЯЕВ не раз осаживал МИХАЙЛОВА, вызывая крайнее его раздражение этим, но разве можно было регламентировать поведение следователя на каждую ночь, да и разве можно было мне превращать свои встречи с начальством в жалобы и в просьбы о пощаде. При встречах моих с начальством в присутствии МИХАЙЛОВА, он бывал безукоризненен, а я строптива, горда, молчалива или дерзка, помогая тем говорить обо мне все, что ему заблагорассудится.

Когда БАК и МИНЯЕВ узнали от доктора, а доктор от толковой надзирательницы, увидевшей меня в бане, что у меня цинга, МИНЯЕВ немедленно взялся за лечение и нашел способы победить

мою замкнутость. К концу июня через месяц лечения цинга была ликвидирована, но как же всяко попрекал меня МИХАЙЛОВ и за маринады и за жареное мясо и за селетки и за появление румянца на лице, весь месяц, редкий день он обходился без укоров, экий дурень...

К числу средств усугубления относится очень колоритная и сочная ругань, но в ночь под первое августа, когда, повидимому, было уже известно, что меня вызвали в Москву, МИХАЙЛОВ был полон ярости, начал разнообразить ругань уже жестами, близкими к заушению. Прекрасная обстановка, в помещении НКВД, только что услышанные мной мягкий голос и вежливые увещания МИХАЙЛОВА в комнате Наркома при БАКЕ и через 5 минут, как только мы очутились вдвоем в комнате МИХАЙЛОВА, сразу из Христосика метаморфоза, граничащая с кошмаром: искаженное лицо, грубый голос, стук кулаком по столу — «гадина, говнюха, мерзавка, сволочь, ну у меня смотри», руки судорожно быстро машут совсем рядом с лицом, сейчас заденет за пенснэ и лицо. «Ты у меня вылижешь..... вылижешь, будьте ласковы, и не один раз вылижешь, дрянь паршивая».

В ночь под 3 и 4-е августа, в эти дни у меня были сплошные допросы четырьмя следователями, в течение 4-х суток слишком (первые сплошные были в конце июня под июль), в эту ночь рука (на этот раз я с силой оттолкнула ее от своего лица) махала в присутствии двух других следователей, которые, услышав дрянь паршивую, смущенно замолчали и один сразу же ушел. А другой (ХАХАЕВ⁴) дежуривший со мной ночь, вдохновившись примером, всю ночь орал на меня и ужасно стучал кулаком по столу, стол трещал, чернильница плескалась, крики, «великомученица, монашка, богородица, памятник себе зарабатываете», перемежались с хохотом и стуком. Вообще же, как правило, другие следователи держались хорошо и ровно, я встретила среди них много очень симпатичных и хороших людей.

Моим средством самозащиты, самым действительным, было полное, абсолютное молчание. Когда я называла МИХАЙЛОВА фашистом, белогвардейцем, контр-разведчиком, когда доказывала ему, что он сорвал следствие, и держалась строптиво, он писал на меня протоколы и рекламировал меня перед всей своей аудиторией. Последние месяцы я стала часами молчать во всю ночь и это освобождало последний час между 5 и 6-ю утра для нормальной беседы. Родимчик кончался утомлением, голос становился мягким, взгляд человеческим.

Зам.наркома КАРПОВИЧ⁵ усвоил ту же неверную тактику, что и МИХАЙЛОВ. МИХАЙЛОВ маленький человек. Это хорек. Смесь унтера Пришибеева с Хлестаковым. Большой очень трус, что я проверила не раз. Очень не развит, поражающе неначитан, сужен и сведен своим пятнадцатилетним профессионализмом (ему кажется только 33 года) к чрезвычайному примитивизму в оценке людей и подходе к ним. Весьма исполнительен, не пьет, не курит, изумительно работоспособен, энергичен, перед начальством почтителен и «на вытяжку», одним словом «усердие все превозмогает», но со мной у него вышло определенно глупо и неудачно.

КАРПОВИЧ крупнее и умнее его гораздо и все же не удержался от шаблона. «Бандитка, бандитка, городица, великомученица». (Очень их обоих беспокоило мое прошлое до 17-го года.)

И именно КАРПОВИЧ поддерживал МИХАЙЛОВА в оранжировке сплошных допросов, полагая сломить кажущееся им упорством мое молчание.

Если бы только они оба так мерзко не ругались, мне это сплошное бдение только бы нравилось, как испытание моих душевных сил, в 52 года, выдерживаемое без запинки в мыслях и поступках, что хоть немного утешало меня в моих горестях, а самый процесс бдения будил во мне оба раза азарт и озорство.

Непонятным мне является, как не стало ясным

С. С. С. Р

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление НКВД по Башкирской АССР

ОРДЕР №1317

Выдан 8 Января 1942

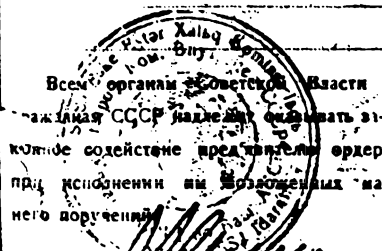
Действителен Авг суток

Сотруднику Умисов

Тов. Минихеву и Михайлову
Вам поручается произвести обыск в

д. ст гр Спирidonовой
Марии
Александровны

проживающ. гор Ура
ул. Земцова д. №48
кв. 4.

Всем органам Советской Власти и
жителям СССР надлежит оказывать
полное содействие в исполнении ордера,
при исполнении им возложенных на
него поручений.

Начальник Управления НКВД
по Башкирской АССР

Секретарь

следствию сразу, что со мной вся эта грубо механическая система (угрозы расстрелом были перманентно, что тоже только утешало) ни к чему и только воскрешает и крепит старую психологию. Сознаюсь, она воскресла в такой силе и жизненности, будто не было 31 года разрыва во времени. Меня стало кошмарить по ночам, как кошмарило первый десяток лет после 1906 года, и я иногда в следственной камере, уставая от вечного бессония (днем мой специальный постовой никогда не давал мне не только заснуть, но даже на минутку лечь и вытянуться), задремывая и очнувшись пугала, что передо мной АВРААМОВ или МИХАЙЛОВ, казачий или офицер или теперешний следователь, и горечь от одной возможности такой ошибки была для меня куда больнее ожога нагайкой.

Дополнением к этой грубой механике являлось мое принудительное соседство с одной, потом двумя специально съинструментированными заключенными, обязанными докладывать о малейшем моем слове и жесте, причем они не скрывали от меня, что им вменена такая обязанность. И, начиная с евангелической монахини, кончая спекулянтками и абортмакершами целая вереница, все до одной, по словам МИХАЙЛОВА, показали, что я их в камере агитировала в необходимости центрального террора.

Не имея ничего реального в руках, эти, с одной стороны запуганные, с другой — обещанные и обнадеженные арестанточки, каждая на свой лад, но в полном согласии и созвучии с МИХАЙЛОВЫМ камертоном творили легенду. Попутно они оказывали услуги тюремной администрации,

бегая доносить надзирательницам об имеющейся у меня английской булавке или самодельном шнурочке. Они рассказывали мне же о своем разговоре с МИХАЙЛОВЫМ обо мне оказывается все же и я, старый подпольщик, конспиратор и террорист, после этого им «обоснованно и детально сообщали о принципах и практике центр. террора». И, сообщая мне о том, что одних этих показаний совершенно достаточно, чтобы меня угробить, МИХАЙЛОВ кричал густо и долго —

«убийца, убийца, убийца». На этих соседках я видела, какой вред и разложение приносят не только данному субъекту, но и делу следствия слишком щедрое усугубление условий подследственного заключения. Сама тоска и неуверенность положения, а если есть еще страх, как было у террористки ЛЕВЧЕНКО⁶ (троцкистка), вместе с лишением свободы являются могущественным фактором усугубления, пленения души следователем и развития склонности к разоружению. Переизбыток тягости разлагал и обезличивал их на моих глазах. Отсутствие какого-либо занятия, крайне редкие допросы, невозможность днем полежать, или соснуть, полное лишение печатного слова, отсутствие выписки, голод придавливал как могильной плитой и человек превращался в труп, в «бобок» Достоевского. За свои разъезды по московским тюрьмам (в течение трех месяцев я переменяла место жительства уже 7-й раз), я приятно удивлялась, как хорошо кормят и в Лефортове и в Бутырке и во Внутренней, как чисто, из хорошего материала и поварски тщательно приготовлена пища. В Уфе суп, а только он и дается и днем и вечером, почти несъедобен, горох можно из ложки высыпать на стол и он стучит горстью, много воды и мало навару, грязно и часто чем-то неприятно пахнет. Готовят нацмены, неумелые повары.

Когда меня перевели на улучшенное питание из-за цинги, соседки мои кидались из-за голода на меня с кулаками. Я, конечно же, сразу предложила им дележ, но администрация запретила мне, зная, что я не послушаюсь, а им что-либо брать из лечебного питания; и они, отказываясь есть, буквально кидались на меня с кулаками, рыдали в голос, ужасно ругались, ложились навзничь, звали доктора и отыскивали у себя синяки, не начнется ли у них цинги. Конечно, я не прикоснулась к лечению, пока начальник тюрьмы (хороший мужик) не разрешил мне — «угощать»

соседок. Наевшись они опять принимались площадно ругать меня и за то, что я «вождь», что у меня отдельный постовой, что ко мне ездят доктора и пр.пр. Как не безобразят в своей ругани и как не грязны они были в своих сплетнях и очевидной и ухослышной лжи на меня, которая ежедневно терзала меня, всегда удерживала каторжная блатная привычка покрывать арестанток перед тем, кто его держит под замком*. Поэтому я помогала им, становясь для них книгой, а когда я замолкала по своим причинам, плохо мне от них плохо, и все же я не решилась требовать замены соседей, тем более что и другие запели бы под тот же камертон. Выездом и избавлением от соседей я придумала попасть на непрерывное сидение в карцер и совсем уже приготовилась и выработала план, как его обеспечить (облягать всячески МИХАЙЛОВА и др., а если догадался бы, то накинуться с таким же лаем на БАКА), но помогли осерьезнение цинги и перевод в больницу.

Большой ошибкой следственных органов является мнение, будто арестант все время думает о своем деле и своих показаниях. Это не так и не может быть так, если он не сумасшедший и мономан. Излишек усугубления кроме бытового разложения очень способствует двурушничеству и потрасающему лицемерию. И ЛЕВЧЕНКО и абортмахерша ДЕРИНА* толковали о своем — «разоружении циничных выражениях и с такими поистине дьявольскими усмешками, что мне, опытному человеку, выдавшему виды и преступников и каторжников, и фартовых и убийц, делалось жутко и холодно. ЛЕВЧЕНКО (я не боюсь о ней говорить, она уже осуждена и в концлагере) говорят — «десять лет просижу, отличником буду, стахановкой буду, отсижу, получу волю и уж я тогда покажу, я покажу себя, я другой раз не попадусь». Это, конечно, похвальба, т.к. лагерь преобразует психику безусловно в корне, путем создания новых душевных привычек, новых крепких жизненных рефлексов, но характерно, что эти кающиеся магдалины у следователей, в этот же день показывают себя мессалинами в камере. А ДЕРИНА в ответ (она растрачена еще) — «два раза я их (надо слышать это «их») обернула вокруг пальца и третий раз оберну». И тут же стоваривается, куда она пойдет, по поручению ЛЕВЧЕНКО, если выйдет на волю, которую ожидала, препятать, или уничтожить оружие. Такое двурушничество безусловно прямая результат излишка усугубления и плоды в виде мороченья своей головы следствия висе пожинает по заслугам.

* Так в тексте.

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БАССР
МАЙОРУ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ — тов. БАКА.

Р А П О Р Т

Допону, что во время допроса обвиняемой СПИРИДОНОВОЙ М.А. 2/У-с/г: последняя отказавшись отвечать на прямые вопросы по существу ее дела наносила оскорбления по адресу следствия называя меня балаганщиком и палачем. На категорическое мое предложение СПИРИДОНОВОЙ, прекратить безобразия и отвечать на вопросы следствия, — она встала со стула и демонстративно вышла из кабинета, будучи возвращена в кабинет СПИРИДОНОВА бросила в меня прессом и повернувшись ко мне задом прекратила отвечать на вопросы.

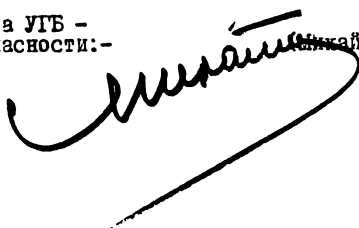
На неоднократные предложения СПИРИДОНОВОЙ повернуться ко мне лицом и сесть для продолжения допроса она стала кричать: «сажайте сами» с явной тенденцией к провокации следствия.

Учитывая упорство СПИРИДОНОВОЙ и ее не желание подчиниться следствию, мною был вызван дежурный надзиратель т. Гутовский к которому я предложил посадить СПИРИДОНОВУ на стул, при чем эта как исключительная мера была проделана совершенно корректно.

При нажиме на СПИРИДОНОВУ, она почти каждый раз бросает по моему адресу следующие эпитеты: Хорек, фашист, контр-разведчик, сволочь — о чем и ставлю Вас в известность.

Нач. 4 отд-я 4 Отдела УГБ —
Лейтенант Гос. Безопасности: —
(Михайлов).

2/У-342.

получу волю и уж я тогда покажу, я покажу себя, я другой раз не попадусь». Это, конечно, похвальба, т.к. лагерь преобразует психику безусловно в корне, путем создания новых душевных привычек, новых крепких жизненных рефлексов, но характерно, что эти кающиеся магдалины у следователей, в этот же день показывают себя мессалинами в камере. А ДЕРИНА в ответ (она растрачена еще) — «два раза я их (надо слышать это «их») обернула вокруг пальца и третий раз оберну». И тут же стоваривается, куда она пойдет, по поручению ЛЕВЧЕНКО, если выйдет на волю, которую ожидала, препятать, или уничтожить оружие. Такое двурушничество безусловно прямая результат излишка усугубления и плоды в виде мороченья своей головы следствия висе пожинает по заслугам.

Добавляю, что в целях попытки оздо-

ровить внешнюю обстановку следствия, я писала прокурору, прося его хотя бы один раз присутствовать на допросе и очной ставке. МИХАЙЛОВ злорадно издевался надо мною: «бумага ваша у меня и я сделал соответствующее разъяснение прокурору, ведь он же наш». Конечно, наш, подумала я, а не фашистов, поэтому-то за целые полгода хоть один раз мог бы притти в тюрьму и поинтересоваться существом заявления.

Переходя от эпоса, от формальной стороны следствия к внутренней, оговариваюсь. Я не настолько наивна, чтобы не понимать как стоит дело. Целью всякого судопроизводства, всякого политического процесса во все времена реакции и революции является не выяснение истины (причем тут истина) торжество принципа революции и реакции и к этому основному постулату повелительно подгоняется слово и дело.

Мне с большой простотой это именно было сказано на второй же день ареста бывшим тогда П. П. Башкирии ЛУПЕКИНЫМ⁸: «Нам нужно морально раздавить СПИРИДОНОВУ, поставить ее на колени, заставить ее просить у нас, молить у нас прощения, ползать, да ползать в ногах и покончить с ней раз навсегда». И я отвечаю — вы можете меня убить, у вас для этого вся сила и все права, но умру я стоя. То же самое и еще определеннее говорил позднее ЗНК — КАРПОВИЧ и всегда МИХАЙЛОВ. «Вам надо снять с себя штаны и выпороть себя, а в энциклопедиях, в справочниках, в историч. книгах мы вычеркнем вашу фамилию или добавим: «растреляна за контрреволюцию». А МИХАЙЛОВ забрал у меня при обыске на квартире все бывшее, каторгу, ссылку, все издания Политкаторжанского общества, как контрреволюционную литературу, заметив как-то про стариков-шлиссельбуржцев — «они все еще не подошли, все живут». И с первых же допросов мне стало ясно, чего от меня надо. «Советская власть выжмет от вас показания, выдавит их из вас, вытрясет их из вас». Как больно слушать это было от имени Советской власти.

С точки зрения основной посылки виновности, — вся фактическая сторона нашей действительности явилась канвой, на которой уверенной рукой следователь вышивал свою картину, свои произвольные узоры. Присмотревшись я заявила, что в такой позорной комедии я не участник и в таком балагане не лицедей. Так думаю я и до сих пор. Какой смысл доказывать обратное, защищаться, подвергать критической оценке предъявленный материал, вообще участвовать там, где все заранее предрешено и двух мнений дать не может, когда он, как бык, уже подведен к обуху, значит должен только ждать последнего удара, но лучше ждать с достоинством, без суеты и лишних слов, они бесполезны, наоборот, каждое лишнее слово, каждая попытка пролить свет, выяснить самое невинное обстоятельство вели к запутыванию лишних совершенно невинных людей, к созданию новых совершенно гротескных обвинений, от того не менее серьезных.

И сейчас, взявшись за перо, хотела бы я, чтобы не увидели в этой непоследовательности желания самозащиты и попытки увернуться от обуха. Надо поверить, что я слишком понимаю всю степень мощности и непредопределенности этого обуха, чтобы унижать себя какими-либо попытками самозащиты. Нет. Неистребимый романтизм отношения к Советской власти, к идее ее к тому, что должно быть, доверие к старым кадрам большевизма, которые знают то же, что и я и чего не знают уже или еще новые кадры, это заставляет меня делать последнюю попытку.

Самостоятельного от постулата освещения о материале обвинения, известного мне в небольших отрывках правда, но достаточного для характеристики текущего вопроса*. Ведь под действием этого постулата находится огромное количество людей и творится недоброе для социализма, несправедливое дело.

Что было в действительности?

1. Была ссылка значительного для Уфы количества людей, членов разгромленных в чистую прежних крупных и малых социалистических партий. Ссылка имеет традиции свыше ста лет существования в городах. Начиная с Союза декабристов, ссылки ходят друг к другу в гости, делаются мыслимы и досугом, помогают друг другу советом, деньгами и всякими другим добром и взаимопомощью, много занимаются и читают, немного сплетничают, немного выпивают, много работают для заработка, женятся, рожают, воспитывают детенышей. Это в период разгрома партий и не работы партийной. В период работы ссылки уходит в бега в подполье, основным своим костяком, оставшаяся живет по-прежнему обывательски. Уфимская ссылка жила сугубо обывательской жизнью, встречаясь и дружа, большей частью фракционно, не амальганируясь.

Как правило, ко мне не ходили ни правые эсеры, ни меньшевики. Их посещения являлись визитами при отъезде, или отъезде, или по причине какой-нибудь крайней необходимости и текущей потребности. Но при нужде услуги (указание места службы, протекция, обмен книгой или справкой) оказывались без различия фракций...⁹

Я была арестовываемой Соввластью 5 раз. В 1918 г. 8/VII, в феврале 1919 года, в сентябре

* Так в тексте.

1920 года, в сентябре 1930 года и в феврале (8/II) 1932 г. В заключении у Соввласти я в общем итоге находилась 6 лет, в ссылке около 12 лет. С 1920 г. меня уже ГПУ не выпускало из своих рук никогда.

При каждом аресте я отвечала на допросах, на все вопросы с полной откровенностью.

Я даже не понимала и не понимаю до сих пор, зачем нужно от чего-либо отпираться.

Ведь, если я что делала, то делала я это по своему убеждению, дорогому мне убеждению, как же под страхом репрессии от него отрекусь. Позор какой? По мирбаховскому делу мной были даны исчерпывающие показания.

Таюже поступала я и дальше. В 1930 году мы 4 месяца просидели со следователем. Я не солгала ни в одном пункте и не отреклась ни от чего.

На суде в 1919 году и в 1918 году я держалась столь дерзко и вызывающе, что зал (коммунисты) гудел от негодования, аж разорвал бы. Но я как думала, так и говорила. А тогда я была злая. Так же было и на царском суде, приговорившем меня к повешению, когда председатель суда, старый генерал, заткнул уши и замотал головой, не в силах был слушать слишком дерзкие речи.

Но вся я такая и в жизни и в политике, такой была и такой ухожу сейчас в могилу.

Никогда не имела привычки прятаться в кусты и уклоняться от ответа. Ведь именно меня, когда пушки палили из Кремля в трехсвятительский и обратно, послали в июле 1918 года мои товарищи-цекисты с ответом на V-й Съезд. Ведь разве под горячую руку я не могла ответить головой? Ведь 9–10 июля было расстреляно во главе с АЛЕКСАНДРОВИЧ¹⁰ свыше 200 человек лев. ср.р. и именно с нас, л.с.р., началось применение смертной казни.

И, если бы сейчас я за собой знала подпольную борьбу против Соввласти, я бы говорила о ней с былой дерзостью. Ведь я вела бы ее в согласии со своими взглядами, со своими убеждениями и верой, так почему мне отпираться было бы от этой борьбы? Раз я ее вела, я не считала ее позорным и грязным делом, я бы не встретила бы последнюю расплату за нее, не каясь и не ползая. Зачем? Сделанное мною оплачиваю твердо. Поэтому сейчас-то я так унижена и смертельно оскорблена предъявляемыми обвинениями, что я давно разоружилась и борьбы не вела. Причины к этому были внутренние и внешние. Внешние причины вы знаете сами.

Все годы моей ссылки надзор за мной, а значит и за МАЙОРОВЫМ¹¹, ИЗМАЙЛОВИЧ и КАХОВСКОЙ¹², т.к. мы жили все 12 лет ссылки вместе, иногда только делясь на разные квартиры, был весьма тщательный. Похожий на него был еще только за ГОЦЕМ¹³, как мы слышали. В Самарканде и Ташкенте, особенно в Самарканде, он велся на улице настолько демонстративно, что я стала в городе популярным человеком.

За мной ходило четверо молодцов в галифе, сидели на пороге банка и окружали дом чуть не ползводом. В доме был специальный надзор, на службе тоже.

В ссылке у нас было 2 осведомителя (при в. ср.), как мы разгадали позднее. Они ко мне ходили и знали про нас все. У меня была еще специальная осведомительница, которая мне позднее с воплями и рыданиями покаялась в этом, но я знала, кто она, гораздо раньше ее покаяния и сознательно не изгоняла ее.

В Уфе надзор был поставлен тоньше и деликатнее после моих lamentаций в Москве в 1930 году, когда нас фильтровали здесь 4 месяца, но все равно и в Уфе надзор был неусыплен, письма перлюстрировались, посетители фиксировались — на службе надзор был строгий даже до удивления.

Однажды мне попала бумажка на столе у машинистки, озаглавленная: «список консультантов в комнате, где находится М.А.С.». А в комнате нас, консультантов, теперь мы зовемся инспекторами, сидело человек 15.

Порядочное число из них таскали в ГПУ для разговоров, и я всегда безошибочно угадывала по совершенно для постороннего глаза невидным признакам, кого именно вызывали для распросов обо мне.

Коммунисты докладывали о моих разговорах с ними в порядке партийной дисциплины, и МИХАЙЛОВ рядом вопросов ко мне теперь подтвердил это мое интуитивное знание о каждом коммунисте докладчике — с каким я говорила. Я отметила это МИХАЙЛОВУ. Он не скрыл, что так именно и было: «о том, что вы сказали о РАДЕКЕ, я знал в этот же день».

А я больше всего любила говорить с коммунистами. Уфа — город обывателей, старорежимный и белый. Он, конечно, замаскировался и притулился, но велика еще до сих пор его безкультурность и одичалость.

С обывателями говорить не любила и боялась их компрометировать. Коммунистов скомпрометировать не боялась, и они были гораздо живее и интереснее. На своих соседей сотрудников по Отделу, где сидели уже в небольшой компании последние три года, я смотрела, как на вольных и невольных согладатаев. Где, как проводить большую подпольную работу? Жизнь под вечным стеклянным колпаком.

Итак, мы не можем не отметить, что в настоящее время
в нашей стране наблюдается процесс, который можно назвать
процессом демократизации, процессом, который ведет к
укреплению демократических начал в нашей стране.

В настоящее время мы наблюдаем процесс, который можно назвать
процессом демократизации, процессом, который ведет к
укреплению демократических начал в нашей стране.

Процесс демократизации в нашей стране имеет свои особенности.
Он связан с развитием демократических начал в нашей стране.
Он связан с развитием демократических начал в нашей стране.

У нас в стране демократизация имеет свои особенности.
Она связана с развитием демократических начал в нашей стране.
Она связана с развитием демократических начал в нашей стране.

М. С. Горький 1937. 13/11

Внутренние причины:

1. Огромная пространственная разобщенность с основным идейным костяком — КАМКОВЫМ¹⁴, САМОХВАЛОВЫМ¹⁵ и др., разрыв во времени личного общения в 16–17 лет и отсутствие нелегальной переписки создавали полную неуверенность в настроениях и мыслях друзей.

Мне сейчас неясна политическая физиономия ряда самых близких моих товарищей: КАМКОВА, САМОХВАЛОВА, ТРУТОВСКОГО¹⁶. Оторванность от жизни благодаря улиточному прикреплению к одному городу и поднадзорному положению совершенно исключительная.

Деревню мы не знаем вовсе. А ведь у нас упор был на деревню и вся наша борьба с коммунистами была из-за деревни и отражали ошибки и провалы настроений деревни.

Когда партия была разгромлена и снята со счетов страны физически полностью (все сидели в тюрьмах) и мы перестали быть конденсаторами деревенских настроений, прекратился наш вождизм и наша работа.

Вне работы с массами и для них, вне связи с массами наше существование оказалось невыносимо, и мы растаяли. На партсъезде в апреле 1918 года у нас было зафиксировано при поверж[но]стном подсчете 73 тыс. членов, было на самом деле больше, а теперь м.б. насчитается 50 человек.

Огромная часть (крестьяне, рабочие и солдаты) ушли к большевикам сразу же после нашего разрыва с большевиками, некоторая часть, оторвавшись от нас, затаилась (вот еще почему я так не хочу, чтобы вы распубликовывали меня, как центр. террористку), никуда не пойдя, а маленькие осколки постепенно из тюрем и ссылок рассосались в советском гражданстве, сохранившись к 1932 году в качестве музейных редкостей всего в числе нескольких десятков человек, из которых часть уже новички в лице студенчества 1924 года.

3. Отсутствие какой-либо сговоренности друг с другом по вопросам программ и тактики. За это время исторические условия настолько изменились, что переоценка ценностей императивно нужна. Ничего этого не делалось, а без этого не могло и не может быть [речи] о каком-либо восстановлении партии и организационной работы.

Мне думается у нас каждый лев.с.р. имеет свой самостоятельный взгляд в большом разное со взглядом своего соседа, тоже лев. с.р. У меня с МАЙОРОВЫМ стало много по-разному, но обоим была лень и неохота хоть когда об этом договориться, т.к. вся эта область умственной жизни перестала быть актуальной.

Мы жили всегда будто в общей камере и никогда не имели возможности отдельных личных бесед, и он как-то черкнул мне записку, что у нас намечается как будто бы крупное политическое разложение. Надо было поговорить и объясниться. Так и не собрались до ареста. В Уфе я не помню ни с одним леваком ни одного программно-тактического разговора. А кажется следовало бы. Руководителю-то, центру притяжения, «вождю» и вот, такой срам и стыд, разговоров таких не было. И это при наличии того, что со всеми уфимскими лев. с.р., кроме нашей четверки, я познакомилась в Уфе впервые.

Я мало знакома лично с партактивом, т.к. в период открытого существования партии я целиком была поглощена советско-революционной работой, на которую уходили дни и ночи, и партпредставительством у верхушки ВКП(б) (ежедневные встречи с СВЕРДЛОВЫМ в Малом президиуме ВЦИКа в лице трех — меня, СВЕРДЛОВА и АВАНЕСОВА¹⁷ и с ЛЕНИНЫМ, иногда и с другими цекистами), партийной работы я не вела абсолютно. В подполье естественно руководитель сугубо законспирирован. В тюрьмах я всегда сидела изолировано от товарищей, два раза в Кремле и в других местах только с ИЗМАЙЛОВИЧ, позднее с МАЙОРОВЫМ и ИЗМАЙЛОВИЧ. Тем более значит следовало бы мне с новознакомцами поговорить, прощупать, что они знают и как думают. И вот так этого мне и не понадобилось.

От того, что мы не работали в партийном смысле, разговоры, просто разговоры, чем всегда увлекались пр. с. р. без продвижения в жизнь, что было заведомо известно, казались мне развратным занятием, мучительно меня раздражали, и я подчас груба и невежлива, если кто приставал ко мне. Я называла это онанизмом. И так вслух один раз, как-то отрезала меньшевику в Уфе АШИПЦУ¹⁸, кот. сейчас сидит в Уфе в тюрьме.

И если действительно была правдой организация Уф. обкома, то ведь неперменное категорически императивной предпосылкой этого были бы предварительные обсуждения текущего момента в разрезе противопоставления ему своей программы и тактики. Как же иначе могло быть? Для чего городить обком и борьбу, во имя чего и для кого?

В отношении прочих товарищей, рассыпанных по Союзу должны были быть сделаны те же попытки к сговоренности по обще-программным политическим вопросам. Такого огрубления, такого примитивизма, как только лозунг «вали большевиков, становись на их место» — не могло быть и не бывает ни у какой самой оголтелой группировки, или партии.

Для этого должна была быть если не конференция, то хотя бы деятельная живая переписка. Этого ведь не было. Должен был быть обмен нелегальными письмами. Этого тоже не было.

ВИТАЛИН¹⁹ лжет, показывая, что привез мне письмо. Я от КАМКОВА не имела ни одного нелегального письма и к нему ни разу не имела возможности написать. Какие-то книги будто к нам ехали от него, как говорит следствие, они до нас не доезжали. Конечно, книга миф. Надо признать, что особенно и не искались эти возможности, т. к. актуального значения договоренности о переоценке ценностей не имела.

Поездок друг к другу не было.

Единственно ДРАВЕРТ²⁰ за лето 1936 г., катаясь на пароходе, встретился в Горьком с ГОЛЬБЕРГОМ²¹ и СЕЛИВАНОВОЙ, а в Куйбышеве с ПОДГОРСКИМ²². И не в целях организационных, а товарищески личных. Об организации он лжет.

Если этому следствие не верит ведь таких встреч раз два и обчелся, слишком мало для обмена и установки новой программы. Где пахнет какой-либо новой программой, в чьем показании?

Даже МАЙОРОВ, экий стыд, пишет о восстановлении капитализма, если только мне верно показал между закрытыми строчками МИХАЙЛОВ этот абзац. И я бы с ним жила бы в дружбе-любви до последнего дня, если бы он скатился к правым с.р. и я бы поддерживала ныне догматическое товарищество со всеми, не размотив его вдребезги!!

4. Опыт троцкистов, децистов, смирновцев и всех прочих, особенно троцкистов, в целях борьбы с Соввластью, должен был бы быть чрезвычайно убедительным, прямо определяющим отказ от таких попыток.

Троцкисты имели больше связи с рабочими массами, имеют даже до сих пор. В Уфе, например, арестованы работницы швейной фабрики — троцкистки, несколько десятков железнодорожников-троцкистов и т. д. Троцкисты были партийцами, пользовались всем аппаратом Соввласти, кабинетами, квартирами, автомобилями, самолетами, телефонами, бесчисленными командировками и деньгами, всем богатейшим, хорошо слаженным аппаратом государства.

И все же так позорно и жутко провалились и проваливаются. Они имели возможность говорить общую программу будущих и настоящих действий и распределить силы. У них были возможности свободного продвижения своей тактики в жизнь. И все же ничего не вышло.

Ничего этого не было и нет лев. с.р. и нужно было бы[ть] слишком большими идиотами, чтобы предпринимать в их целиком детерминированном положении какие-либо попытки к борьбе.

5. Основным условием существования какой-либо партии или группировки и ее работы является связь с массами.

Этой связи у осколков партии лев. с.р. не имеется с 1922 года. С 1922 года я считаю партию лев. с.р. умершей. В 1923–24 гг. это уже агония.

И без надежд на воскресенье, ибо рабочие и крестьянские массы сейчас ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся.

Если они пойдут сейчас воевать с империалистами, то это будет подчинением жесточайшей необходимости, актом самозащиты, вынужденным страшным великим врагом Союза и трудящихся. На инициативные добровольные боевые отступления, борьбу, восстания, наши трудящиеся массы сейчас абсолютно неспособны.

От такой борьбы они слишком устали и если бы даже им было очень плохо, все равно они на нее сейчас не двинулись бы.

Социологические законы, исторические примеры тому доказательства.

Надо залечить старые раны и синяки, восстановиться, нарожать детей, уравновесить жизнь годами, потрясенную будто землетрясением. Массы сейчас очень мудро этим и занимаются. Но имеется другое, гораздо более могущественное к тому основание, чем только что отмеченное, трудящимся Союза нет никакой нужды в агрессивных выступлениях и в борьбе с Соввластью. Они имеют богатые возможности устраивать свою жизнь и улучшить ее, не прибегая к агрессивной борьбе, особенно теперь, после удачно проведенной коллективизации и выхода в свет новой Конституции.

А в связи с определенно растущим из года в год экономическим благосостоянием, трудящимся и подавно не понадобится итти за какими-либо лозунгами какой-либо партии.

б. Допустим на минуту абстрактно, что лев.с.р., ограничившись лозунгом «вали большевиков, становись на их место», пошли бы на все средства борьбы с Соввластью в целях ее свержения. Они встретили бы в числе своих 40 человек членов против себя 20–30-миллионную армию. Я считаю партактив ВКП и комсомол, Кр. Армию и НКВД и активные слои рабочих и крестьян целиком и полностью вставших бы против них при поддержке большинства остальной массы Союза. Наша молодая государственность в настоящее время обладает такой мощью экономики и такой организованностью защитного аппарата, что попытка качнуть ее, не только свергнуть, а особенно те-

ми ничтожными силами, которыми обладают лев. с.р. и всех пр. социалистических партий, была бы только жалка и смешна.

И мне с этой точки зрения непонятна та агрессивность и горячность, с какой защитные органы взялись за ликвидацию остатков социал. партии. Будто слон гоняется за мухой, как комаром.

Мне думается лет через десять, когда забудется кировщина и уляжется вся мнительность и, главное, развернется в жизни Конституция, Вам придется, быть может, сказать себе: напрасно мы столько народа и такого народа уничтожили, могли бы пригодиться и тогда и теперь.

Я говорю уничтожили, т. к. применение 25 или 10 лет изоляции в моих глазах равноценно смертной казни, причем последнюю лично для себя я считаю более гуманной мерой.

Как после 17 лет заключения и 12-ти ссылки опять решетка, замок, оторванность от жизни, солнца, природы и людей, от горячей работы, вечный волчок, грубые и злые надзиратели, ковырянье в заднем проходе и влагалище (что делалось теперь со мной 2 раза в Бутырке), опять эти жуткие долгие бесцельные дни и годы и теперь вовсе без какого-либо оправдания этой муки какой-либо виной или идеей... Нет, проявите на этот раз гуманность и убейте сразу.

7. В данный исторический момент в случае наступления на Союз фашистских империалистов, лев. с.р. придерживаются исключительно оборонческой позиции.

На основе этой позиции всякой организационной борьбе против Соввласти места иметься не должно, почему ее и не было.

XIX. Внешние и внутренние причины, приведенные здесь, можно отнести к аргументации формального порядка.

Группировками партия складывает оружие, убедившись в полной безуспешности и несостоятельности своей борьбы.

Собственно, на основании только этих аргументаций группировка могла бы выступить с юридическим оформлением своего разоружения, которое фактически уже установилось с момента физической ликвидации партии, она эти годы засела в тюрьмах, а потом рассыпалась по ссылкам. У меня есть аргумент и по существу он нем, если смогу, скажу в конце.

XX. Мне думается, именно благодаря малочисленности лев. с.р. у следствия зародилось подозрение, что за своей малостью они возможно решили объединиться с пр. с.р. Опять приходится аргументировать только от психологии и логики. Я заявляю, что с прав. с.р. я не объединялась. Показания КОРОТНЕВА²³ ложны. Даже условно допустив, что они не ложны, его разговор со мной без всякого дальнейшего обмена мнений и мыслей — пустое дело. А ведь он больше ничего не придумал.

Откуда вылез центр. террор, местный, повстанчество и пр.пр.? Обо всей этой грозной и новой тактике надо было сговориться. А ни у меня, ни у ГАУП²⁴ не было ни одного такого письма, не говоря уже о каком-нибудь посланце. Где хоть какой-нибудь документ?

Не объединялась я с прав. с.р. не только потому, что они мне этого и не предлагали. В Ташкенте приставал ПЛЕХАНОВ²⁵, я его отшила, и это целиком подтвердилось следствием 1930 года, а потому, что я категорически их не приемлю.

Я ни за что бы не сменила большевиков на них, т. к. они сюртучники и фракчики, болтуны и трепачи языком, ухитрились из своих рук упустить страну и народ, когда он шел к ним с закрытыми глазами, с потрясающим доверием и с огромной зарядкой творческого энтузиазма.

Что они после того времени стали сильнее и умнее? Оснований предполагать это нет никаких.

Я не верю ни в их творческие силы, ни в их организационные способности. Даже допустив, что каким-нибудь чудом эти перманентные конспираторы и шептуны свалили бы теперешнюю власть, справиться с делом они бы не сумели, да вдобавок еще могли бы открыть дверь войне, стерегущей у Союза каждую щелочку.

Следствие (вся затея этого обвинения росла на моих глазах) утверждает, что в совхозе, куда привозили в 1924 году на 2 недели из Внутренней на отдых пр. с.р.-цекистов и где жили мы, у нас и было положено начало блокировскими*

Там у меня была, собственно, первая встреча с прав. с.р. До этого приехав из Читы, по выходе из каторги в 1917 году, я сразу стала раскалывать партию с.р., отношения сразу же стали резко враждебными и меня улюлюкали и тюкали здорово. И я их всех ненавидела и не только не разговаривала, но даже и не кланялась с ними, почему никого и не знала из них.

* Так в тексте.

Обмен мнениями у нас был на конференциях, где я и КАМКОВ в Ленинграде отбили у меня большую долю ленингр. пролетариата, даже позднее и в Москве. А в октябре мы стояли по разную сторону баррикад и между нами была уже пролита кровь.

В совхозе мы встретились уже на ином положении. Говорили и спорили много. Они изряд-

но злорадствовали над тем, что мы тоже в мешке. Ни на одном пункте, кроме критики коммунистов, сговориться мы не могли. Они попрежнему были союзнической ориентацией, попрежнему у них сжимало горло от волнения при слове Учредит. Собрание, тот же старый меньшевизм, который их погубил, в вопросе о социальн. реформах и т. д.

Так что скоро отстали от обмена, да и жены очень обижались на наши дискуссии, т. к. вместо отдыха и лечения в короткие 2 недели был шум и спор до хрипоты и сильного волнения.

Я стала удерживаться сама и оттягивать МАЙОРОВА, и мы были гостеприимными старожилками в отношении каждой новой приезжающей пары. С ГОЦЕМ я подружилась. Он обаятелен как человек, интересный, добрый и мягкий и хороший товарищ. Никакой блокировки не было тогда ни позднее.

2) Большевиком я как не признавала раньше, так и не признаю и теперь и ни за какие программы в мире с ними бы не объединилась, т. к. они никакую неспособны осуществить.

Эта прослойка интеллигенции абсолютно революционна, МИХАЙЛОВ доказывает блокировку с м-ками, что л.с.р. ДОБРОХОТОВА²⁶ замужем за м-ком ЦЕДЕРБАУМОМ²⁷. Но кроватную блокировку нельзя считать политической, а результатом имеется только хороший мальчик Лева.

3) Отрицаю блок с правыми с.р., я отрицаю категорически и с негодованием обвинение меня в участии в центре. Он тоже рождался на моих глазах в следственной камере, где я об нем услышала в первый раз и далеко не в первый день и даже месяц, т. к. он еще находился в реторте.

Как бы я не склонна была из дружеской жалости и не погасшей живой попрежнему любви к моим близким друзьям и товарищам объяснить и оправдать их, все же я считаю низким падением показания на меня Б. Д. КАМКОВА об участии моем в Центре и еще более низким падением такое же показание И. А. МАЙОРОВА, друга моего любимого и мужа. Есть ли такой центр, дал ли свое согласие на вступление в него КАМКОВ, я не берусь ни утверждать ни отрицать. Склонна думать, что его нет вовсе, и также склонна думать, что КАМКОВ на себя наговаривает, видя, что иного выхода из петли нет. Оба они, и МАЙОРОВ и КАМКОВ, могут быть оппортунистами большой руки. Я тоже могу быть оппортунисткой в интересах дела (мы об этом не разговаривали с Лениным из-за Брестского мира), но в личном поведении отрицаю этот метод категорически.

Если мне политич. физиономия КАМКОВА за 16 лет разлуки недостаточно ясна и я все же до конца не знаю, кто сейчас он, может быть, и вправду объединился с прав. с.р., то за МАЙОРОВА я отвечаю на 100%, ни в каком центре он не участник, так же, как и я. Он дал ложное показание.

И как же и как же он должен мучаться, завязая во лжи все дальше и дальше. И зачем это надо?

Отрицаю свое участие в центре, естественно отрицаю и террор центр. и местных и пр.

4) Я против террора в отношении большевиков и лев. с.р., его никогда против них не практиковали. В истории мы очень виноваты, что прохлопали его затею, но он ведь не был лев. с.р., уйдя к анархистам. За его провокацию мы ответили посадкой всей абсолютно партии в тюрьму, п.ч. настоящего подполья организовано тогда в 1919 году не было. С его стороны это в отношении о нашей партии было крупнейшей провокацией и разгромом партии. Ни в одной ни тайной, ни явной резолюции террор против компартии [как] метод борьбы не принимался.

Мне тяжело говорить об этом, т. к. всегда боюсь, что поймется за подлаживание, но надо сказать — независимо от вашего отношения к нам в/оценки интерпретации н/поступков*, мы-то вас считаем товарищами по целям, и поэтому террор допускаем только в отношении фашистов.

Это основной момент.

Из соображений формального порядка против террора в советской стране отмечу два.

Первое: в царское время бюрократия была в последнее столетие, да и всегда настолько бездарна и жила, что талантливые правители были редки и народники с террористической тактикой, начиная с народовольцев, именно на этих правителей и метали свои динамитные громы. Мы не признавали террора, который сейчас принят в тактике троцкистов, снимать не персональных работников, а тех, кто на определенных постах, это какой-то безмотивный террор одесских анархистов, который мы осуждали и презирали, они лупили «буржуазию», бросая бомбы в кафе. Потому-то меня и возмущает обвинение меня в покушении на БУЛИШЕВА²⁸. Очень посредственная величина и сколько не изменять, я знаю, гораздо крупнее его, к чему же его было бы снимать, раз завтра был бы ему на смену лучший?*

Поэтому убийство ПЛЕВЕ дало весну политике, съезду, конференции, обнавление радикальной печати и т. д. и сделало дыру в инвентаре их камарильи на несколько лет, пока не отыскался и не наметался СТОЛЫПИН, который и стал душить революцию в 1907 году.

* Так в тексте.

Теперь это было бы бесполезно, т. к. страна полна талантливых работников снизу доверху. Вы наверное знаете лучше меня, как без особенного надрыва на место одного снятого по каким-нибудь примитивным причинам работника вы находите сразу замену и ткань опять оживает, заставляя новой энергией.

И второе: Соввласть так жестоко и я бы сказала нерасчетливо к человеческой жизни, расправляется на террор, что нужно иметь много аморализма, чтобы пойти на террор сейчас. При царе пропал только сам террорист и кто-нибудь случайно влипший. Ни предков, ни потомков не трогали. Товарищи по организации отвечали в порядке статей о кодексе законов и пр., попадаясь на своей работе. А сейчас МИХАЙЛОВ сказал мне, что он посадил моих сестер в Тамбове, когда мой-то террор на воде вилами писан. Я виделась с двумя сестрами один раз по приезде с каторги в 1917 году, а с третьей тоже один раз в 1929 году. Короткие встречи после 12–24 лет отрыва, конечно, близости не создали. Переписывалась я чрезвычайно формально и редко с одной сестрой (ей 70 лет). Не содержала ни одну. Все старухи, все старше меня очень. Одной уже 70 лет. Она больна раком, и у нее выщелучено операциями четверть мускульной поверхности. Когда я сажусь, ни одна не приезжала ко мне на свидание. Когда меня спросил ЗЕЛИКМАН²⁹, хочу ли я отбывать ссылку в Тамбове, я сказала — не хочу. И вот они сейчас должны за меня отвечать. Тем же угрожают МАЙОРОВУ.

За КИРОВА было расстреляно количество людей, опубликованное на двух огромных газетных листах «Известий», за покушение на Ленина было расстреляно чрезвычайниками 15 тыс. человек, мне говорили это коммунисты и чекисты.

Какую же веру в правоту своей тактики и в себя, доходящую до мании величия, надо бы иметь, чтобы решиться за смерть одного, двух ответработников или вождей платить столькими человеческими жизнями. Кто я, чтобы взять на себя [право] распоряжаться жизнью сотен людей, ведь живут-то один раз на свете.

Одного этого момента достаточно, чтобы раз навсегда отказаться от подобного метода, это уже был бы не террор, а подлая авантюра и провокация, как я и расценивала николаевское выступление. То, что их толкало, нам чуждо. Мы никогда не стремились к власти как таковой и ушли от власти из СНК и др. по своей инициативе. А остервенения и озлобления троцкистов тоже не имеем, откуда бы ему?

Когда у нас в 1919–20 г. кто-либо поднимал вопрос о терроре, я заявила, что буду рассматривать это как провокацию и по поводу поднимающего этот вопрос немедленно сделаю все оргвыводы. И так и было, человек поднимавший этот вопрос, оказался провокатором. А время было горячее. Вся партия сидела, и с ними сидели мои любимейшие друзья, тюрьма была объявлена заложниками.

XXI. Теперь самое трудное.

1) Когда я вспоминаю, как брезгливо сморщился БАК при одном моем намеке только и как он сказал — «да кто вам поверил бы», я и сейчас не могу начать говорить. Я должна была начать с первой страницы об этом, по 4 дня ломала себя, чтобы хоть кончить этим. Только стоя уже одной ногой по ту сторону жизни заставляю себя говорить.

Я признаю свою вину в том, что не выступала с юридическим оформлением нашего разоружения. То, что я пишу о внешних и внутренних причинах нашей неработы, я имела в своей голове и в 33-м, и в 34 и 32 и 36 годах.

Еще в 30-м году я наносила положе* на теперешнее МАЙОРОВУ и КАХОВСКОЙ из Крыма с уехавшей от меня ИЗМАЙЛОВИЧ. Коллективизация меня окончательно убедила в необходимости полного сложения рук, не говоря уже об оружии, т. е. борьбе. Уже в 30-м году я стала видеть, что

* Так в тексте.

из основных моментов, деливших нас, а именно подмена Соввласти комвластью, как я писала в подпольной газете труда в 20-м году, этот момент уходит в историю и широкие слои масс входят в правящий аппарат.

Много мне помогли красные командиры, бойцы с Дальнего Востока, лежавшие со мной в тубинституте в Ялте. В этом тубинституте были почти исключительно коммунисты и чекисты. И я получила от них информацию о жизни всего Союза. В своей оторванности от жизни я могла еще в 1925 г. повторять тогда, полгода в Ялте 1930 с III до IX — чрезвычайно двинули меня вперед.

Но в 1930 г. мы были арестованы. Я привезена из Ялты в Москву, мои товарищи из н/четверки в то же время из Ташкента. И, конечно, на следствии я отвечала на все вопросы следователя, о своих настроениях не сказала. И с АНДРЕЕВОЙ³⁰ в разговорах весьма хороших и по существу, держалась обычного фасона, сказав ей, «что же вы хотите, чтоб мы с крапивой, которой вы нам набили штаны, восседая на ней, торжественно свидетельствовали вам о своей лояльности, чему вы будете верить, крапиве или нам?»

2) С каждым годом бессмысленность изгойного существования, неоправданность его особенно в отношении БЕЛОСТОЦКИХ³¹ и пр., которые ведь ничего, ни в какой период времени не сделали вредного Соввласти, ощущалась острее, но всегдашний замок держал крепко.

У нас была традиция и определенный модус поведения. Считалось позором и шкурничеством итти к власти, которая расстреливала наших товарищей, с заявлением своей лояльности. На-

до отметить, что по н/наблюдениям, очень часто именно морально невыдержанные, с большим уклоном к обывательству и к соблюдению своих интересов, товарищи выступали со своими индивидуальными заявлениями. Власть обычно их прощала, выпускала из тюрьмы или ссылки и иногда оказывала, в случае нужды, еще какое-нибудь покровительство. Мы называли это продажей себя за ордер на галоши и квартиру, покрывали презрением имя ушедшего товарища, и он уходил навсегда с нашего поля зрения.

Вот эта традиция-то и определяла наше общение. Они уже стали узки, они уже были нежизненной формой, и в нее уже с болью и трудом, но продолжали загоняться все лев.с.р.

И как же мне-то, главной хранительнице и создателю этих традиций, выступать с обратным. Так и держался фасон.

А фасон этот многое определял и был весьма вреден. Он определял перманентное фрондирование, антисоветские разговоры между собой, определенный оппозиционный тон, как привычный рефлекс при обсуждении вопросов текущего момента, п.ч. если мы совершенно законно заборисли вопросы своей программой и тактики, то текущей жизнью, газетными сообщениями интересовались жадно и обмен мнениями по поводу газет являлся основной темой при н/встречах. Политическая сторона жизни страны и вся ее жизнь — составляли и нашу жизнь.

Когда вышел устав с/х отраслей и колхозы получили свое правовое оформление и земельный кадастр, мне стало совсем невмоготу. Я читала эти уставы и проекты вдоль и поперек, вносила поправки и тосковала, тосковала. А далее никому ни слова.

На службе меня спросил управляющий, почему такая хмурая, я показала ему на газету, и у меня вырвалось «мое, мое это дело».

3) С выходом Конституции у нас на одну минутку был разговор — ка бы дали нам выпустить бюллетень, в небольшом количестве экземпляров для обмена мнениями и чтобы на полную распашку все лев. с.р. сказали о своей позиции, отношении к текущему моменту и переоценились бы до конца. Это и дало бы возможность договориться до самоликвидации, т. к. я убеждена, что огромное большинство н/осколков подтвердило бы то, что я сейчас говорю. Причем я бы в бюллетене высказалась тогда полнее и откровеннее, чем сейчас, не думая, что мои мысли объяснят крапивой, как думаю я сейчас. Но, конечно, мы скоро поняли, что не для нас зеленый сад и словами этой песенки я так и формулировала приходящим к нам товарищам отношение к нам Конституции.

Вы еще продолжаете настолько бояться нас, что лучше изоляторов при новой Конституции места для нас не находите. Разгром, ссылки я объясняю больше всего этой причиной.

4) Останавливало, конечно, очень то, что если бы мы выступали с заявлением о разоружении, нет, я говорю неверно, — «мы», т. к. никогда ведь об этом вслух не говорилось — останавливало меня то, что у вас уже совсем не та постановка при встрече разоружающихся, чем прежде. Вы претерпели столько разочарований и вас так бесстыдно и часто обманывали, что вам трудно было сохранить прежнее доверие и радушие к заявлениям о лояльности и отношение к заявлениям, как к двурушничеству, у вас стало законно естественным. Для меня это непереносимо было бы.

5) И потом условием разоружения у вас является посадка всех старых товарищей в тюрьму не пришедших с заявлениями. Это мне непонятно. Ведь они так же были пассивны, как и я. По-моему это больше вредно, чем полезно. И к этому я определенно была неспособна и организовать со своими товарищами, с которыми могли бы связаться при наличии других товарищей, почему-либо не попавших к нам, и значит сажаемых сочла бы штрекбрехерством.

Значит вы бы сказали, что я не разоружилась, как скажете и сейчас.

6) А между прочим я большой друг Советской власти, чем десятки миллионов лояльнейших обывателей. И друг страстный и действенный. Хотя и имеющий смелость иметь свое мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я.

Ваша политика войны и мира приемлется мною полностью (так из всех кого знаю из левиков), промышленную политику я никогда не брала под обстрел своей критики, с коллективизацией согласна полностью. Согласна со всем поступательным темпом и строем, перечислять не стоит.

7) Я несогласна только с тем, что в н/строе осталась смертная казнь. Сейчас государство настолько сильно, что оно может строить Социализм без смертной казни. В законодательстве этой статьи не должно быть. Она может остаться для войны и только. В мирное время наш защитный аппарат имеет мощь, равной которой нет и не было в мире. Разве у ассириавилонян в один их период было так сильно. И совсем теперь не требуется иметь это архибуржуазное средство защиты в своем арсенале. Лучшие умы человечества, страстная работа мысли и сердца целых столетий своим венцом и результатом назвали необходимость уничтожения э/институты. Гонор, гиль-

отина, веревка, пуля, электрич. стул — средневековые. Наша революция 1905 года проходила вся под лозунгом уничтожения института смертной казни, но погибая, как белым крылом покрылось именно этим лозунгом*, сама истекая кровью. Любопытно, что Маганцев³², законодатель, мыслитель, крупный юрист, увешенный орденами, учитель двух царей, всю жизнь стоявший за смертную казнь, к концу своей жизни [понял], что смертная казнь вредна социально и политически и от нее надо отказаться.

Существо отрицания смертной казни остается одинаковым при всех условиях при правительствах всех мастей.

Можно и должно убивать в гражданской войне при защите прав революции и трудящихся, но только тогда, когда нет в запасе под рукой других средств защиты революции. Когда же имеются и такие могучие, как у вас, средства защиты, смертная казнь становится вредным институтом, развращающим неисчислимо тех, кто применяет этот институт.

Я всегда думаю о психологии целых тысяч людей — технических исполнителей, палачей, расстрельщиков, о тех, кто провожает на смерть осужденных, о взводе, стреляющем в полутьме ночи в связанного, обезоруженного обезумевшего человека. Нельзя, нельзя этого у нас. У нас яблоневоый цвет в стране, у нас наука и движение, искусство, красота, у нас книги и общая учеба и лечение, у нас солнце и воспитание детей, у нас правда и рядом с этим этот огромный угол, где творится жестокое кровавое дело. Я часто в связи с этим вопросом думаю о Сталине, ведь он такой умный мужчина и как будто бы интересуется преображением вещей и сердец!? Как же он не видит, что смертной казни надо положить конец. Вот вы нами, лев. с.р., начали эту смертную казнь, нами бы и кончили бы ее, только снизив в размерах до одного человека в лице меня, как неразожившегося — какой меня называете. Но кончить со смертной казнью надо.

8) И еще я бы скорректировала ваш тюремный режим и вашу пенитенциальную систему. В социалистической стране должно быть иначе. Надо больше гуманности определено. Самое страшное, что есть в тюремном заключении, — это превращение человека в вещь. Об этом замечательно в своем романе «Воскресенье» сказал Толстой, в тюрьме ни разу не сидевший. Все остальное только приложение. Вы об этом никто не думаете. А обязаны были бы. За эти 9 месяцев я, при всей своей изоляции, все же столько

* Так в тексте.

набралась и насмотрелась плохого, что страдаю от зуда высказаться, но кому из вас это было бы интересно.

9) Вина моя за неоформление юридически нашей неборьбы, нашего разоружения усугубляется тем, что при н/разобщенности и разрозненности отдельные лев.с.р. возможно продолжали считать себя обязанными что-то предпринимать и организовывать, тогда как при той или иной публикации этого уже не могло бы быть.

Хочется оправдаться немного тем, что ведь без человеческого инвентаря, без программы и тактики, без взаимной связанности партии не может быть и ее не было и все это понимали и, главное, я была убеждена, что вы-то знаете это хорошо. Но ведь и для самоликвидации, тем более имеющей только формальное значение, требовалось связаться осколком, списаться или собраться, что все являлось невозможным. Без этого был бы от нас 4-х только самочинный выпад, *coup d'etat* (кудэта), с которым могли не посчитаться товарищи, да и вы сочли бы такую ликвидацию недостаточно авторитарной.

XXII. Приезжая в Москву, я очень рассчитывала иметь возможность недолго поговорить с кем-нибудь из верхушки, особенно с тем, кто меня лично знает.

Ввиду видимого отсутствия такой возможности, приходится писать вместо того, чтобы только сказать один раз и без всякого резонанса, т. к. не хотелось бы, чтобы это знали многие и читали. Теперь приходится написать: — Уфимское следствие (МИХАЙЛОВ) предлагало мне, если я «сознаюсь» в центр. терроре и т. д. — дать мне возможность определения нам каждого работника в деле с условием полного согласия с моим распределением, которое создает с моих слов и освобождение ряду лиц. КАРПОВИЧ пошел дальше. В начале августа во второе мое сплошное допросное бдение он предложил мне взять на себя вину всех и он тогда выпустит 40 человек. Я должна была бы только подтвердить, что я являюсь единственным вдохновенцем, инициатором и руководителем и не будь меня, никакого состава преступления не могло бы родиться, все 40 ничего бы не сделали. Я отказалась.

У меня вопрос. Является ли это индивидуальной методикой или общепринятый способ. В обоих случаях это определенно недопустимый способ. Он ведет к азеровщине в полном смысле слова и омрачает перспективы нашего будущего, которое должно все больше отучаться и очищаться от темных навыков и наследия прошлого, а не жить ими.

В деле со мной слишком много следов этих темных навыков, и если бы не они, мне не пришлось бы погибать.

Если же теперь хотя немного эта гибель отодвинет в прошлое это темное наследие, то было

бы хорошо. Хорошо было бы добиться от наговаривших на себя обратного сознания в своей лжи в угоду следствию. Чтобы восторжествовала истина. Все, что сказано мной по вопросу предъявленных мне обвинений, — правда, в этом клянусь своей жизнью.

М. СПИРИДОНОВА.

13/XI-37 г.

ЦА ФСБ. Д. Н. — 13266. Т. 3. М. 1–132. Оригинал. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бак Соломон Аркадьевич (1902–1940), уроженец дер. Знаменка Иркутской губернии, еврей, из семьи служащего, член партии большевиков с 1918 г.
В 1919 г. добровольцем вступил в Красную Армию, в которой служил красноармейцем, политруком, помощником военкома полка, инструктором политотдела 14-й дивизии.
В органах ОГПУ работал с 1926 г. Являлся помощником начальника Восточного отдела ОГПУ, начальником отделения, начальником сектора секретно-оперативного отдела ОГПУ. В 1932–1936 гг. начальник ПП ОГПУ Казахстана по Карагандинской области и начальник УНКВД по этой области. С февраля 1936 г. возглавлял секретно-политический отдел УГБ НКВД Казахстана, а с декабря 1936 г. являлся заместителем начальника УНКВД по Ярославской области.
С 1 апреля по 1 октября 1937 г. начальник Управления НКВД по Башкирской АССР. Затем заместитель начальника УНКВД Бурят-Монгольской АССР и начальник отдела Волгостроя Волжского лагеря НКВД. Имел звание майора госбезопасности.
16 октября 1938 г. арестован ГУГД НКВД СССР как активный участник антисоветской заговорщической террористической организации в НКВД и 19 января 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу. За грубые нарушения законности в период работы С. А. Бака в органах НКВД в пересмотре его дела и реабилитации отказано.
- 2 Михайлов Василий Николаевич, 1904 г. рождения, уроженец г. Уфы, русский, член партии с 1926 г.
В органах госбезопасности работал с 1922 г. на различных оперативных должностях. В январе 1934 г. назначен начальником 4-го отделения секретно-политического отдела ПП ОГПУ Башкирской АССР, а в мае 1937 г. помощником начальника 4-го отдела УГБ НКВД Башкирской АССР. Затем являлся исполняющим делами начальника Белорецкого РО НКВД БАССР. 25 октября 1937 г. назначен заместителем начальника 4-го отдела УНКВД по Вологодской области, откуда вскоре был уволен. Имел звание лейтенанта госбезопасности.
- 3 Миняев Федор Васильевич (1901–1939), уроженец завода Тирлян (Башкирия), русский, член партии большевиков с 1920 г.
До революции работал табельщиком и старшим табельщиком рельсопрокатного цеха. С 1919 г. служил в Красной Армии.
С 1923 г. работал в органах военной контрразведки в Башкирии. В августе 1933 г. назначен начальником секретно-политического отдела ПП ОГПУ Башкирской АССР, а в июне 1937 г. — начальником 4-го отдела НКВД Башкирской АССР. Имел звание старшего лейтенанта госбезопасности.
7 октября 1937 г. арестован как участник антисоветской заговорщической террористической организации в НКВД и 13 апреля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.
В 1957 г. реабилитирован.
- 4 Хахаев Константин Сергеевич, 1906 г. рождения, уроженец дер. Бехтеево Подольского уезда Московской области, русский, из рабочих, член коммунистической партии с 1931 г.
Служил красноармейцем и политруком взвода в погранвойсках в Азербайджане. С февраля 1933 г., после окончания специальной школы, работал в Опероде ОГПУ.
25 октября 1933 г. откомандирован на должность помощника уполномоченного СПО ПП ОГПУ Башкирской АССР. В июне 1935 г. назначен оперкомиссаром специальной оперативной группы НКВД БАССР.
8 сентября 1936 г. уволен из органов НКВД «за пьянство во время служебной командировки и утерю государственных денег и документов».
- 5 Карпович Владимир Станиславович, 1909 г. рождения, уроженец г. Петрограда, русский, из рабочих, член партии большевиков с 1919 г.
В 1917 г. служил рядовым в царской армии. В 1918–1919 гг. красноармеец. В 1919–1921 гг. работал помощником уполномоченного и уполномоченным Особого отдела Саратовской губчека. Затем находился на оперативной работе в СПО ПП ОГПУ Ленинградского военного округа. 9 мая 1937 г. назначен заместителем наркома НКВД Башкирской АССР. В марте 1939 г. уволен из органов НКВД «за непринятие своевременных мер по оздоровлению аппарата НКВД и его очищение от чуждых элементов, за организацию и участие в групповых пьянках». Капитан госбезопасности.
В 1939–1940 гг. работал заместителем директора Эрмитажа.
21 марта 1940 г. был арестован по обвинению в злоупотреблении властью в период работы

в органах НКВД и 4 февраля 1941 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 10 годам лишения свободы.

В 1944 г. был досрочно освобожден из мест заключения, после чего работал заместителем директора гостиницы «Европейская» в Ленинграде и гостиницы «Метрополь» в Москве.

- 6 Проведенной проверкой в Центральном архиве ФСБ РФ и архиве ФСБ Башкирской АССР данных на Левченко выявить, к сожалению, не удалось.
- 7 Дерина Лукерия Фроловна, 1901 г. рождения, из крестьян-бедняков, продавец Боголюбовского сельпо Стерлитамакского района. В 1935 г. осуждена по ст. 116 УК РСФСР (должностная растрата) к 3 годам лишения свободы. Ее дом посещала М. А. Спиридонова. 26 апреля 1937 г. допрашивалась 4-м отделом УНКВД по Башкирской АССР в качестве свидетеля по делу Спиридоновой.

- 8 Лупекин Герман Антонович (1902–1940), уроженец г. Киева, украинец, член партии большевиков с 1921 г.

Трудовую деятельность начал в 1916 г. подручным слесаря в мастерских города Киева. С 1918 по 1920 г. служил в Красной Армии.

С 1921 г. работал в органах госбезопасности на различных оперативных должностях. В 1932–1934 гг. являлся начальником секретно-политического и экономического отделов ГПУ Белорусской ССР. В 1935 г. начальник СПО УНКВД Ленинградской области. С января по апрель 1937 г. нарком НКВД Башкирской АССР, затем начальник УНКВД Иркутской области. В 1938 г. начальник УНКВД по Ростовской области. Имел звание старшего майора госбезопасности.

13 ноября 1938 г. арестован ГУГБ НКВД СССР как участник антисоветской заговорщической организации в НКВД и 28 января 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.

За грубые нарушения законности в период работы Лупекина Г. А. в органах НКВД в пересмотре его дела и реабилитации отказано.

- 9 Редакция не располагает возможностью опубликовать целиком это объемное (102 машинописных стр.) письмо Спиридоновой и поэтому сочла необходимым сократить часть малозначительного текста. Сокращен текст, в котором Спиридонова подробно рассказывает о своей жизни в ссылке, переписке с товарищами по партии, оспаривает абсурдные обвинения следствия.
- 10 Александрович Вячеслав Александрович (Дмитриевский П. А., «Пьер Ораж») (1884–1918) — левый эсер. После Октябрьской революции, в период, когда левые эсеры входили в Советское правительство, был заместителем председателя ВЧК и заведующим Отделом по борьбе с преступлениями по должности. Принимал активное участие в левозерсовском мятеже в Москве. В июле 1918 г. арестован ВЧК и приговорен к расстрелу.

- 11 Майоров Илья Андреевич (1890–1941), уроженец дер. Гордеевка Свияжского уезда Казанской губернии, из крестьян, член партии социалистов-революционеров с 1906 г. Член ЦК партии левых эсеров с 1917 г.

После Октябрьской революции — член коллегии Наркомзема. Принимал участие в левозерсовском мятеже в июле 1918 г. После ликвидации мятежа скрылся. 27 ноября 1918 г. Верховным рев-

трибуналом при ВЦИК заочно осужден к 3 годам лишения свободы. Вскоре был арестован, отбыл наказание, после чего сослан в г. Самарканд. Затем срок продлен еще на 3 года с переводом в г. Ташкент. В 1930 г. арестован ОГПУ, сидел в Бутырской тюрьме и в 1931 г. сослан в Уфу. В ссылке женился на М. А. Спиридоновой. В 1931–1937 гг. работал экономистом-плановиком Уфимской сбытовой консервной базы.

В феврале 1937 г. арестован УНКВД Башкирской АССР по обвинению в активной антисоветской террористической деятельности и 8 января 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден на 25 лет тюремного заключения. 11 сентября 1941 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.

- 12 Каховская Ирина Константиновна (1888–1960), уроженка г. Тараща Киевской губернии, из дворян. В 1905 г. примыкала к большевикам, в 1906 г. к максималистам, то есть к крайнему течению народничества. В 1908 г. военным окружным судом осуждена к 20 годам каторги. В Мальцевской женской тюрьме подружилась с М. А. Спиридоновой.

После Октябрьской революции на 2-м съезде Советов была избрана членом ВЦИК и заведовала организационно-агитационным отделом ВЦИК. Летом 1918 г. ЦК ПЛСР направлена на подпольную работу на Украину. 30 июля 1918 г. участвовала в убийстве немецкого фельдмаршала Эйхгорна, за что немецким военно-полевым судом осуждена к смертной казни через повешение. Из тюрьмы бежала, после чего готовила убийство генерала Деникина, но из-за болезни всех участников ее группы сыпным тифом осуществить убийство не удалось.

В 1921 г. в Москве арестована ВЧК и сослана на 3 года в Калугу, а затем была сослана в Среднюю Азию. Осенью 1930 г. сослана на 3 года в Уфу, где сначала работала в детской трудовой коммуне, а затем плановиком-экономистом в Башмелтресте. В феврале 1937 г. арестована НКВД Башкирской АССР по обвинению в антисоветской террористической деятельности и 25 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осуждена к 10 годам тюремного заключения.

В 1948 г. арестовывалась вновь органами госбезопасности. Ее признали нетрудоспособной и возвратили в Канск на правах бессрочно ссыльной.

Измайлович Александра Адольфовна (1878–1941), уроженка г. Петербурга, из дворян, член партии социалистов-революционеров, участвовала в неудачном покушении на минского губернатора П. Г. Курлова. В феврале 1906 г. приговорена военным судом к смертной казни через повешение, замененной на бессрочную каторгу. Наказание отбывала на Нерчинской каторге, где сблизилась с М. Спиридоновой.

После Октябрьской революции участвовала в создании партии левых эсеров, избиралась в состав ее Центрального Комитета. Неоднократно арестовывалась органами ВЧК—ОГПУ, наказание отбывала в тюрьмах и ссылках. В 1930 г. сослана в Уфу, где работала экономистом-плановиком в коммунальном банке.

8 февраля 1937 г. арестована НКВД Башкирской АССР по обвинению в антисоветской террористической деятельности и 25 декабря 1937 г. Во-

- енной коллегией Верховного суда СССР осуждена к 10 годам тюремного заключения. Срок отбывала в Орловской тюрьме. 11 сентября 1941 г. расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- 13 Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940), уроженец г. Москвы, из купеческой семьи, участник боевой организации ПСР, член ЦК партии социалистов-революционеров. После Февральской революции лидер фракции эсеров в Петроградском Совете. С июня 1917 г. председатель ВЦИК, избранного I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. В Октябрьские дни входил в «Комитет спасения родины и революции», был одним из организаторов выступления юнкеров в Петрограде. В 1920 г. арестован ВЧК за террористическую деятельность и в августе 1922 г. Верховным ревтрибуналом при ВЦИК приговорен к расстрелу, который был заменен 5-летним тюремным заключением. Затем находился в ссылке в Симбирске, был осужден на 2 года. В 1937 г. арестован по обвинению в террористической деятельности и 20 июня 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 25 годам лишения свободы. Умер 4 августа 1940 г. в Краслаге (Красноярский край).
- 14 Камков (Кац) Борис Давидович (1885–1938), уроженец с. Кобылино Сорочского уезда Бессарабской губернии, из семьи врача. Член партии социалистов-революционеров с 1904 г., за что преследовался царским правительством. Находился в эмиграции. В 1911 г. закончил юридический факультет Гамбургского университета со званием доктора права. После Февральской революции вернулся в Россию и в апреле 1917 г. избран в Петроградский Совет. На 1-м Всероссийском съезде Советов избран во ВЦИК. В ноябре 1917 г. избран членом ЦК партии левых эсеров. Депутат Учредительного собрания по Петроградскому округу. В июле 1918 г. участвовал в левозероветском мятеже. После ликвидации мятежа скрывается. На Украине участвовал в создании партии левых эсеров, а в конце 1918 — начале 1919 г. стоял у истоков ПЛСР Литвы и Белоруссии. Впоследствии неоднократно арестовывался органами ВЧК—ОГПУ по обвинению в антисоветской деятельности, находился в ссылках. 6 февраля 1937 г. был арестован УНКВД по Северному краю как активный участник эсероветской террористической организации и 29 августа 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.
- 15 Самохвалов Михаил Давидович (1892–1942), уроженец г. Новозыбова бывшей Черниговской губернии, член партии социалистов-революционеров с 1911 г. Член ЦК партии левых эсеров с 1917 г. Арестовывался органами госбезопасности в 1923, 1930 и 1935 гг., находился в ссылках. В 1936–1937 гг. работал техником-строителем ремонтно-строительной конторы при Остяко-Вогульском окружном исполкоме. В феврале 1937 г. арестован УНКВД по Омской области по обвинению в террористической деятельности и 25 января 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 10 годам лишения свободы. Отбывая наказание, умер в местах заключения 14 июня 1942 г.
- 16 Трутовский Владимир Евгеньевич (1889–1937), уроженец г. Краснограда бывшей Полтавской губернии, член партии социалистов-революционеров, с 1917 г. член ЦК партии левых эсеров. В декабре 1917 г. вошел в Совет Народных Комиссаров, занимал пост народного комиссара по городскому и местному самоуправлению. В марте 1918 г. вышел из состава Совнаркома. В июле 1918 г. принимал участие в левозероветском мятеже. После ликвидации мятежа скрывается. 27 ноября 1918 г. Верховным ревтрибуналом при ВЦИК заочно приговорен к 3 годам тюремного заключения. Впоследствии был арестован и по отбытии наказания в апреле 1923 г. выслан в Туркестан. Затем он неоднократно арестовывался органами ОГПУ, находился в ссылках в Оренбурге, Шадринске Челябинской области, Казахстане. 7 февраля 1937 г. арестован НКВД Казахстана по обвинению в антисоветской террористической деятельности и 4 октября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.
- 17 Аванесов (Мартirosов) Варлам Александрович (1884–1930), уроженец Армении. Член РСДРП с 1903 г., с 1914 г. большевик. Принимал активное участие в революционном движении. После Февральской революции 1917 г. член президиума Моссовета. В дни Октября член Петроградского военно-революционного комитета. В 1917–1919 гг. секретарь и член Президиума ВЦИК, член Всероссийской комиссии по ремонту железнодорожного транспорта, член коллегии Наркомата государственного контроля, председатель Всероссийской комиссии по эвакуации при СТО. В 1919 г. был утвержден заместителем начальника Особого отдела и членом Коллегии ВЧК. В 1920–1924 гг. член Коллегии ВЧК, заместитель наркома РКИ, представитель Президиума ВЦИК и Рабркина в ВЧК, затем заместитель наркома внешней торговли. С 1925 г. член Президиума ВСНХ. В 1922–1927 гг. член ЦИК СССР. Умер в 1930 г.
- 18 Ашипц, меньшевик (по-видимому, искажена фамилия, никаких сведений выявить не удалось).
- 19 Виталин Симен Самойлович, 1897 г. рождения, член партии эсеров с 1915 г., с 1918 г. член партии левых эсеров. Неоднократно арестовывался органами ВЧК—ОГПУ—НКВД, содержался в тюрьмах, находился в ссылках. С 1933 по сентябрь 1935 г. отбывал ссылку в Архангельске, после чего был переведен в Уфу. На допросе в 4-м отделе ГУГБ НКВД СССР от 10 апреля 1937 г. показал, что он из Архангельска от Камкова в Уфу привез Спиридоновой письмо, в котором речь шла якобы об активизации левозероветской работы.
- 20 Драверт Леонид Петрович, 1901 г. рождения, уроженец г. Казани, член партии левых эсеров. В 1925 г. за левозероветскую деятельность Особым совещанием при Коллегии ОГПУ осужден на 3 года к заключению в политизолятор, в 1928 г. — к ссылке на 3 года в Казахстан, в 1931 г. — к ссылке на 3 года на Урал, затем в Башкирию. В 1937 г. работал в Уфе экономистом Башкирской конторы «Заготскот». В Уфе неоднократно встречался с М. А. Спиридоновой. В феврале 1937 г. арестован УНКВД Башкирской АССР

- по обвинению в антисоветской террористической деятельности. 17 июня 1937 г. между Дравертом и Спиридоновой следствием была устроена очная ставка, на которой он показал, что М. А. Спиридонова в Уфе якобы занималась активной антисоветской деятельностью и, в частности, давала установки на организацию Башкирского областного комитета партии левых эсеров. М. А. Спиридонова на это в протоколе очной ставки записала: «Я отрицаю эти показания Драверта».
- 25 апреля 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда с к расстрелу. Реабилитирован.
- 21 Гольдберг (а не Гольберг) Борис Константинович, левый эсер, и его жена, Селиванова Анна Антоновна, 1890 г. рождения, уроженка г. Петрограда, левая эсерка, неоднократно арестовывались органами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Отбывали ссылку в Уфе и других местах. В 1936–1937 гг. проживали в г. Горьком, работали на автозаводе.
- 22 Подгорский Николай (других данных установить не удалось), левый эсер, отбывал ссылку в Уфе, затем проживал в г. Куйбышеве.
- 23 Коротнев Игорь Александрович, 1903 г. рождения, уроженец г. Петербурга. В 1923 г., будучи студентом Ленинградского госуниверситета, вошел в студенческую группу правых эсеров. 10 мая 1924 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ осужден на 3 года заключения в концлагерь. В апреле 1927 г. выслан в Нарымский край на 3 года. Из ссылки досрочно освобожден. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 3 сентября 1929 г. выслан на 3 года в Семипалатинск. С 1932 г. проживал в Уфе, работал старшим экономистом «Башкоопинсоюза», где неоднократно встречался с М. А. Спиридоновой. В феврале 1937 г. арестован УНКВД по Башкирской АССР по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. 19 мая 1937 г. между Коротневым и Спиридоновой была проведена очная ставка, на которой он показал, что она якобы занималась активной эсеровской деятельностью. Спиридонова от всего отказалась и не признала никаких обвинений.
- 24 Гауп — опечатка машинистки. В подлиннике видно, что речь идет о Гоце А. Б. — См. сноску 13.
- 25 Плеханов Иван Андреевич, правый эсер, в 1929–1930 гг. отбывал ссылку в Ташкенте, а также ссылался в Архангельск и другие места.
- 26 Доброхотова Александра Сергеевна, состояла в партии левых эсеров. Вместе со своим мужем Левицким (Цедербаумом) отбывала ссылку в Уфе.
- 27 Левицкий (Цедербаум) Владимир Осипович (1883–1938), уроженец г. Петербурга. В конце 90-х г. под влиянием своих братьев Ю. О. Мартова и С. О. Ежова включился в социал-демократическое движение. В 1903 г. примкнул к меньшевикам. Неоднократно арестовывался царской охранкой.
- В 1917 г. являлся членом Московского комитета меньшевиков, был сторонником участия меньшевиков во Временном правительстве. Член редакции газеты «Вперед», «Рабочей газеты».
- В декабре 1917 — январе 1918 г. содержался в Петропавловской крепости вместе с другими меньшевиками. Осенью 1919 г. вышел из партии. Затем неоднократно подвергался арестам и ссылкам. 22 февраля 1938 г. умер в Уфе во время очередного следствия.
- 28 Булашев Зинатулла Гизятович (1894–1938), уроженец дер. Карашиды Уфимского района Башкирии. Председатель СНК Башкирской АССР. Делегат XVII съезда ВКП(б). Осенью 1937 г. арестован УНКВД по Башкирской АССР по обвинению в контрреволюционной буржуазно-националистической деятельности. В феврале 1937 г. ряд арестованных в Башкирии левых эсеров на следствии показывали, что «по личному поручению бывшего члена ЦК ПЛРС Спиридоновой М. А.» они готовили покушение на Булашева З. Г.
- 29 Зеликман Наум Петрович, 1901 г. рождения, уроженец г. Новомосковск Днепропетровской области. В июле 1933 г. назначен полномочным представителем ОГПУ в Башкирии. 15 декабря 1934 г. приказом НКВД СССР назначен начальником УНКВД по Башкирской АССР. Майор госбезопасности. 2 марта 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.
- 30 Андреева-Горбунова Александра Азарьевна (1888–1951), уроженка с. Кельчино Сарапульского уезда Вятской губернии, из семьи служителя религиозного культа. Член партии большевиков с 1905 г. За революционную деятельность подвергалась репрессиям царского правительства. После Октябрьской революции работала в органах народного образования в г. Слободском Вятской губернии. С 1919 г. в Разведупре РККА. В октябре 1921 г. переведена на работу в ВЧК и назначена на должность помощника начальника Секретного отдела ВЧК. В последующем работала заместителем начальника Секретного отдела ГПУ и помощником начальника этого отдела ОГПУ. В 1937 г. помощник особоуполномоченного НКВД СССР. В 1938 г. уволена на пенсию. 5 декабря 1938 г. арестована НКВД СССР по обвинению в антисоветской террористической деятельности и 4 мая 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осуждена к 15 годам лишения свободы. Отбывая наказание, умерла 17 июля 1951 г. в Минеральном ИТЛ. В 1957 г. реабилитирована.
- 31 Белостоцкий Борис, левый эсер, находился в ссылке в Уфе (других данных установить не удалось).
- 32 По-видимому, речь идет о Таганцеве Н. С. (1843–1923), известном юристе, авторе многочисленных трудов по уголовному праву.

Публикация
Владимира ВИНОГРАДОВА,
Алексея ЛИТВИНА,
Валерия САФОНОВА.

«Мы все видим и знаем»

**Крик души красного
командира**

Предлагаемый вниманию читателя документ не нуждается в развернутых комментариях — это своего рода моментальная фотография, живой срез менталитета партийных низов эпохи гражданской войны. Его автор писал не для истории, а в надежде спасти то, что представлялось ему стержнем революции, за что проливали кровь бойцы и командиры Красной Армии. Приведенные в письме Антона Власова факты разложения верхушки большевиков, конечно, преувеличены. Но главное не в том, кто из новых хозяев жизни сколько комнат занимал и каким образом передвигался. Важнее, как это воспринималось теми, кто увидел в революции зарю нового мира, кто поверил в силовитное торжество «равенства и братства».

Их было немало — рабочих, выдвиженцев первых послеоктябрьских дней и месяцев, принимавших партию в почти религиозном экстазе как сонм подвижников, отрекшихся от всего земного ради приближения светлого будущего. Любой факт, выбивавшийся из этого канона, был способен подорвать мировоззрение простых людей, интуитивно тянувшихся к «правде» и искренне считавших, что нашли ее в рядах РКП(б).

Именно эти люди добывали победу

в гражданской войне — как оказалось, не для себя. Политически наивные, они пытались принести нормы фронтового братства в коридоры новой власти, не понимая, что здесь действуют совершенно иные «правила игры». Настроения жестокого разочарования питали не только внутривластные оппозиции начала 20-х гг., но и вооруженные выступления против диктатуры партийного аппарата. Кроунштадтский мятеж показал, что угрозы «с оружием в руках добиваться выполнения заветов Революции» не были пустым звуком.

В публикуемом документе с хрестоматийной четкостью нашли свое отражение наиболее яркие черты общественного сознания россиян, надломленного шестью годами военных и социальных катаклизмов. Рабочий-металлист Антон Власов наверняка писал свое письмо в искренней надежде на то, что оно получит известность и поможет укротить так ярко описанных им «зубров от революции». Сохранившись в фонде Н. И. Бухарина, письмо не имело шансов быть опубликованным в «Правде». Пусть с опозданием на три четверти века, но крик души командира Красной Армии все же дошел до читателя из глубины партийных архивов.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Р. К. П.

Копия: т. Ленину, Московскому Комитету, Редакции «Правда»,
всем Райкомам, Петроградскому Губкому.

Уважаемые товарищи!

Я, раненый красный командир, немного подлечился и на днях снова уезжаю на южный фронт. Прожив в Москве 3 месяца, я видел то, о чем никогда и не догадывался.

Видел разврат среди наших ответственных работников-коммунистов и видел поощрения творимого ими произвола со стороны ЦЕКА.

Видел, как мешанство делается преобладающим элементом в жизни семейных коммунистов.

Вот характерный пример бессилия ЦЕКА против разыгравшихся аппетитов отдельных своих членов.

Находясь в Москве, я состоял в резерве Московского Окружного Штаба и жил на квартире у рабочего завода «Мотор», своего старого товарища. Там же жил один из близко стоящих к Окрово-

енкому Бурдукову сотрудник. И вот, из разговоров с ним и после проверки у ответственного товарища, я выяснил следующее.

Рабочие завода «Мотор» взяли себе для коллективной обработки одно имение с хорошим дворцом, в котором они думали устроить колонию для своих детей. Но на их беду это же имение понравилось Коменданту гор. Москвы «коммунисту» Ганшину, «коммунисту» же Бурдукову и «коммунисту» Люблину, и они стали отнимать у рабочих имение, которое те не отдавали — дело перешло в Совнарком и... Рабоче-крестьянская власть, отняв имение у рабочих (которые по своей сознательности не протестовали с оружием в руках, что, по моему мнению, они должны были бы сделать), передала его нескольким «зубрам от революции», которые, как например, Бурдуков, и в Москве занимают особняки.

И вот, эти самые рабочие завода «Мотор» могли наблюдать каждое утро и вечер, как взад и вперед ездили на автомобилях упомянутые «товарищи» со своими «чада и домочадцы». — Прекрасная агитационная картина, не правда ли!? Это ли не бессилие партии, это ли не пример того, что «рука руку моет».

Еще один пример, как работают коммунисты и как устраиваются некоторые спецы, и какое они имеют влияние на всю работу Республики.

Упомянутый Бурдуков, которым я очень заинтересовался, и которого видел несколько раз лично и, особенно, часто беседовал с его секретарем и с живущим вместе со мною сотрудником, представляет из себя типичного тупоголового мещанина с брюшком, с семьей, со штатом лакеев в виде для поручений и вестовых. Ничего сам лично не делает, кроме пристраивания друзей своих друзей, родственников своих родственников, знакомых знакомых своих знакомых и знакомых сильных мира сего по разным запискам, в Командном отделе Штаба я сам слышал, получая жалованье, как бывш. офицера говорили, что если имеешь знакомого друга Бурдукова, то можешь пристроиться куда хочешь, а всеми делами правит бывш. генерал Начальник Военной Части Штаба Новиков. Он решает все вопросы, даже, политического характера — назначение и смещение коммунистов совершается по его указаниям, чего Бурдуков, упоенный его сладкими речами, не замечает. В общем Новиков в Окрвоенкоме — всё...

А как живет этот спец. — Бурдуков дал ему автомобиль исключительно для езды на дачу и каждый день можно наблюдать трогательную картину: б. генерал Новиков со своими друзьями и генеральшей около подъезда Штаба на глазах красноармейцев и коммунистов Окрвоенкома садятся на машину и едут на дачу, да еще на какую дачу то! У Новикова есть секретарь бывш. помещик и домовладелец, у которого имение и дом были национализированы, так Бурдуков выхлопотал то, что имение и дом секретаря передали Новикову, где он и хозяйничает. Какой трогательный союз генерала, помещика и коммуниста! В какое царство коммунизма они зашли? Сотрудниками в Окрвоенком принимают только протеже Новикова, т. е. таких же скрытых белогвардейцев, как он сам.

Все вышеизложенное подтверждают члены фракции РКП. Окружного Комиссариата, которые так терроризованы репрессиями, применяемыми ко всем, поднимающим голоса протеста, что молчат.

О партии и ее влиянии на массы приходится сказать следующее.

Наша Коммунистическая Рабочая Партия накануне банкротства; никакого авторитета у партии нет, а если и есть, то только страх перед ЧЕКА. А почему? Да потому, товарищи, что наши партийные Комитеты стали бюрократическими органами. Они совершенно оторвались от масс и член партии, идя по какому-нибудь делу в Районный, Московский или, даже, ЦК, должен нередко выслушать резкий, почти грубый тон секретаря Комитета и, если его чин не очень высок, то не всегда он сможет получить аудиенцию. Посмотрите на Бауманский район, где благодаря оторванности и бюрократизму Райкома Московскому Комитету приходится судить товарищей, самых лучших товарищей, за то, что они осмелились высказать свое неудовольствие Райкомом; начинается слежка, посылают шпииков к своим товарищам-коммунистам (не напоминает ли это кое-что из Великой Французской Революции?) — А из-за чего? — Из-за интеллигентской жажды власти, славы и т. п., и в то же время посмотрите, что происходит в советских учреждениях, в Главснапродарме, в этом приюте меньшевиков — ведь там служит целая шайка, весь меньшевистский Цека и даже специальные должности устраивает для своих членов. Где же здесь-то Чека?

Мне сказали, что Ильич ответил одному товарищу, рассказывавшему о положении, что «еще не слышно голоса организованного пролетариата».

Дорогой Владимир Ильич, хоть ты и очень чуток, но смотри не ошибись, не будет ли слишком поздно, когда услышим голос организованного пролетариата. Ведь если раздастся этот голос, то это будет голос свинца и железа. Я всю старую войну и всю гражданскую был на фронте, командовал батальоном и полком, имею очень много товарищей как на фронте, так и в Москве, мне, как

рабочему, масса верит и я, как кровно заинтересованный (а не как интеллигент) в сохранении завоеваний Революции, говорю: Да, будет поздно, ибо в сердце у каждого сознательного товарища фронтовика, привыкшего на фронте к почти полному равенству, отвыкшего от холопства, разврата и роскоши, чем окружают себя наши самые лучшие партийные товарищи, кипит ненависть и негодование, когда он, раненый, бредет с одного конца города в другой, в то время как жены Склянских, Бурдуковых, Каменевых, Стекловых, Аванесовых, Таратути и прочей ниже и выше стоящей «коммунистической» публики едут на дачи в трехаршинных, с перьями райских птиц, шляпах, едут в разные «Архангельские», «Тарасовки» и прочие, отнятые рабочим классом у буржуазии особняки и дворцы, и мимо которых этим же рабочим не дают пройти, уж не говоря о пользовании, как хотели сделать товарищи с завода «Мотор». — Рабочие запачкают дворец — лучше отдать его Ганшину, Бурдукову или наркомам, как «Тарасовку», которую зовут теперь «Царским Селом», и правильно — смотрите, как живут там наркомы. Один Таратути занимает 12 комнат и его охраняют 4 милиционера. Чем хуже министра старых времен! И это представители Коммунистической партии, представители Интернационала — позор! И что всего позорней — Комитеты Партии Цека и Московский знают это и бессильны что-либо сделать.

А вы, сидящие в Кремле! Думаете, масса не знает ваших дел — все знает. Каждый день тысячами уст разносится, как ведут себя Стекловы, Крыленки, едzące в автомобилях на охоту, и жены Склянских и Троцких, рядящиеся в шелка и бриллианты.

Вы думаете, масса этим не возмущается, разве нам не все равно, кто занимается бонапартизмом — Керенский или Рыков с Троцким. Вы думаете, что мы не знаем, что как какой-нибудь товарищ поднял голос, так его ссылают на окраину. Вы думаете, мы не знаем, что большинство ответственных должностей занимают бездарностями, по знакомству. Смотрите в Главполитпуть — ведь там Розенгольц, этот научившийся кричать и командовать торговец, разогнал всех лучших товарищей. А Склянский — ведь это ничтожество в квадрате! А жены Каменева, Троцкого, Луначарского — ведь это caricatures на общественных работниц; они только мешают работе, а их держат, потому что их мужья имеют силу и власть.

Сделаю оговорку — меня за это письмо может быть вздумают расстрелять, так я заранее предупреждаю, что копию этого письма возьму с собой и дам нескольким товарищам, так что если меня и арестуют, то они размножат письмо. (О позор, позор нам всем! Рабочему-коммунисту, имеющему 5 ран в борьбе за Революцию, за то, что он хочет сказать правду, приходится ждать расстрела.) Товарищи! Где же люди, уважающие себя, где же борцы за свободу. Неужели одни чиновники остались... (Все равно продолжаю дальше.)

Мы все видим и все знаем, и если Конференция или Цека не изменят своей чиновничьей политики, если не укротят Бонапартов, то мы с оружием в руках этой же зимой будем добиваться выполнения заветов Революции.

Партия обанкротилась, влияние ее пало до минимума, грошовыми придирами отталкивают сознательных рабочих (в то время как преступления, совершаемые партийными «зубрами», сходят им с рук безнаказанно), и в партии остаются самые отчаянные авантюристы, демагоги, умеющие вовремя улынуться чьей-нибудь жене. А где же рабочие? Вот их-то вы и оттолкнули от партии.

Я от имени всех фронтовиков, куда я сейчас еду и которым откровенно расскажу о вашей работе, обращаюсь в Центральный Комитет РКП., как к руководящему органу, к тебе, дорогой товарищ Ленин, к тебе, единственно настоящему революционеру — спартанцу по жизни — подумай, помоги, одерни кого следует, не справишься сам — нам скажи — поможем. Скорей, пока не поздно, скоро зима, армия разута, раздета, побежит — восставать будет. Спешите, Ильич!

Обращаюсь в Московский Комитет, как к местной организации. — Товарищи! Поднимите ваш голос, скажите свое веское слово, ведь вам видно больше, чем из Кремля. Обращаюсь ко всем Районным Комитетам Партии города Москвы и ко всем Губернским Комитетам. — Товарищи, пока не поздно, действуйте, добивайтесь восстановления погранных завоеваний Революции!

С коммунистическим приветом
Красный Командир
рабочий-металлист

Антон Власов

Сентябрь, 1920 год.

РЦХИДНИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 28-29. Подлинник. Машинопись.

Фултонская РЕЧЬ ЧЕРЧИЛЛЯ*

Фултонская речь Уинстона Черчилля по праву считается одним из ключевых моментов начала «холодной войны». В России традиционный для советского времени взгляд на этот документ как на манифест, положивший начало «холодной войне», сменился разноголосицей, в которой все ошутимей проявлялось влияние ортодоксальной западной интерпретации речи как «одинокого пророчества», разбудившего Запад к отпору «советской угрозе».

Вокруг Фултона, ставшего символом, создано немало мифов и идеологизированных стереотипов, тем более что до сих пор современный российский читатель знал обо всем этом лишь понаслышке. Поэтому мы решили опубликовать полный текст речи Черчилля и ответ на нее И. В. Сталина, предпослав этим документам краткий исторический комментарий о конкретных обстоятельствах их появления на свет.

Приглашение Вестминстерского колледжа из городка Фултон в штате Миссури с просьбой посетить его для вручения почетного диплома Черчилль получил еще в августе 1945 г. Экс-премьер-министр и лидер оппозиции Ее величества, засыпанный куда более престижными предложениями, вряд ли заметил бы это обращение американских провинциалов, если бы не приписка к нему президента США Гарри Трумэна: «Это замечательная школа в моем родном штате. Надеюсь, что Вы сможете это сделать. Я сам Вас представляю». Последняя фраза оказалась решающей — Черчилль ответил согласием, мотивы которого откровенно изложил в одном из последующих писем Трумэну: «У меня есть с чем обратиться к Вашей стране и ко всему миру, и я думаю, что мы с Вами почти наверняка полностью сойдемся в этом вопросе. Все сказанное мною под Вашей эгидой привлечет к себе внимание, и, таким образом, появляется возможность сделать благо для нынешнего, сбитого с толку, запершего в оцепенении мира».

Черчилль давно порывался открыть миру глаза на новую смертельную угрозу, на сей раз со стороны «советского экспансионизма», о которой он уже с весны 1945 г. приватно предупреждал и Трумэна, и своих коллег по кабинету. Теперь появилась возможность заявить об этом в полный голос, да еще под эгидой президента США, благо новое неофициальное положение Черчилля позволяло ему говорить с большей откровенностью и меньшей ответственностью, чем раньше.

Драматизация «советской угрозы» для Черчилля была важна еще и как средство разбудить «американского орла» (которому, как говаривал тогда Черчилль, «русские уже вонзили пару дротиков под хвост и крыло»), подтолкнув его к более активному, совместно с Англией, отпору «советской экспансии», начавшей угрожать стратегическим позициям Англии в Западной Европе, на Среднем Востоке и Средиземноморье. Только путем сплочения англоязычного мира на антисоветской основе можно было, по глубокому убеждению Черчилля, сохранить основу Британской империи и обеспечить Англии привилегированную роль главного партнера нового лидера Запада — Соединенных Штатов.

К работе над речью Черчилль вплотную приступил уже с середины января 1946 г. в Майами, куда он приехал для отдыха по совету своих врачей. Он трудился над ней с особым тщанием, рассчитывая поставить ее в ряд со своими лучшими речами предвоенного и военного времени, также звавшими на борьбу с общим врагом. 10 февраля Черчилль прибыл в Вашингтон и имел полуторачасовую беседу с Трумэном, единственный след которой сохранился в дневнике присутствовавшего на ней военного помощника президента адмирала У. Леги: «Г-н Черчилль говорил с президентом в основном о своей речи в Вестминстерском колледже, намеченной на 5 марта. Темой будет необходимость всестороннего военного сотрудничества Великобритании и Соединенных Штатов во имя сохранения мира... Предвижу сильные протесты Советов против нашего двухстороннего военного объединения»...

17 февраля в Майами специально для встречи с Черчиллем прилетает госсекретарь

* Настоящий перевод выполнен по тексту, который был опубликован в сборнике выступлений У. Черчилля «The Sineus of Peace. Post-War Speeches by Winston S. Churchill», изданном в 1948 г. под редакцией сына У. Черчилля Рэндалфа Черчилля. На русском языке полный текст фултонской речи публикуется впервые. В периодической печати и научных изданиях давались отдельные извлечения из нее, переведенные, очевидно, из других источников. Они, однако, носили фрагментарный характер, в ряде случаев значительно расходились с публикуемым вариантом и, соответственно, требовали уточнения.

США Джеймс Бирнс вместе со старым приятелем англичанина американским финансистом и советником президентов Барнадом Барухом. Официальной версией поездки были «визит вежливости» и обсуждение проблемы американского займа Великобритании. Лишь много лет спустя Бирнс признался, что другой темой встречи была предстоящая речь Черчилля. О том же писал и сам Черчилль в депеше от 17 февраля своему преемнику на Даунинг-стрит Клименту Эттли. Рассказав, что собирается построить свою речь вокруг идеи «братского единения» с США во имя «общей безопасности» в «случае угроз», Черчилль подчеркнул, что «уже опробовал» этот тезис на Трумэне и Бирнсе, которым он, «судя по всему, очень понравился». Тем самым Черчилль как бы согласовывал свою предстоящую речь с английским правительством, подавая ее в нарочито общих тонах и к тому же как нечто уже получившее поддержку Белого дома. Эттли в ответ благословил Черчилля словами: «По моему убеждению, Ваша фултонская речь сделает доброе дело».

Гораздо детальнее фултонская речь была согласована с Белым домом. 3 марта Черчилль вновь прибыл в Вашингтон, чтобы оттуда по приглашению Трумэна отправиться в Фултон вместе с ним на президентском поезде. В тот же день он показал почти готовый вариант речи Бирнсу и Леги. По словам Черчилля (из его отчета К. Эттли и Э. Бевину от 7 марта), последний воспринял текст «с энтузиазмом», а первый «пришел в радостное возбуждение и не предложил никаких изменений». Тогда же Бирнс подробно проинформировал о содержании речи самого президента. Трумэн, по свидетельству его ближайшего помощника и участника фултонской поездки Кларка Клиффорда, сказал, «что не будет читать окончательный вариант с тем, чтобы позднее он смог бы сказать, что не давал на него предварительного одобрения». Однако, добавляет затем Клиффорд, когда в поезде текст был роздан сотрудникам Белого дома и журналистам, Трумэн «не смог удержаться от его прочтения».

Итоговую реакцию президента описал сам Черчилль в том же послании Эттли и Бевину: «Он сказал мне, что речь, по его мнению, восхитительна и не принесет ничего, кроме пользы, хотя и надевает шума».

Итак, речь Черчилля детально обсуждалась с руководством США, включая самого президента. При этом американцы, по свидетельству Черчилля, не исправили в ней ни единого слова, хотя имели к тому все возможности. «Зеленый свет» со стороны Белого дома был, разу-

меется, не случаен. Трумэн, несмотря на предупреждения своих советников о том, что Черчилль может «зайти далеко» и «связать его своей речью», несмотря на то, что резко антисоветский характер этой заготовки уже верно угадывался и некоторыми журналистами, не только не попытался умирить пыл Черчилля или дистанцироваться от него, но, напротив, усиленно демонстрировал свои близкие отношения с ним (включая суточную совместную поездку в Фултон) и создавал рекламу этому событию. Еще 20 декабря 1945 г. госдепартамент объявил о предстоящей речи как о важном событии, и последующие многочисленные сообщения в прессе о контактах Черчилля в Белом доме изрядно подогрели к ней общественный интерес.

Мотивы Трумэна станут понятнее, если обратиться к той скрытой метаморфозе, которую претерпевала политика США в отношении СССР как раз в те предфултонские недели. В начале января Трумэн сделал резкий выговор Бирнсу за чрезмерное «потакание» русским в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в вопросе о международном контроле над атомной энергией в ходе Московского совещания министров иностранных дел. «Я устал нянчиться с Советами!» — заключил президент. За этим последовал скандал, разразившийся вокруг советского атомного шпионажа в Канаде, и речь Сталина от 9 февраля, воспринятая на Западе как призыв к новому противоборству с капитализмом. 12–13 февраля — по горячим следам первой беседы Трумэна с Черчиллем — Бирнс предпринимает сразу несколько шагов по ужесточению советской политики администрации: пересматривает свою прежнюю позицию по признанию болгарского и румынского правительств, резко протестует против советской «экономической эксплуатации» Венгрии, выставляет новые требования по Австрии и Албании. 22 февраля госдепартамент (до того придерживавшийся нейтралитета в этом вопросе) начинает тайно подталкивать иранское правительство к постановке вопроса о военном присутствии СССР в Иране на рассмотрение Совета Безопасности ООН. В тот же день из Москвы в Вашингтон приходит ставшая исторической «длинная телеграмма» временного поверенного США в Москве Джорджа Кеннана, давшая концептуальное обоснование будущей стратегии «сдерживания» СССР. Депеша попала на уже хорошо удобренную почву и произвела фурор в Вашингтоне, усилив позиции сторонников «жесткой» линии. Еще через несколько дней в Белом доме принимаются пока еще необъявленные решения о назначении Баруха представителем США в Комиссии по атомной энергии (что, как понимали посвященные, означало конец сотрудничества с СССР в этом вопросе) и об отправке крупнейшего в мире аме-

риканского линкора «Миссури» в Стамбул под предлогом доставки тела турецкого посла, а на самом деле для демонстрации поддержки Турции в трудный для нее момент противостояния советским требованиям в вопросе о проливах и территориальных претензиях по Карсу и Ардогану (о чем Трумэн по секрету поведал Черчиллю между покером и виски по пути в Фултон). В целом речь впервые шла о нажиме на СССР сразу по всем болевым направлениям, включая защиту интересов Британской империи в Средиземноморье и Малой Азии. Публичный намек на эту новую линию — сочетание «терпения и твердости» в отношениях с Советским Союзом — содержался в программной речи Бирнса в Нью-Йорке 28 февраля.

В этой обстановке начавшегося пересмотра своей политики Трумэну было крайне важно прозондировать реакцию на него со стороны СССР — не уступит ли он (в частности по Ирану) уже на ранней стадии, столкнувшись с перспективой появления англо-американского блока? Не случайно именно на 5 марта — как бы в аккомпанемент черчиллевскому предупреждению в адрес СССР — Белый дом наметил (и осуществил) серию новых наступательных шагов: требование предоставить копии всех экономических соглашений СССР со странами Восточной Европы, протест против советского экономического вмешательства в Маньчжурии, требование объяснения причин задержки советских войск в Иране и официальное объявление о визите в Стамбул линкора «Миссури».

Не менее важно для Трумэна было прощупать и настроения самой американской общественности, готовность которой к столь серьезному повороту в отношениях со вчерашним союзником оставалась под вопросом. С помощью популярного в США златоуста Черчилля можно было убить не только этих двух зайцев, но еще и третьего — склонить общественное мнение к необходимости более активного противодействия «советской угрозе».

Теплым весенним днем 5 марта Черчилль произнес свою речь в переполненном спортзале Вестминстерского колледжа. Ее полностью транслировали крупнейшие радиокomпании США, подробно излагали ведущие западные газеты и телеграфные агентства. Особое внимание с самого начала уделялось, пожалуй, самому запоминающемуся пассажи о «железном занавесе». Хотя сам этот сочно-образный термин был изобретен не Черчиллем (и даже не Гейббельсом, как принято считать)*, только прозвучав в его устах на весь мир, он вошел в широкий оборот.

Как и предвидел Трумэн, речь экс-премьера наделала немало шума по обе стороны Атлантики. Однако публичная реакция в США, Западной Европе и самой Англии оказалась

противоречивой, отражая неготовность западной общественности сразу пойти так далеко в англо-американском противодействии СССР, как предлагал Черчилль. Особенно много возражений в США вызвала идея создания англо-американского военного союза, грозившего втянуть Америку в чужие конфликты. Это побудило Трумэна к большему публичному отстранению от спорной речи: на пресс-конференции 8 марта президент озвучил запасную версию о своем предварительном «неведении» относительно ее содержания (чему Черчилль, к радости американцев, не стал перечить на публике) и снизил уровень официального представительства администрации на последующих чествованиях Черчилля в Нью-Йорке. Вместе с тем Трумэн отказался осудить идею англо-американского союза и заявил, что Объединенный штабной комитет США и Англии, созданный в годы войны, продолжит свою работу в Вашингтоне. Версию «непричастности» администрации повторил и Бирнс, одновременно подчеркнув, что курс «твердости» в отношении СССР будет продолжен.

Английское правительство воздержалось от комментариев, хотя большая группа лейбористов в парламенте предложила осудить Черчилля за попытку «нанести ущерб хорошим отношениям» между тремя великими державами. Зато «Форин офис» втайне аплодировала Черчиллю. «Должен отметить, — записал в дневнике 6 марта секретарь Бевина Пирсон Диксон, точно схватывая суть фултонского призыва, — что речь Уинстона отражает чувства всех нас и никто, кроме него, не смог бы этого сказать. Он призывает к чему-то более тесному, чем просто союз между Британской империей и США; это нечто будет представлять собой столь подавляющую силу, что никто (то есть Россия) не сможет бросить ей вызов, и мир тем самым будет обеспечен. Если же мы вернемся к прежнему равновесию между тремя державами, то война возможна и даже неизбежна, ибо Россия будет давить и захватывать, пользуясь нашей временной слабостью и неустойчивостью Америки».

Сам Черчилль, судя по всему, был доволен своим выступлением, назвав его в тот же вечер в компании Трумэна «самой важной речью моей карьеры». Он знал главное: несмотря на

* Еще в 1918 г. Василий Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» писал о «железном занавесе», отскакиваемом «над русской историей», а два года спустя английская публицистка Э. Сноудэн в книге о России назвала ее «странной за железным занавесом». Сам Черчилль впервые употребил эту полюбившуюся ему метафору в «советском контексте» в своей телеграмме Трумэну от 12 мая 1945 г., а затем повторил ее в беседе с советским послом в Лондоне Ф. Гусевым 18 мая того же года.

широкую общественную критику речи, ключевой адресат — американский политический истеблишмент — прислушался к ней и быстро идет к нему навстречу. «После почти трех дней самого тесного и дружественного контакта с президентом и его ближайшим окружением, а также длительной беседы с м-ром Бирнсом, — писал Черчилль в своем отчете для Эттли и Бевина, — я полностью убедился в том, что здешняя исполнительная власть глубоко уязвлена обращением со стороны русских и не собирается терпеть их нарушения договоров в Иране, проникновение в Маньчжурии и Корею или давление русской экспансии в Турции и Средиземноморье. Я убежден, что определенная демонстрация мощи и силовое сопротивление необходимы для достижения приемлемого урегулирования с Россией. Предсказываю, что в ближайшем будущем к этому сведется и преобладающее мнение в Соединенных Штатах». «Американский орел», по словам Черчилля, «приходил в движение», в чем англичанин явно видел и свою заслугу. Сознание хорошо выполненного долга омрачалось лишь предчувствием неприятностей со стороны Кремля: по рассказам очевидцев, после речи, в тесном кругу друзей, Черчилль со вздохом предположил, что «дядюшка Джо не будет больше присылать мне армянского коньяку». Однако отказом в коньяке дело не ограничилось.

Сталин, несомненно, был быстро проинформирован о фултонской речи и обстоятельствах вокруг нее через тассовки и шифротелеграммы (полный тассовский перевод речи для руководства появился уже утром 6 марта). С характерной для него осторожностью пару дней он выжидает, и только 8 марта, после того как выяснилась первая международная реакция, в «Правде» появляется корреспонденция ТАСС с кратким обзором критических откликов на речь в США и Англии. Этим, казалось, можно было бы и ограничиться, замолчав содержание самой речи, практически недоступной для массовой советской аудитории. Но 11 марта (когда внешние отклики на речь уже пошли на спад) в «Правде» дается ее развернутое изложение и большая редакционная статья «Черчилль бряцает оружием», на следующий день «Известия» публикуют разгромный материал академика Е. Тарле на ту же тему, а еще через день появляется знаменитое «Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля». Чего же хотел добиться Сталин этим оглушительным ответом Черчиллю, наверняка согласованным с другими членами Политбюро? Вопрос не простой, ибо мотивы и положение Сталина были сложнее, чем у Черчилля и Трумэна, а объясняющих их документов пока недостаточно. И все же попробуем это сделать, опираясь на доступные нам сегодня данные.

Фултонские откровения Черчилля вряд ли явились для Сталина сюрпризом. Они лишь подтвердили его устойчивую оценку Черчилля как неисправимого врага советской власти, «наступившего на горло» своей антисоветской песне только перед лицом общей смертельной угрозы со стороны нацизма. Теперь, когда эта угроза миновала, Черчилль закономерно возвратился к своей прежней роли «вдохновителя» и «подстрекателя» нового крестового похода против СССР. Еще в ноябре 1945 г. Сталин предупреждал коллег по Политбюро, что «Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР». В Фултоне Черчилль окончательно сбросил с себя маску дружелюбия, и для Сталина это было понятнее и даже предпочтительнее былого «двурушничества».

Сложнее и серьезнее обстояло дело с позицией США в свете этого фултонского эпизода. Сталин тогда вряд ли знал все перипетии согласования речи Черчилля с американцами, но и общеизвестных обстоятельств было вполне достаточно (тем более при безграничной сталинской подозрительности), чтобы сильно усомниться в трумэнновской версии «полного неведения». С точки зрения Сталина, речь могла идти в лучшем случае о попустительстве со стороны Белого дома, а в худшем — о его преднамеренном сговоре с Черчиллем. Сталин и его окружение прекрасно понимали, что означает в силовом измерении соединение военно-промышленной мощи США и их атомного оружия с глобальной стратегической инфраструктурой Британской империи в виде колониальных владений, военных баз и стратегических форпостов. Не случайно именно эти места фултонской речи были подчеркнуты жирным карандашом в молотовском экземпляре ее тассовского перевода. В Кремле наверняка бросился в глаза и контраст у Черчилля между смачной прописанностью угрозы и крайней расплывчатостью предложенных позитивных стимулов, которые трудно было найти даже «между строк».

Фултонское действие явилось для Сталина серьезным сигналом тревоги, вызовом со стороны бывших союзников, который даже по чисто внешнеполитическим соображениям нельзя было оставить без ответа.

В публичной части этого ответа Сталина просматривается главный мотив — заклеить Черчилля поджигателем новой войны, лютым врагом советского народа и попытаться изолировать его в глазах мирового общественного мнения как опасного ретрограда, пытающегося вопреки логике истории навязать господство англосаксов всему остальному миру. Попутно подчеркивался контраст между империалисти-

ческими происками «г. Черчилля и его друзей» и оплотом мира — Советским Союзом и «простыми людьми» всех стран.

Другой ответный сигнал, адресованный непосредственно Белому дому, Сталин послал, так сказать, по дипломатическим каналам во время своей первой после Фултонской речи беседы с официальным американским лицом — новым послом США в Москве У. Смитом 4 апреля. Здесь он первым делом резко отчитал американскую сторону за попустительство, заявив, что выступление Черчилля в США «не семейное, а государственное дело», что советское правительство не допустило бы подобного «оскорбления союзников» и не понимает, «почему такое же отношение не было проявлено к Советскому Союзу в США». Но помимо этого прямого выговора Сталин использовал и более тонкий ход, намекнув на то, что вряд ли в интересах США идти на поводу у Черчилля в советских делах. Он напомнил Смит, что Черчиллю раз уже «удалось организовать военную интервенцию против Советского Союза и повести за собой Соединенные Штаты». «Думаю, — многозначительно добавил Сталин, — что Черчилль и его друзья попытаются и на сей раз повести за собой Соединенные Штаты». Здесь за личиной чуть ли не дружеского предостережения угадывается настойчивое стремление Сталина вбить клин между двумя своими потенциальными противниками, играя на американских опасениях насчет «таскания каштанов из огня» ради коварных англичан. Та же тактика «разведения» США и Англии просматривалась и в других советских публичных комментариях к Фултону. В них избегалась критика американской политики, подчеркивалось дистанцирование Трумэна, акцентировались (как в статье Е. Тарле) давние традиции российско-американского сотрудничества как имеющие более глубокую историю, чем англо-американские особые отношения. Для демонстрации своей тактической гибкости и миролюбия Сталин после Фултона пошел и на некоторые практические шаги в сторону американцев: согласие послать наблюдателей на сессию МВФ в США, которую СССР ранее бойкотировал, ускорение вывода советских войск из Мукдена и Борнхольма. Однако в главных вопросах, прежде всего о Восточной Европе и иранском кризисе, советская позиция осталась неизменной, что объяснялось не только локальными факторами, но и явным нежеланием Сталина идти на серьезные геополитические уступки под нажимом англо-американцев (что, помимо прочего, подтвердило бы правоту тезиса Черчилля о том, что русские уступают только превосходящей силе). Напротив, в первую послефултонскую неделю советская сторона

усилила нажим на иранское правительство, так что ответ Сталина Черчиллю в западной печати соседствовал с сообщениями о «продвижении советских танков к Тегерану», что, естественно, подрывало его миролюбивое звучание. Шумиха вокруг иранского кризиса, активное использование Вашингтоном и Лондоном трибуны ООН для публичного осуждения «советской экспансии» в этом регионе немало способствовали тому, что Сталин в итоге проиграл Черчиллю в борьбе за американское общественное мнение. Через месяц после Фултона, согласно опросам, число сторонников англо-американского союза увеличилось более чем вдвое (до 85%), а доля осуждающих «поведение русских» возросла до 71%.

Но у Сталина был и «домашний» адресат, внутренние резоны для педалирования Фултонской истории. Месяц назад в предвыборной речи в Большом театре он призвал народ к новому рывку в экономике и повышению обороноспособности страны, напомнив об агрессивности мирового капитализма и сохранении угрозы войны. И хотя послушный партийно-пропагандистский аппарат исправно создавал картину всенародного одобрения новой пятилетки, Сталин знал, как истосковалась страна по покою и миру, как сильно в народе стремление расслабиться после крайнего напряжения сил военных лет. Он уже начинал готовить почву для «закручивания гаек» внутри страны, выпуская вперед А. Жданова, который на весенних совещаниях в ЦК ссылается на «указание тов. Сталина» всерьез заняться «лечением недостатков работы на идеологическом фронте», решительно отказаться от той установки, «что после войны людям надо дать отдохнуть и т.д.».

Речь Черчилля здесь пришлась как нельзя кстати — она воскрешала позабытый за годы войны образ старого врага, а абстрактная угроза новой войны обретала вполне реальное лицо, зовя к бдительности и боеготовности. Но здесь нельзя было и перегибать палку, тем более что в ряде мест, как сообщалось в закрытых сводках МГБ и ЦК, весть о речи Черчилля и так вызвала панические настроения населения, побежавшего скупать продукты на случай новой войны.

Поэтому в своих «ответах» «Правде» Сталин внимательно дозирует соотношение тревоги и уверенности, призывая народ с помощью Черчилля к бдительности и одновременно к выдержке. Вот как он сам сформулировал суть своего обращения к стране в майской (1946 г.) беседе с польскими лидерами Берутом и Осубкой-Моравским: «Выступление Черчилля — это шантаж. Цель его была запугать нас. Вот почему мы так грубо и ответили на выступление Черчилля... нельзя было позво-

лить черчиллям запугать наших людей». Сталин здесь, правда, немного лукавил, ибо именно он позволил Черчиллю запугивать советских людей, предоставив ему широкую трибуну в СССР.

Сам Черчилль был убежден, что вышел победителем из этой заочной схватки со Сталиным, хотя остался уязвлен грубым личным выпадам со стороны своего недавнего «товарища по оружию». «Многое из того, что тогда казалось спорным или неожиданным, — говорил он о своей речи полтора года спустя, — теперь стало основой англо-американского мышления». Действительно по, события после Фултона развивались по черчиллевскому сценарию крепнущего англо-американского

единства в борьбе двух миров. Вообще речь Черчилля предвосхитила основные черты грядущей эпохи «холодной войны» с ее биполярным расколом мира, центральной ролью англо-американской «оси» в западной системе, идеологической конфронтацией и погоней за ядерно-силовым превосходством. Но это было пророчество особого, самосбывающегося, типа в том смысле, что фултонская речь впервые открыто сформулировала фундаментальный западный вызов Сталину, который тот не мог не принять. Созданная им система была еще слишком сильна, чтобы капитулировать, но слишком слаба, чтобы победить в той борьбе, в которую она ввязалась. На выяснение этой истины и ушли долгие годы «холодной войны».

«Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ»

*У. Черчилль
произносит речь.*

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень. Название «Вестминстер» мне кое-что говорит¹. Кажется, что я его где-то слышал. Ведь именно в Вестминстере я получил львиную долю своего образования в области политики, диалектики, риторики, ну и еще кое в чем. В сущности, мы с вами получили образование в одних и тех же или схожих учебных заведениях.

Также честь, возможно почти уникальная, для частного лица — быть представленным академической аудитории президентом Соединенных Штатов. Обремененный множеством различных забот и обязанностей, которых он не жаждет, но от которых не бежит, президент проделал путь в 1000 миль для того, чтобы почтить своим присутствием нашу сегодняшнюю встречу и подчеркнуть ее значение, дав мне возможность обратиться к этой родственной стране, моим соотечественникам по ту сторону океана, а, может быть, еще и к некоторым другим странам.

Президент уже сказал вам о своем желании, которое, я уверен, совпадает с вашим, — чтобы я в полной мере был волен дать вам мой честный и верный совет в эти беспокойные и смутные времена.

Я, разумеется, воспользуюсь этой предоставленной мне свободой и чувствую себя тем более вправе сделать это, что какие бы то ни было личные амбиции, которые я мог иметь в мои молодые годы, давно удовлетворены сверх моих самых больших мечтаний. Должен, однако, заявить со всей определенностью, что у меня нет ни официального поручения, ни статуса для такого рода выступления и я говорю только от своего имени. Так что перед вами только то, что вы видите.

Поэтому я могу позволить себе, пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попы-

таться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен.

Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны. Мы должны, и, думаю, сможем, оказаться на высоте этого жесткого требования.

Когда американские военные сталкиваются с какой-либо серьезной ситуацией, они обычно предрекают свои директивы словами «общая стратегическая концепция». В этом есть своя мудрость, поскольку наличие такой концепции ведет к ясности мышления. Общая стратегическая концепция, которой мы должны придерживаться сегодня, есть не что иное, как безопасность и благополучие, свобода и прогресс всех семейных очагов, всех людей во всех странах. Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домочадцев от лишений и воспитать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль. Чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных жилищ, они должны быть защищены от двух главных бедствий — войны и тирании. Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы, со всеми ее былыми ценностями, и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленных людей либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют «неисчислимой суммой человеческих страданий». Наша главная задача и обязанность — оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны.

Наши американские военные коллеги, после того как они определили «общую стратегическую концепцию» и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу — поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие. Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, премирница Лиги Наций² с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни³ Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что в конце концов мы сможем достичь нашей общей цели.

Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеблей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными вооруженными силами. В таком деле мы можем продвигаться только постепенно, но начать должны сейчас. Я предлагаю, чтобы всем государствам было предложено предоставить в распоряжение Всемирной Организации некоторое количество военно-воздушных эскадрилий. Эти эскадрильи готовились бы в своих собственных странах, но перебрасывались бы в порядке ротации из одной страны в другую. Летчики носили бы военную форму своих стран, но с другими знаками различия. От них нельзя было бы требовать участия в военных действиях против своей собственной страны, но во всех других отношениях ими руководила бы Всемирная Организация. Начать создавать такие силы можно было бы на скромном уровне и наращивать их по мере роста доверия. Я хотел, чтобы это было сделано после первой мировой войны, и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно — тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии⁴, Билля о правах⁵, закона Хабеас Корпус⁶, суда присяжных и английского общего права⁷ обрели свое самое знаменитое выражение в Декларации Независимости. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями. Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме. Таково послание британского и американского народов всему человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Итак, я определил две главные опасности, угрожающие семейным очагам людей. Я не говорил о бедности и лишениях, которые зачастую тревожат людей больше всего. Но если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокою школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время, в этот печальный и оцепеняющий момент, нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет, и может быть, быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия. Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Бёрка Кокрана: «На всех всего достаточно. Земля — щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире».

Итак, до сих пор мы в полном согласии. Сейчас, продолжая пользоваться методикой нашей общей стратегической концепции, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством⁸ и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изуче-

нию потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмена офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это намного повысило бы мобильность вооруженных сил Британской империи, а также, по мере того как мир успокоится, дало бы значительную экономию финансовых средств. Уже сейчас мы совместно пользуемся целым рядом островов; в близком будущем и другие острова могут перейти в совместное пользование. США уже имеют постоянное соглашение об обороне с доминионом⁹ Канада, которая глубоко предана Британскому Содружеству и империи. Это соглашение более действенно, чем многие из тех, которые часто заключались в рамках формальных союзов. Этот принцип следует распространить на все страны Британского Содружества с полной взаимностью. Так, и только так мы сможем, чтобы ни случилось, обезопасить себя и работать вместе во имя высоких и простых целей, которые дороги нам и не вредны никому. На самом последнем этапе может реализоваться (и, я считаю, в конечном счете реализуется) и идея об общем гражданстве, но этот вопрос мы вполне можем оставить на усмотрение судьбы, чью протянутую нам навстречу руку столь многие из нас уже ясно видят.

Есть, однако, один важный вопрос, который мы должны себе задать. Будут ли особые отношения между США и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Мой ответ: такие отношения, напротив, представляют собой, вероятно, единственное средство, с помощью которого эта организация сможет обрести статус и силу. Уже существуют особые отношения между США и Канадой и южноамериканскими республиками. У нас также имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимной помощи с Россией¹⁰. Я согласен с министром иностранных дел Великобритании г-ном Бевином¹¹, что этот договор, в той степени, в какой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет. Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество. Наш союз с Португалией действует с 1384 года и дал плодотворные результаты в критические моменты минувшей войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения. Напротив, они могут помогать работе Всемирной Организации. «В доме Господа всем хватит места». Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы.

Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, — «если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга», — то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли.

Могут вернуться времена средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению. Я поэтому взываю: будьте бдительны. Быть может, времени осталось уже мало. Давайте не позволим событиям идти самотеком, пока не станет слишком поздно. Если мы хотим, чтобы был такой братский союз, о котором я только что говорил, со всей той дополнительной мощью и безопасностью, которые обе наши страны могут из него извлечь, давайте сделаем так, чтобы это великое дело стало известным повсюду и сыграло свою роль в укреплении основ мира. Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии — я не сомневаюсь, что и здесь тоже, — питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я счи-

таю своим долгом изложить вам некоторые факты — уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, — о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина¹² на Балтике до Триеста¹³ на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

После боев в июне прошлого года американская и британская армии в соответствии с достигнутым ранее соглашением отошли на Запад по фронту протяженностью почти в 400 миль на глубину, достигшую в некоторых случаях 150 миль, с тем чтобы наши русские союзники заняли эту обширную территорию, которую завоевали западные демократии.

Если сейчас Советское правительство попытается сепаратными действиями создать в своей зоне прокоммунистическую Германию, это вызовет новые серьезные затруднения в британской и американской зонах и даст побежденным немцам возможность устроить торг между Советами и западными демократиями. Какие бы выводы ни делать из этих фактов, — а все это факты, — это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постигнуть любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону «железного занавеса», который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. В Италии деятельность коммунистической партии серьезно скована необходимостью поддерживать претензии обученного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в центре Адриатики. Тем не менее ситуация в Италии остается неопределенной. Опять-таки невозможно представить восстановленную Европу без сильной Франции. Вся свою жизнь я выступал за существование сильной Франции и никогда, даже в самые мрачные времена, не терял веры в ее будущее. И сейчас я не теряю этой веры. Однако во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывает перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или

осенью 1945 года, и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы настолько хорошо информированы о Дальнем Востоке и являетесь такими верными друзьями Китая, что мне нет необходимости распространяться на тему о положении там.

Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир. Во время заключения Версальского договора¹⁴ я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Я не соглашался со многим из того, что было там сделано, но у меня отложилось очень яркое впечатление от ситуации того времени, и мне больно сопоставлять ее с нынешней. Это были времена больших ожиданий и безграничной уверенности в том, что войн больше не будет и что Лига Наций станет всемогущей. Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире.

С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения¹⁵. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна. Мы не можем позволить себе — насколько это в наших силах — действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа.

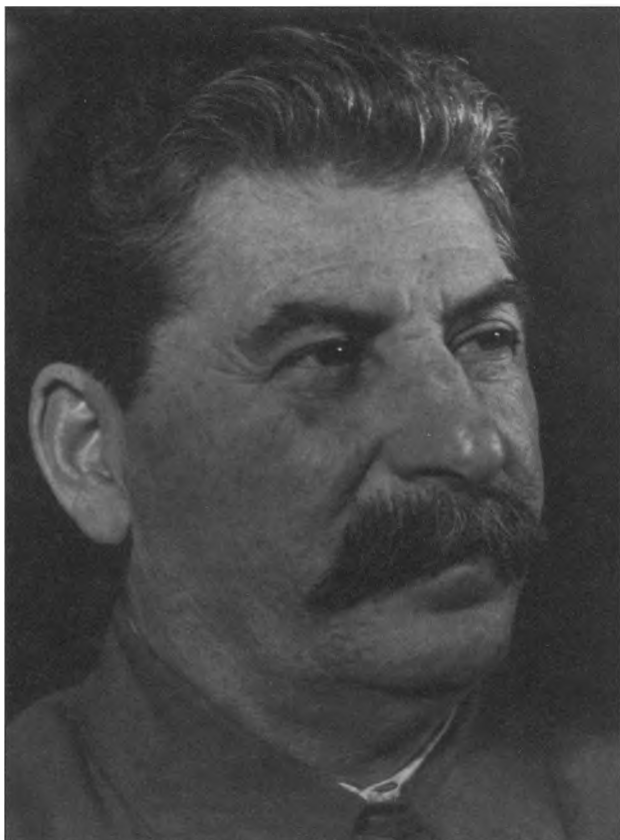
В прошлый раз, наблюдая подобное развитие событий, я взывал во весь голос к своим соотечественникам и ко всему миру, но никто не пожелал слушать. До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорвала огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны позволить такому повториться.

Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 году, хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества. Пусть вы видите на нашем острове 46 миллионов человек, которые испытывают трудности с продовольствием, и пусть у нас есть сложности с восстановлением нашей промышленности и экспортной торговли после 6 лет беззаветных военных усилий, не думайте, что мы не сможем пройти через эту мрачную полосу лишений, так же, как мы прошли через славные годы страданий, или что через полвека нас не будет 70 или 80 миллионов, проживающих по всему миру и единых в деле защиты наших традиций, нашего образа жизни и тех вселенских ценностей, которые мы с вами исповедуем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, в науке и экономике, то будет исключен тот неспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности. Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее — не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.

- 1 Вестминстер — район Лондона, в котором находятся парламент и ряд правительственных учреждений Великобритании. В переносном смысле иногда упоминается как правительство Великобритании.
- 2 Лига Наций — международная межправительственная организация, существовавшая в период между первой и второй мировыми войнами. Создана по решению Версальской мирной конференции 1919 г. США Версальский договор не ратифицировали и, соответственно, не являлись членами Лиги Наций.
- 3 Вавилонская башня — по Библии, после всемирного потопа древние люди попытались построить башню до небес. Наказывая их за гордыню, разгневанное божество смешало их языки так, что они перестали понимать друг друга, и рассело по всей земле.
- 4 Magna Carta (Великая хартия вольностей) — грамота, предъявленная баронами английскому королю Иоанну Безземельному и подписанная им 15 июня 1215 г. Хартия ограничивала королевскую власть. Оценивается как историческая основа всех английских свобод и демократии.
- 5 Билль о правах (полное название — «Акт, декларирующий права и свободы подданных и устанавливающий преемственность престола») — акт о конституционных ограничениях прав английской короны, принятый британским парламентом в октябре 1689 г.
- 6 Habeas Corpus Act — принятый британским парламентом в 1679 г. закон, гарантировавший неприкосновенность личности. Считается одним из главных устоев британского права.
- 7 Общее (Обычное) право — так часто называют часть английского права, которая сложилась в форме судебных прецедентов, в отличие от правовых норм и институтов, выраженных в актах парламента. Иногда этим термином также обозначается английское право в целом.
- 8 Содружество — межгосударственное объединение в составе Великобритании и большинства ее бывших колоний и доминионов, получивших независимость. Юридически было оформлено Вестминстерским статутом 1931 г. Первоначально в Содружество входили Великобритания, доминионы Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Ньюфаундленд и Ирландия.
- 9 Доминионы — в прошлом составные части Британской империи, ныне входят в состав Британского Содружества.
10. Договор между СССР и Великобританией о Союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны был подписан в Лондоне 26 мая 1942 г.
В части I договора стороны обязывались оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и ее союзников в Европе. Часть II устанавливала основные принципы послевоенного сотрудничества СССР и Великобритании. Стороны, в частности, договаривались принять все меры для недопущения новой агрессии и нарушения мира Германией и не заключать никаких союзов, направленных против другой стороны. Предусматривалось, что часть II останется в силе в течение 20 лет.
23 октября 1954 г. Великобритания подписала так называемые Парижские соглашения, разрешившие создание западногерманской армии и вступление ФРГ в НАТО. В связи с этим Договор был аннулирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1955 г.
- 11 Бевин Эрнест (1888–1951) — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1945–1951 гг. министр иностранных дел. Участвовал в работе Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 г., глава делегаций Великобритании на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1945), Лондонской (1945), Парижской (1946) и Московской (1947) сессиях Совета министров иностранных дел (СМИД), Парижской мирной конференции (1946).
- 12 Штеттин — немецкое название польского города Щецин на побережье Балтийского моря.
- 13 Триест — крупный порт на побережье Триестского залива Адриатического моря. После второй мировой войны Триест и территория вокруг него стали предметом территориального спора между Италией и Югославией. По мирному договору с Италией (10 февраля 1947 г.) был выделен в «Свободную территорию Триест». В 1954 г. по взаимному соглашению территория Триеста была поделена между Италией и Югославией. Окончательное решение вопроса о Триесте было достигнуто между Италией и СФРЮ в 1975 г.
- 14 Версальский (Парижский) мирный договор 1919 г. — завершил первую мировую войну 1914–1918 гг. Подписан 28 июня 1919 г. США, Великобританией, Францией, Италией, Японией и объединившимися с ними еще 22 государствами, с одной стороны, и Германией — с другой. Конгресс США Версальский договор не ратифицировал.
- 15 Умиротворение — политика, проводившаяся западными державами в отношении гитлеровской Германии во второй половине 30-х гг., когда удовлетворялись, якобы во избежание войны, практически все территориальные претензии Гитлера к другим странам Европы.

И. В. Сталин

о речи У. Черчилля

Ответ
корреспонденту
«ПРАВДЫ»

На днях один из корреспондентов «Правды» обратился к тов. Сталину с просьбой разъяснить ряд вопросов, связанных с речью г. Черчилля. Тов. Сталин дал соответствующие разъяснения, которые приводятся ниже в виде ответов на вопросы корреспондента.

Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь г. Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь г. Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия г. Черчилля состоит в том, что он, как закоренелый тори, не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка г. Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР. Правда, г. Черчилль для того, чтобы запутать читателей, мимоходом заявляет, что

срок советско-английского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет. Но как совместить подобное заявление г. Черчилля с его установкой на войну с СССР, с его проповедью войны против СССР? Ясно, что эти вещи никак нельзя совместить. И если г. Черчилль, призывающий к войне с Советским Союзом, считает вместе с тем возможным продление срока англо-советского договора до 50 лет, то это значит, что он рассматривает этот договор, как пустую бумажку, нужную ему лишь для того, чтобы прикрыть ею и замаскировать свою антисоветскую установку. Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей г. Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи г. Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи г. Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.

Г-н Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Г-н Черчилль квалифицирует все это, как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что г. Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза, как экспансионистские тенденции нашего государства?

Г-н Черчилль утверждает, далее, что «Польское правительство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию».

Здесь что ни слово, то грубая и оскорбительная клевета. Современной демократической Польшей руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство родины так, как не умели это делать их предшественники. Какое имеется у г. Черчилля основание утверждать, что руководители современной Польши могут допустить в своей стране «господство» представителей каких бы то ни было иностранных государств? Не потому ли клеветает здесь г. Черчилль на «русских», что имеет намерение посеять семена раздора в отношениях между Польшей и Советским Союзом?..

Г-н Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР. Было время, когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям вроде г. Черчилля играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу под видом защиты от русских, запутывать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией ус-

*И. Сталин
и У. Черчилль
на Крымской
конференции.*

тупила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит г. Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Что касается нападков г. Черчилля на Советский Союз, в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что г. Черчилль недоволен этим решением. Но почему г. Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось г. Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Г-н Черчилль утверждает, дальше, что «коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии».

Как известно, в Англии управляет ныне государством одна партия, партия лейбористов, причем оппозиционные партии лишены права участвовать в правительстве Англии. Это называется у г. Черчилля подлинным демократизмом. В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий — от четырех до шести партий, — причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у г. Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании, — не ждите ответа от г. Черчилля. Г-н Черчилль не понимает, в какое смешное положение он ставит себя своими крикливыми речами о тоталитаризме, тирании, полицейщине.

Г-ну Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управлял Соснковский и Андерс, Югославией — Михайлович и Павелич, Румынией — князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией — какой-нибудь король из дома Габсбургов и т. п. Г-н Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить «подлинный демократизм». Таков «демократизм» г. Черчилля.

Г-н Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует однако заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Г-н Черчилль иногда вспоминает в своих речах о «простых людях из небольших домов», по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у «простых людей», есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих «простых людей», забаллотировали в Англии г. Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих «простых людей», изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих «простых людей», испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, — решили, что коммунисты вполне заслуживают доверие народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, г. Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему так же не нравилось появление советского режима в России после первой мировой войны. Он так же бил тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки г. Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли г. Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против «Восточной Европы». Но если им это удастся, — что мало вероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад.

№ 06 14 Октября / среда /
Мамин - очень любимый. Я очень много узнаю,
на все окрестности, особенно географическую,
используя, конечно, карты. Не забывает.
Весьма: была очень хороша и добродетельна.

Berlin-Plötzensee, den 10.8.1944
Königsdamm 7

Abschrift
Name des Briefschreibers:
Kranzfelder

Meine liebe Mutter!
Meine lieben Geschwister!

mir w
nung
helfe
alle
sie a
gelie
und "

ВЕСТНИК АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЖУРНАЛ УЧРЕЖДЕН
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
25 ИЮЛЯ 1994 ГОДА

В НОМЕРЕ:

Дневник писателя

«Будь бы работа, а то — скандалы одни:
фракции да подфракции». 105
*Записки Д. А. Фурманова о литературных
группировках 20-х годов.*

Трофейные документы

«Нам легче найти соглашение с Советами». 142
*Неизвестные материалы об участниках
заговора против А. Гитлера 20 июля 1944 года.*

Письма вождям

«Ваше доверие даст мне новые силы...» 154
«Жить и давать жить другим». 155
Предложение Эптона Синклера Н. С. Хрущеву.
«Я не жалею на отношения с вашей
великой страной». 156
О чем Теодор Драйзер просил И. В. Сталина.

Научные связи

«Нарастает желание демонстративно уйти
из германских обществ». 159

Журнал учрежден по Распоряжению Президента
Российской Федерации
№ 403-рп от 25 июля 1994 года

Главный редактор
А. В. КОРОТКОВ

«Будь бы работа, а то — скандалы одни: фракции да подфракции»

Д. А. Фурманов.

Записи Д. А. Фурманова о литературных группировках 20-х годов

«Надо писать нужное и важное, надо писать просто, серьезно и искренне», — говорил Дмитрий Андреевич Фурманов начинающим авторам. Этому принципу он следовал и в дневниках, которые вел до конца короткой жизни (1891–1926).

Творческое наследие Фурманова, традиционно ассоциирующееся лишь с романами «Мятеж» и «Чапаев», представлено еще интереснейшими дневниками, только частично опубликованными в свое время в собраниях его сочинений.

Скрытая пружина интенсивной внутренней жизни Д. Фурманова, строгость и страстность его натуры ощутимы в каждой строчке его дневников, простых и лаконичных. В них занесено все, что волновало или привлекало его внимание: зарисовки эпизодов живой жизни, размышления над ее событиями, наброски замыслов, беспощадные самооценки, сомнения творчества.

В 1921 г. Дмитрий Фурманов, комиссар 25-й стрелковой дивизии, которой до своей гибели командовал В. И. Чапаев, записал в дневнике: «Центр своих интересов и занятий переносу к литературству».

В 1923 г. писатель, работавший политредактором в Госиздате, примкнул к литературной группе «Октябрь»^{*} Она ставила своей задачей объединение писательских сил, что в период всеобщих разногласий в творческой среде было для Фурманова особенно ценным. Эту программу приняла и Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП), секретарем которой он стал в 1924 г.

Послереволюционные годы были отмечены попытками создания «собственно пролетарского

искусства» и «пролетарской литературы» как его части. Кроме того, многочисленные литературные группы и объединения, имевшие различные идейные и эстетические платформы, стремились не только сказать свое слово в поэзии и прозе, но и утвердиться в литературном процессе в главенствующей роли. Писатели и литературные критики, объединенные журналом «Красная новь», не без оснований сомневались в возможности создания совершенно новой пролетарской литературы, поддерживая оставшихся в России профессиональных писателей и их творчество. Литераторы, работавшие в журнале «На посту», напротив, напали на непролетарских «писателей-попутчиков», требуя ограничений, вплоть до запрещения издания их произведений. Разногласия в принципах творчества существовали даже внутри объединенных самих пролетарских писателей.

Не разрешили этих споров ни бесчисленные дискуссии, ни даже резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (июнь 1925 г.) и XIII съезда партии, касавшиеся печати и литературы.

Именно этим событиям и их участникам посвящены дневниковые записи, сделанные Д. А. Фурмановым в 1924–1925 гг. в тягостной атмосфере межгрупповых и межличностных конфликтов. Дух времени, простота и искренность записей, живые образы делают дневники Фурманова привлекательными для чтения.

Для историка литературы эти записи — источник малоизвестных фактов, принципиальных деталей, оригинальных оценок.

В июне 1939 г. Государственным литературным музеем у С. Ф. и В. Л. Лелевичей была приобретена тетрадь в черном дерматиновом переплете, содержащая собственноручные за-

^{*} См. примечание 2 к тексту дневниковых записей. — Ред.

писи Д. А. Фурманова за период с 9 марта 1924 г. по 14 декабря 1925 г. В ноябре 1940 г. хранившийся в фонде музея дневник был направлен в ЦК ВКП(б) в связи с обращением А. Н. Фурманова

к И. В. Сталину, которое и предваряет здесь публикацию текста самого дневника.

В публикации сохранены все особенности авторского стиля, орфографии и синтаксиса.

№ 1

А. Н. Фурманова — И. В. Сталину

Москва, 16 февраля 1940 г

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я обращаюсь к Вам потому, что знаю Ваше чуткое и внимательное отношение к Советским писателям и их работе.

В 1941 году, в марте месяце, исполняется 50 лет со дня рождения Дмитрия Фурманова и 15 лет со дня его смерти.

Четырнадцать лет я работаю над его литературным наследством, которое включает в себе много интереснейших и ценнейших исторических материалов — периода мировой войны, в которой он непосредственно участвовал, периода гражданской войны и борьбы его с враждебным руководством ВАППа.

В 1929 году я беседовала с А. М. Горьким, который обращал мое особое внимание на необычайную ценность всех его записок, зарисовок и дневников. Он говорил: «Берегите каждый листочек, — он имеет огромнейшую историческую и художественную ценность».

После смерти Дмитрия Фурманова было много пышных слов, была даже создана комиссия по увековечению его памяти, но за четырнадцать лет никто не интересовался архивом, почти никто не писал о его творчестве, а из его произведений только «Чапаев» выходил в большом количестве, остальные его произведения или издавались один-два раза, а многое совсем не видало света.

В 1938 году я обратилась в Гослитиздат с просьбой начать подготовку к юбилейному изданию собрания сочинений.

В начале это было включено на 1939 год, потом перенесено на 1940 год, а сейчас из плана издания 1940 г., кроме «Чапаева» для Белоруссии, все исчезло.

В 1939 году я обращалась письменно к тов. Жданову и передала это письмо тов. Александрову — ответа у меня пока нет.

Я обращалась в Союз писателей, но, к моему сожалению, я до сих пор не могу поговорить с тов. Фадеевым.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я не могу понять такого равнодушного отношения к человеку, который всю свою короткую жизнь отдал делу партии, писателю, на произведениях которого училось и учится молодое поколение борьбе за дело коммунизма.

С моей точки зрения, произведения, которые оставил после себя Фурманов, не менее ценны, чем «Чапаев».

Фурманов еще далеко не раскрыт как художник-писатель Великой эпохи. Фурманов — это не только «Чапаев», он гораздо шире и глубже в остальных его произведениях.

Я прошу Вас вмешаться в это дело — дать задание Гослитиздату о включении в план 1940–1941 гг юбилейного собрания сочинений, подготовленного уже мною к печати, создание специальной комиссии по подготовке к проведению юбилея, если Вы считаете это необходимым.

А. Фурманова,
член ВКП(б) с января 1918 г.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 281. Л. 1–3. Подлинник, машинопись, подпись—автограф.

№ 2

Дневник Д. А. Фурманова за 1924–1925 гг.

Сереза*

Эту книгу сделал и переплел, и подарил мне тот, кого не могу забыть и не забуду: Сереза!'

Он был тогда мальчиком. Ему было 16 лет. Гражданская война подхватила, завихрилась,

* Здесь и далее подчеркнуто автором. — Ред.

умчала — в какую даль! В Бухару! Какая-то Гиссарская экспедиция. В сухих, голодных горах пламенной Бухары. Там, где скачут горные золотые козлы, где орлы парят над скалами, где люди дики как звери — там погиб любимый, незабываемый Сережа.

Память о брате овеяна лучшими воспоминаниями юности. Сережа — это моя собственная юность, мои начала, ранние ростки, мои первые детские надежды, моя светлая вера в победу. Сережа не дожил до наших дней. Как это скорбно сказать самому себе. Мир праху твоему, брат!

9.III.1924

Алло!

Я вступил членом в «Октябрь»².

— А ну-ка, ребята, покажите мне все материалы: как вы жили, что делали!

— Да нет у нас ничего.

— Как ничего? А протоколы заседаний, документы — это все где?

— И не было... Безыменский³ не записывает, а Либединский⁴ до последнего времени был «принципиально против».

— Эх, ослы!

Мысленно и устно закоряю.

Постановили: пять человек по очереди строго протоколируем. И все храним. А сам по себе — отрядил я эту книжку — дорогой подарок Сережи, которую хранил я до редкого случая — эту книжку отрядил для беглых заметок. Времени враждебно мало. Но для летучих заметок найду, потому что надо найти.

Стану писать — это же материал⁵! Как можно проходить мимо! Преступно!

9.III.1924

Начало работы.

Я выбран ответственным секретарем МАПП⁶.

Везет мне на этом пути: В 18-м году только-только вступил из анархистов в РКП — забухали секретарем губкома⁷ Теперь — без году неделю в «Октябре» — назначили «генеральным секретарем МАПП» — так прежде назывался у них этот типс. С охотой, с большим интересом берусь за работу.

Главное препятствие, конечно, время. Тут я в смущении:

1. Госиздат⁸ ухватывает часов до 7–8.

2. Надо следить за периодической и непериодической печатью, надо все прочесть, знать.

3. Немало надо прочесть *ex officio** — на отзыв.

4. Статьи и заметки по разным журналам.

5. Пишу «Мятеж»⁹, писал, положил,

* По должности, по обязанности (лат).

«Штарк»¹⁰, сценарий «Чапаева»¹¹, много вечеров посвятил редактированию речей Троцкого на конгрессе КИН¹² и так далее.

6. Посещение ячейки¹³.

7. Руководство кружком политграмоты¹⁴.

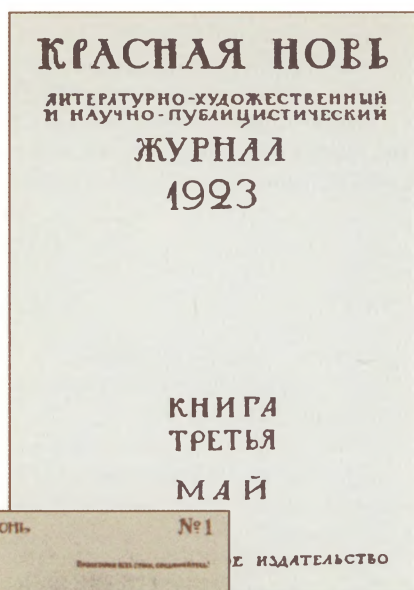
8. Редактирование части материалов для стенной газеты.

Уже не говорю о том, что иной раз в театр, на лекцию надо заглянуть и так далее. Словом, время занято чрезвычайно. А эта работа требует к себе внимания, скрупулезной заботливости, сосредоточенной памяти обо все деталях — и, как ответственный секретарь, должен буду предвидеть, толкать, будить, приводить в ход всю машину. Но, в конце концов, как ни будь занят — раз имеется большая охота — как-то со всем успеваешь справиться. Отбираю ото всех и всяческие материалы, группирую, анализирую их тщательно, от «стариков-октябристов» узнаю всю подноготную, намечаю перспективы большого пути и всяких временных троп и тропинок, распределяю работу всеми членами и — ходу!

Сегодня из Гуся Хрустального приехал Безыменский. Его не было в Москве целый месяц. Как дружески все его встретили!

А с Лелевичем¹⁵ они, видимо, сердечно близки — так и кинулись целоваться, да как! Не прошло минуты, как он вытащил свою прелюдию к «Гуте»¹⁶ — видимо, большой поэме, написанной за эту поездку. Чудесные стихи. Чудесные, очаровательные своими неожиданностями и простотою конструкции, своим ароматом свежести, силой напряженности и задушевной искренности.

Завтра заседание (видимо, первое!) Редакционной Коллегии журнала «Октябрь»¹⁷ Коллегия из 7-ми, но в качестве 8-го и 9-го пригласили меня и Березовского¹⁸. Предполагаю с первого же номе-

ра начать печатать свой «Мятеж». Что-то упрямится Либединский (правда, он прочел всего 20 страниц) — говорит, что надо бы сюжет взять конкретнее и оживить действующих лиц, дав им больше действия. Тут и Тарасов-Родионов¹⁹. Этот начинает мне не нравится со своею критикой: он первый резко выступил против «Штарка», не найдя в нем ничего, абсолютно ничего, одну чепуху; это уже другие потом, отмечая недостатки (с которыми согласился и сам я), нашли в нем нечто, останавливающее на себе внимание. Также грубо пытается он подойти теперь и к «Мятежу» — чепуха, дескать. Я упомянул про «Чапаева» — говорю, что на известные круги он производит прекрасное впечатление... А Тарасов ухмыляется недоверчиво.

— Да ты читал его? — спрашиваю.

— Нет... Я не читал — я перелистывал.

— Он у меня перелистывал — пояснил Юрий — и безусловно не прав насчет Чапаева.

— Да я ничего, — поправился Тарасов, видимо, не желая расходиться во мнениях с Либединским.

В нем чую некое недружелюбие. Откуда оно? Не с того ли началось вопроса, что я ему задал недавно:

— А за что это Вас из РКП шугнули?

Объяснил он путанно.

23.III.[1924].

Октябристы (силуэты)

Либединский — общий любимец. Я считал менее умным, а на деле оказался осведомленным разнообразно, любит свежее, рассуждения верны. Не увлекается.

Безыменский: Глаза налиты страстью и вдохновением. Грузен, но нежен. Любим.

Тарасов — хитер, прежде всего хитер. Потом — медлителен. Честолюбив. Уважается мало.

Хмара-Банквизер²⁰ — не уважается.

Лелевич — крепко уважаем. Мил, незлобив, строго принципиален. Деловит.

Родов²¹ — кипит, волнуется, полон планов, не знает что такое лень и отказ от работы.

Березовский — заподозрен в провокации.

А. И. Безыменский.

Ю. Н. Либединский.

Странно следующее:

I. Сразу «принят» в ГИЗ Николашкой и Otto²².

II. Последний с ним пытался «на ты».

III. С Воронским²³ ласков: под ручку ходит, приглашает к себе на вечеринку.

IV. Соглашательствует, идет на компромиссы, главным образом с «Октябрем».

Не думаем (Родов, я, Лелевич, Либединский), что он прямой агент, но:

I. Косвенно играет в его руку.

II. Раздувает свое имя всяко, в том числе и «дружась» с высокими и «улаживая».

III. Хочет свалить Родова и стать ответственным редактором.

Мы все насторожились по отношению к нему.

Его и меня кооптировали в Редколлегию. Материал отбрасывается в коллегии на основании отзыва лишь того, кто смотрел единолично. Считаю ошибочным. Надо добиться перемены.

С «Октябрем» уговорились: Воронский дал «честное слово» в том, что не станет ни в чем нам препятствовать, наоборот — помогать. Идеологию — ни-ни, только политцензуру.

А. К. Воронский.

1.IV.1924.

С «Кузницей»²⁴ договорились.

По существу, конечно, договорились именно с «Кузницей», а формально — старый ВАПП²⁵ с новым, избрали единый и теперь начнут «дружную, совместную» работу. Берем пока эти желанные слова в подозрительные кавычки. И вот почему. Впрочем, сначала пару слов о переговорах. Мы в том же составе заседали в субботу, 5-го, у Кузнецов — на Тверском, в Герценовском доме²⁶. Брежали часа, примерно, три. Накопали страсти, обострялись укоры, были моменты, когда положение казалось безнадежным.

Мы им говорили:

«Верно, по праву давности, по формальному признаку «легального» избрания на съезде — первенство остается за вами. Вы — «законный» ВАПП. Но ведь за три с лишком года вы решительно ничего не сделали. И потому все мы вправе дохлым считать этот мифический, некогда избранный ВАПП. Вы говорите о большой проделанной работе, особенно за последнее время — но это ведь работа «Кузницы», а не старого ВАПП — не смешивайте. И наряду с Вами — мы, новый ВАПП, орган «узурпировав-

ший» вам принадлежащие права», орган с вашей точки зрения «незаконный» и т. д. и т. д. Но мы за собою имеем революционное право к существованию, ибо Вы ничего не делали, периферия ждала, о съезде речь замерла... Надо было кому-то брать работу на себя. И мы взяли. Теперь вы хотите нас — действенный, подвижно работающий орган — «кооптировать» — а не хотите: «мы вас» кооптируем, нет? Так вот мы не хотим быть на втором плане, ибо в случае разрыва мы и без вас созовем и пленум, и всероссийский съезд, одни все сделаем (и вы это знаете, что мы все сделаем — потому вы и заторопились разговаривать с нами). Итак, если вы действительно хотите объединяться — давайте, но лишь на равных правах, т. е. «не кооптация, а объединение» — вот наша формула». Якубовский²⁷ и Санников²⁸ молчали. Якубовский вообще за два заседания сказал лишь два слова: «Здравствуйте» и «Прощайте». Санников в 3 раза больше. Говорил иезуит Филиппченко²⁹. Всячески извивался — ужом.

«Кооптация, товарищи, в сущности одно и то же, что и объединение — что тут спорить из-за слова... Давайте пока скажем: «объединяемся... и старый ВАПП кооптирует новый в составе...»

Тут его обрывали:

— Замолчи, Филиппченко, не трать даром слов. Ты не с детьми говоришь — точное значение терминов все мы знаем... замолчи.

— Тогда нам придется...

— Да, тогда придется...

Нервничали. Закуривали. Вставали с мест.

Родов — молодец: вовремя предложил 10-ти минутный перерыв. Это разрядило напряженность, успокоило нервы обеим сторонам. После перерыва Филиппченко уставшим голосом, будто нехотя, против воли выдавливая слова — сообщил о согласии. Мы все повскакали, жали друг другу руки, было ликование. Но еще много встанет вопросов: о двух журналах, о составах правлений, о формах объединения, о средствах — да мало ли? Авось перебором и это! Гордость, радость наша все же огромны. И не напрасно: это огромная победа, целый праздник на литературном фронте.

7.IV.1924.

МАПП не даст мне покою в ГИЗ'е.

У меня там паломничество. Непрерывное. Напористое. Оживленное. Это было бы прекрасно, если бы сидел я на стуле секретаря МАПП, но я ведь сижу на стуле политредактора ГИЗ. А хлопцы — беда! Это растолкуй, это отдай перепечатать, этого извести, этому позвони, это обработай и т. д. и т. д. Я уж их всех послал к веселой матери. Ша. Нельзя. В ГИЗ'е косо начнут поглядывать на уход здоровенной доли моего времени по делам МАПП'а — можно, пожалуй, ждть и всяких замечаний, неудовольствий etc. Волну приостановил — она меня чуть не захлестнула. Работа куда какая хорошая, но переть ее без помощи приятелей — немислимо. На первом же заседании правления ставлю вопрос о разделении функций, о совместной работе. В одиночку нельзя.

7.IV.1924.

Как я работаю.

Вокруг себя, как секретаря МАПП, сгруппировываю группу работников, на которых можно было бы положиться в работе. Я их приучаю к исполнительности, точности, даю только указания и помогаю советом, а работу ведут сами. Научу. И будет тогда работать легче — это раз. А два — они научатся работать, почувствуют свою тесную связь с МАПП — это драгоценно. Скажу к примеру:

I. Перекати-Полю³⁰ поручил всю работу с совещанием кружков — он прел три дня, и в Московский Комитет, и в райкомы ходил — звонил, и лично навещал — собрал, наконец. Совещание сегодня, 13-го, в пролеткульте.

II. Устав передал на обработку Либединскому и Тарасу — они приготовили, принесли на Правление.

III. На правленьи и собраниях то одному, то другому поручаю вести протокол, обрабатывать его, давать мне в готовом виде.

IV. Скрынникову³¹ за полтора года поручил пересмотреть газеты-журналы и выудить оттуда все, что говорилось о МАПП.

V. Майскому³² — связаться с магазином «Молодая гвардия»³³ относительно полки Пролетписателей. Ходил два дня — устроил.

VI. Долнытков³⁴ держит связь с «Правдой».

VII. Исбах³⁵ — с «Рабочей Москвой».

VIII. Светлов³⁶ и еще один паренек ходят 2–3 раза в неделю, помогают техническому секретарю, переписывают разные документы, протоколы.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ, ОРГАН ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

РЕДАКТОР АННА КАРАВАЕВА
ЗАМ. РЕДАКТОРА М. КОЛОСОВ

РЕДАКТОРЫ:
А. ВЛАСОВСКИЙ
С. ВАРКОМАН
А. КАРАВАЕВА
М. КОЛОСОВ
Г. КОЗЛ
С. САЛТАНОВ

БОРЕТСЯ

ЗА

СОЗДАНИЕ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА БОЛЬШЕВИЗМА.
ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ О
КРАСНОЗНАМЕННОМ КОМСОМОЛЕ.
НОВЫЕ НАДРЫ МОЛОДЫХ УДАРНИКОВ В ЛИТЕРАТУРУ.
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНУЮ СВЯЗЬ КОМСОМОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ МИРА.
КРЕПКУЮ СВЯЗЬ С КРАСНОЙ МОЛОДОЙ ПРОФЕССУРОЙ
И АСПИРАНТУРОЙ. ЛУЧШИМИ МОЛОДЫМИ СИЛАМИ
ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА, ТЕХНИКИ И НАУКИ.

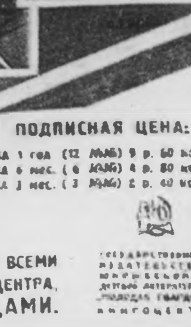
ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

ПРОЗА И СТИХИ.
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРА,
ИСКУССТВО,
НАША ТРИБУНА,
НАУКА И ТЕХНИКА,
КРИТИКА.

ПАРТИЙНЫЕ И КОМСОМОЛЬСКИЕ ЯЧЕЙКИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ
ВНЕДРИТЕ Ж У Р И А Д В ШИРОКИЕ СЛОИ
ПАРТИЙНОГО МОЛОДЯЖИ, КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА,
РАБОЧЕЙ И КОЛХОЗНОЙ МОЛОДЕЖИ,
СТУДЕНЧЕСТВА, РАБОТНИКОВ.

А. КАРАВАЕВА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
НА 1 ГОД (12 №№) 9 р. 60 коп.
НА 6 мес. (6 №№) 4 р. 80 коп.
НА 3 мес. (3 №№) 2 р. 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ
ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ КНИГОЦЕНТРА,
НА ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСЦАМИ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДЕТЕСКИХ ЛИТЕРАТУР
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
КНИГОЦЕНТР

Плакат-проспект журнала «Молодая гвардия». 1931 г.

IX. Пареньку (фамилию не знаю) поручил разобрать весь ворох анкет.
И так далее. И так далее.

Я говорю лишь о той работе, на которую использовал сам ребят, вне поручений и пожеланий, высказывавшихся на Правлении: там, положим, Хмаре о Прессбюро, Безыменскому о Мастерской лозунгов и т. д.³⁷

Это само по себе. Работа идет не плохо. Только времени не хватает. Голова стала кружиться. А МАПП встал в большой почет. Спрос на МАППовцев огромный — дергают, тянут, просят во все концы. Вчера, например, на рабфак ВТУ, сегодня в партшколу Хамрайкома...³⁸ Всюду приходится отказывать — некогда. А жаль: это прекрасные аудитории. Но заняты крепко ребята. Измучены. Кой-куда, впрочем, ходят. По доброй воле, без приказанья Правления. Особый спрос — на Лелевича как теоретика и Безыменского как практика. Надо сказать, что о Хмаре, положим, о Березовском, которые состоят в МАПП уже около полутора годов — сами вапповцы как-то, нигде ни звука, хотя и у того, и у другого есть произведения отличные и одобренные МАПП'ом, зачитывавшиеся здесь с огромным интересом. Каста. Не говорят ни слова и о моем «Чапаеве», хотя Лелевич, Либединский, Безыменский, — говорят, что «захлебывались», когда его читали. Каста. Только о себе. Против этого генеральства глухо ворчит вся группа «Рабочей весны»³⁹, достаточно громко «Молодая гвардия», да и в «Октябре» немало недовольных. Нарастает конфликт. Из «Рабочей весны» многие собирались даже совсем уходить, по заявлению.

Реклама вообще поставлена пока плоховато, а в данных условиях она необходима. Необходима! И Хмаре не напрасно поручена организация Прессбюро, а Безыменскому дело с рекламами. Это надо! И сделаем. Но, видимо, после конференции. Работы уйма:

сегодня — совещание кружков

20 — Московская II-я конференция

30 — пленум ВАПП⁴⁰

Кроме того:

10 ч. утра по понедельникам — секретариат

8 ч. вечера понедельник — открытый ВАПП

Пятница — Правление — 6 ч.

Пятница — Закрытый ВАПП — 8 ч.

Раз-два в неделю Редколлегия «Октября»

Раз-два в неделю новый ВАПП.

А очередная работа? Информация?

У-ух, крепко взялись за дело!

13.IV.[1924].

Нам дают баню в Ц.К.

Копию протокола Правления МАПП от 8/IV (в сжатом виде) отослали в Ц.К. Кой-что из этого протокола отпечатали в «Известиях» от 13/IV. Там между прочим, стояло вроде следующего: «Если новый ВАПП (объединенный) окажется нежизнеспособным — восстанавливается прежнее положение...», то есть Временное Правление ВАПП продолжает свою организационную работу по созыву сначала пленума, а потом и съезда. Это-то и обидело Нарбута⁴¹ в Ц.К.:

— Как? Нежизнеспособным? Что это значит? Да тут же будет председателем — представитель Ц.К. партии! А вы ему не верите что ли?!

Это была чистейшая демагогия, ибо новый ВАПП и действительно мог оказаться пустым местом — что делаем тогда мы? Молчим? Перестаем действовать?

Ничего подобного. С прежним темпом продолжаем всю работу! Да! Это, впрочем, все было правильным только до разговоров с Нарбутом, а потом и мне представилось по иному; Нарбут нам говорил — мне и Родову:

— Кузнецы с Вами дотолковались. Новый ВАПП создан с председателем от ЦК. Нам ваши споры-вздоры надоели. Объединению мы рады и будем его охранять. Ежели Кузнецы не станут приходить — пусть, приходите только вы сами, придут представители ЦК и ПБ, кворум есть — и айда! Будем решать все вопросы за их счет! ВАПП будет жить...

Да и так хорошо. Так даже лучше. Но ведь это теперь, через 2 недели, когда так ясен саботаж Кузнецов и (как будто) так доброжелательна позиция ЦК! А заметка в «Известиях» послана ведь недели 2 назад — тогда она имела смысл и цену. Она опоздала и потому произвела не то впечатление, какое произвела бы вначале, пока все было лишь в плоскости предположений и ожиданий. Как только узнал это Семен — схватился за голову, заметался:

— Все пропало... теперь все пропало!!. На 50 процентов дело наше проиграно... Да...

— Что такое? — спрашиваю я его.

— Проиграно... — шептал он про себя. — Невозвратно... Мы дали нашим врагам такие козыри, каких и худший наш противник не согласился бы дать... Нас теперь сочтут раскольниками... Ну, все пропало...

И глаза его растерянно и грустно застыли под стекляшками пенснэ, а глухой голос стал еще глуше...

— Надо экстренное заседание Правления!

Ох, уж эти экстренные!

Но надо было согласиться, чтобы не осталось ложного впечатления у кого-либо из ребят от факта в целом. Были в ЦК. Нарбут ерошился. Дотолковались на том, что поместим разъяснение в ближайшем № «Известий», где укажем на неточности и опоздание. Так и сделали. А ночью собрались у Семёна. Со мной солидарен был только Юрий (чистая душа!).

16/IV.[1924].

Bei Rodoff* — мое мнение.

Начинает у меня понемногу складываться мнение о нем, как о мелком интриганишке. По-моему, в нем все мелко, начиная с поэтического таланта, который в МАППе никто и в грош не ценит, а от книжонки «Стальной строй»⁴² недавно в Свердловске Лелевичу пришлось даже открещиваться: «...это давно, товарищи... это он раньше написал...» и так далее.

* *Бей Родова.*

Мелкие чертишки лица. Мелкий дохлый голосишко. Мелкая, жидкая фигурка. Мелкие руки, пальцы, манеры. Мелкотравчатый характеришка — он непременно должен кого-то в чем-то подозревать, кто-то подо что-то у него подкапывается, а главное — все копаются под него:

1) хотят вышибить его из Правления МАПП, тогда...

2) хотят вышибить его из ответственных редакторов нашего журнала «Октябрь», тогда...

3) хотят вышибить его из членов Правления ВАПП, тогда...

Словом, получается (в его версии) такое положение, что лишь только он уйдет — рухнуло все дело, пропало, без него никто ничего не сумеет делать. Но он энергичен. Делу отдан на 100 процентов. Это подкупает, частью к нему располагает, заставляет с ним считаться таких светил, как Лелевич, Либединский, Безыменский — золото червонное, а не ребята. Rodoff, конечно — «аппаратчик»; с ним вместе и Tarasoff... — как раз элементы (с моей точки зрения) наименее ценные в МАПП... Лелевич, Безыменский, Авербах⁴³ — оппозиционеры. Как раз ребята верные и чистые... Юрий — этот уж и не знаю почему аппаратчик — все говорит в нем за обратное, просто случайность случайная.

Не будь Rodoff — многие вопросы не были бы так заострены (в худшем смысле); предчувствуется мне, что со своей петушиной наскокидой, задирчивостью он когда-нибудь свернет себе голову. И добре. Такие шептуны, интриганы, мелкотравчатые лит-бесенята вредны в большом общественном деле.

23/IV.[1924].

CONTR-RODOFF*

Я чувствую, что с Родовым мне не работать — по-моему, это поганенькая личность, мелкий политиканишка, интриган, непременно под кого-то копающий, кого-то подозревающий, все время опа-сающийся, чтобы его не скovyрнули с занимаемых постов. Из мелочей, в сущности, и из пустяков он раздул подозренья против Березовского, как против агента Воронского. Я и сам поддался этой его болтовне, будучи новичком в МАПП и не раску-сив еще в то время интриганское нутро Родова. Теперь мне ясно, что опасаясь Березовского как конкурента на пост редактора «Октября», — он авансом старался его очернить и опоганить и так это заня-тие выполнял задорно и «искренно» петушась, что сбил меня с толку, заставил поверить в грандиозность опасности, идущей от Березовского.

* *Против Родова.*

Ну, я-то ладно, я новичок. Но как такой умный человек, как Лелевич, не смог доселе понять мелко-завистническую, мещанскую, по существу, душонку Родова?

Он — политик, как он не раскусил Родова-политикана? Это же так не сложно и не трудно! Нату-ришка у него мелкая и мелочная, видная насквозь. Я полагаю, что теперь он порочит и меня в кругу Ле-левича, Березовского, Либединского — всех, кто с ним близко и часто соприкасается, кто ему еще вер-рит. Я очень-очень думаю, что меня он им выставляет как сообщника Березовского, говоря, что мне не следует давать секретарства в МАПП, что я смогу все вызнать и потом предать МАПП. Поэтому на днях он, Родов, говорит мне деланно-наивно, как бы между прочим:

— Мы с тобой как-нибудь сойдемся и поговорим о делах МАПП... Ты захвати с собой все (он под-черкнул это слово)... все документы...

— Что ж, можно, — отвечаю ему. — Документы у Воронского — захвачу, принесу...

— Нет, ты и свои...

— Какие свои? У меня, действительно, дома есть копии некоторых, но зачем же они?

Группа писателей РАПП. 1931 г.

— Их и захвати...

— Зачем же?

— Захвати, это лучше...

Он замаялся, не знал, что говорить, а я понял так: принеси, я отберу некоторые и заберу их с собой, наложу на них лапу...

Я их ему, конечно, не дам — на кой черт? Может быть, ему еще дневник мой о МАПП дать? Ведет подкоп и поход против меня. Неужели подлецу удастся восстановить против меня таких, как Лелевич, Либединский, Березовский? Едва ли.

Неделю назад, в 11 утра, он встретил меня, спешащего на срочное заседание, и говорит:

— К 12-ти (то есть через час!) ты должен дать мне информацию в журнал о МАПП, об «Октябре» — группе и т. д. и т. п. Полчаса первого уже будет поздно...

— Да ты ошалел? — говорю — теперь же 11, я бегу на заседание, чего ты думал раньше.

Произошла неприятная сцена, разошлись зло, не прощаясь.

Все всегда опаздывают на собрания МАПП. Я прихожу первый и, встречая, журю каждого, шутя браню, показываю часы и т. д. Все к этому так и относится как к шутке. А Родов, видите ли, — серьезно возмущен этим моим словам (так сам и заявил) — они приводят его в бешенство (признак мелочности натурашки).

Ведет подкоп под Березовского.

Возмущается, когда его перебивают на заседаниях — кичливо и капризно: признак избалованности. Другие — никогда и ничего.

Он почувствовал во мне организатора-конкурента и боится за себя, тем более что с Лелевичем, Либединским, Березовским у меня тепло-дружеские, близкие отношения.

Пока выступать открыто против него не стану. Крах обеспечен. Он близко вхож в ЦК (печать) и в Политбюро, годами там срабатывался, с публикой на ты, много точек соприкосновенья и т. д. Это все не учитывать было бы глупо!

Здесь он предавался делу на сто процентов, весьма импонирует своей работоспособностью. Противопоставить ему надо не слова, а лишь такую же, еще большую работоспособность и преданность делам МАПП!

На это пока нет, физически нет, времени.

Затем и в МАПП надо понять и раскусить каждого, определить точно число согласных со мной и не согласных. Во всяком случае, действовать осторожно, но действовать непременно. Ибо в нем, интригующем политиканишке, по-моему, немало причин всяких раздоров и споров с «Кузницей» и другими. Он всех и всегда ставит на ножи. Как процесс — разъединение наше, конечно, в другом, но как

Редакция журнала «Сибирские огни». 1922 г.

заостренные, порою без нужды, факты — это очень и очень часто дело именно его рук. А ему пока еще верят в МАПП.

Надо сделать так, чтобы ему перестали верить, непременно сделать в интересах объединения фронта Пролетлитературы. Такие как Родов вредны. Их надо вышибать к черту.

«Кузница» накануне развала. Партийную братию ЦК, может быть, заставит оттуда уйти, ибо оставшиеся там беспартийные круто тянут вправо.

25/IV.[1924].

II конференция МАПП — пленум ВАПП.

20/IV — вторая конференция МАПП, а 2/V — пленум ВАПП. Писать не стану — у меня материалы того и другого. Работа проделана бешеная. ВАППовцы — энергичнейшие ребята. Родов — прекрасный организатор и не глупый парень, хотя по-моему — интриганствующий. Идеолог — безусловно Лелевич. Умница, знающий и с прекрасной памятью. Не глуп и Либединский. Знает не мало, крепко и в основном. Подает надежды, что выработается в серьезного писателя.

5/V. 1924.

Совещание в ЦК о съезде Пролетписателей.

Оно состоялось, совещание, недели две назад, в Ц.К., в отделе Печати⁴⁴. И председательствовал заведомом, товарищ Канатчиков⁴⁵. Одесную сидел у него Соловьев⁴⁶, ошую Сорин Владимир⁴⁷ — оба помощничка.

Были тут все наши, кроме Бахметьева⁴⁸ — это от «Кузницы», — Лелевич, Вардин⁴⁹, Раскольников⁵⁰, Малахов, Зонин⁵¹, Тарасов, я...

Постановили съезд в конце ноября или начале декабря. А Бахметьев все говорил, что надо месяц на 6 — на 8 отодвинуть. Ну и шляпа. Вообще он считал долгом хоть что-нибудь да язвонуть на каждое наше заявление и предложение. Крыл его, главным образом, Вардин. Раскольников — ни одного слова. Мы так молча согласились: пусть Вардин и Лелевич говорят все, а чего не доскажут — мы поможем.

Совещание все прошло под знаком активного к нам сочувствия.

7/IX.[1924].

Доклад Канатчикова в клубе ЦК⁵².

Доклад состоялся с неделю назад: «О задачах печати».

О том, о сем, о другом, о многом. Для нас особо ценно — о признании руководящего значения в художественной литературе за литературой пролетарской.

Вардину и Лелевичу ничего больше не оставалось сказать, как приветствовать эту речь — поворотный этап в истории отношения ЦК партии к нам. Канатчиков — явно на нашей стороне.

Воронский лечится в Ялте — никто против не выступил.

Воронщина на исходе.

7/IX.[1924].

Паника среди Воронщиков.

Предполагается редакцию «Красный Нови»⁵³ создать такую: Раскольников, Сорин, Воронский. Это в ЦК. Воронский в Ялте. Когда приедет — безусловно на дыбы и демонстративно откажется. Он вообще любит чувствовать себя вольно. Может, сусят тут его и как «оппозиционера» хоть и липового — пусть. От его «оппозиции» все равно толку нет никакого, а от того, что уберут его из литературы — большой выигрыш пролетлитературе. Среди Воронщиков паника. Марки Воронского упали. Это совершенно очевидно всем. Мы одерживаем победу за победой. Был такой случай:

Полгода назад из рукописи Костерина⁵⁴ (сборник) политотдел выбросил два рассказа и свой отзыв послал в Литературно-художественный отдел ГИЗ. Воронский прочитал и нагло заявил:

— Что за приказы? Я знаю Костерина — печатать все...

Мы этого не знали. Только узнал я три дня назад, когда дали в руки отпечатанную книгу, а в ней... эти два рассказа. Я узнавал — оказалось повинен Воронский. Эту историю с ним рассказал помощник Гливенки⁵⁵. Этот высокий дядя с волосами (кажется, Евдокимов⁵⁶).

Я, как представитель Политического Отдела хотел на дыбы, возмущенно написать протест и в Коллегию ГИЗ и в ЦК:

— Или П.О. живой, нужный орган — тогда его слушайте! Или — снимайте меня! Но удержался. Предполагал: — Не объяснил бы Воронский да и другие, что я бью лежащего и свожу с ним счеты как Напостовец и Мапповец?.. Воздержался. Только сказал Воронскому. А этот (Евдокимов) пришел и говорит: — Знаете ли... Я должен ответить письменно Воронскому, как все это произошло... Но мне это трудно — я ведь люблю Воронского, а тут вроде доноса получается... И в такое время, когда его положение...

— Что его положение? — спрашиваю я.

— Да сами знаете — улыбнулся он: ненадежно и безнадежно, видимо...

То же говорил мне вчера Клычков⁵⁷ — он ушел из журнала из-за каких-то, говорит, интриг с Казиным⁵⁸. Еремин⁵⁸ в панике... Все словом... А что, верно, с Пильняком⁶⁰ и другим?..

Но и нам, если даже целиком победим, надо быть осторожными — не распугать бы этих попутчиков⁶¹, народ ведь все-таки для революции не безразличный.

7/IX.[1924].

Коллектив Рабоче-Крестьянских писателей⁶²
вступает в МАПП.

Вчера приходил Степной⁶³, здоровался:

— Вы товарищ Фурманов?

— Да, я.

— Секретарь МАПП?

— Да.

— Я вот тот-то и тот-то, председатель нашего коллектива, хотим вступить в вашу ассоциацию — как быть?

Я ему посоветовал подать нам в Правление заявление об этом; изложить причины, побудившие так решить; историю своей организации, ее рождение, рост, трансформацию, платформу, сделать социальный состав членов, их литературный стаж, число коммунистов, протоколы заседаний и так далее.

— Нас, говорит, главным образом влечет к Вам то, что у вас ясная и твердая линия. Вы знаете — чего хотите. А у нас этой твердости нет.

7/IX.[1924].

МАПП пока не работает.

Да, все не работает. Не было еще ни одного заседания правления. А нет в Москве, пожалуй, только Сашки да Семена. Но мы — молчим все, рады пописать, поработать на дому, пока не поглотили заседанья... Словно сами от себя прячемся. Впрочем, раз ЦК с нами — теперь не придется так много заседать и тужиться над разными планами и резолюциями — теперь надо больше творить, писать.
7/IX.[1924].

Восстание Алеши Соколова⁶⁴.

Уж давно, месяц тому назад, услышал я, что «в «Рабочей весне» неблагополучно».

— В чем дело? — спрашиваю.

— Да бузят что-то. А главное — сам Алеша...

Видите ли, Алеша едва ли не организатор, так сказать «бабушка» «Рабочей весны». И там он все время играет первую скрипку.

Он — вождь этой группы. Но в то же время он — член группы «Октябрь», член редколлегии журнала «Октябрь» и недавний его секретарь, член правления МАПП, правления ВАПП — словом Алеша у нас повсюду. И вовсе не потому, что работник он очень хороший, а — козырь он хороший. Сама группа «Рабочая весна» у МАППа тоже козырь первостепенный на общественно-политических весах — это ведь рабочая группа, не как «Октябрь» или «Молодая гвардия».

Так вот вождь «kozyря» — и сам козырь — забунтовал:

— В «Октябре», в журнале засилье «Октября» — там равняются на попутчиков (принята поэма Есенина⁶⁵), там афишируют разную дрянь, вроде «Современника»⁶⁶ во 2-ом № «Октября», там рабочему-писателю нет места. Этот журнал сам превращается у нас на глазах в попутнический. Это чужой журнал, а потому...

Алешу крыли — крепко, увесисто, неотразимо. Крыл Родов, крыл Тарасов. Говорили и доказывали, что в № 1 из 15 имен целых... 14 мапповцы или вапповцы, в № 2 что-то то же соотношение.

А членов «Октября»... 4 писателя...

Так что генеральства засилья — вовсе и нет — это лишь бред Алешин.

Затем о попутчиках: мы же никогда и не зарекались приобщать их к себе, мы лишь говорили: пусть они идут за нами, под нашим руководством. А отбрасывать наотмашь их не собираемся. Особенно теперь, когда они могут быть «распуганы», когда, в связи с шатким положением Воронского, они уже заготовили протест (чуть ли не в ЦК партии!) против этого фактического смещения Воронского и в этом протесте чуть ли не грозят... перестать вовсе писать... Теперь нам особенно нужен этакий козырь, как Есенинская поэма. Есенин поэму дал. Но его ведь уж под руки проводили в «Октябрь» Казин и Орешин⁶⁷ и понукали взять ее обратно. Он колебался. Но уговорили. Отговорили. Теперь его спровадили из Москвы. На него большое влияние оказал Вардин — он давно с ним нянчился последней время. Да и теперь не перестал. Говорят, он тоже дал свой протест против уборки Воронского. Но теперь он говорит, что дал ту подписку в пьяном виде и от нее отказывается. Письменно. Словом, тут борьба идет за попутчиков. Нам оттолкнуть их в такой момент — нельзя. Алешино возмущение — ребяческое.

Этак с плеча рубить не годится.

И голосовали два предложения:

Алешино — высказать недоверие «Октябрю»

Семеново — высказать доверие «Октябрю»

За Алешино один Алеша и голосовал.

Также провалился он и по другому вопросу:

«О ликвидации «Рабочей весны».

Ему сами же Рабоче-весенцы такую задали баню, что Алеша теперь вряд ли с ними останется. Но что ему, одинокому, делать теперь и в МАППе вообще. Его положение серьезное и трудное, а человек он чистый, честный, прямой. Ребята высказались все за то, чтобы «Рабочая весна» существовала и усиливала свою работу, интенсивней работала. Алеша выставлял причины:

1. Мало собирается народу, плохо группа работает.

2. Члены перегружены другими делами.

3. Состоят разом в нескольких группах.

4. Теперь их гонят из этого помещения и отказали от странички в «Рабочей Москве».

Рабочевесенцы порешили работать крепче, а Правление МАПП — позаботиться о «страничке», помещении и еженедельнике — журнале, о котором принципиально вопрос, в сущности, уже разрешен раньше и Госиздат уже официально дал свое согласие.

И тут Алешу побили.
Восстание ликвидировано. Пока бескровно. Но жертвы, вероятно, будут — и не будет ли жертва эта — сам Алеша?

7.IX.1924.

Уход Алеши.

Вчера, 8-го, мне показали записку:
Ухожу из «Октябрь» — из группы и редакции журнала»

А. Соколов.

Я был прав в своем предположении. Алеша ушел из «Октябрь» — ушел ли он тем самым из МАПП?

9.IX.[1924].

Совещание у Семена.

Состоялось вчера. Меня не было. Постановили — отдать мне на съедение «Рабочую весну». Открыть вскоре работу МАПП. Провести по группам и кружкам — отчеты о работе журнала «Октябрь». И что-то еще. Не помню, хоть и говорил Семен. Да и просить Канатчикова не прерывать работу по подготовке съезда. А секретариат ЦК, как известно, ввиду незнакомства с вопросом — взял себе месяц срока, чтоб решить вопрос о созыве съезда.

9.IX.1924.

Дела на Литфронте.

Дня четыре назад я был на заседании группы «Вагранка»⁶⁸ (Тарас авторитетен наполовину, Перекасти-Поле сменить как организатора, бузит, скандалит, нетактичен, настроение группы оппозиционное).

Там говорил:

— Момент — исторический. Эпоха переходная. Поворот лицом на пролетарскую литературу, в полуоборот (не спиной) к попутчикам. ЦК партии ставит ставку на пролетарскую литературу (во исполнение общих директив XIII съезда партии⁶⁹, которые старались изменить разные Воронские). От нас требуется — максимальная организованность. Было много за последнее время совещаний с представителями Отдела Печати ЦК — в Пролеткульте, в самом Отделе Печати. На последнем решено — экстренную Московскую Конференцию Пролетписателей, где «Кузница» и «Твори!»⁷⁰. На совещании в Пролеткульте (перед этим) выбрали специальную комиссию по изучению быта писателей: Лелевич, от «Кузницы», «Перевала»⁷¹, «Твори!»; ЦК (Бердников⁷² и Сорин) — эта комиссия открывает нам путь.

3 дня назад были у Сорина: Родов, Лелевич, я. Предупредили, что на конференции будем стремиться к объединению, но основных позиций не сдадим. Смеялся сочувственно. Сообщил: Родова может быть и не выберут в руководящий орган, одиозная фигура! А накануне у Лоры было совещание: Семен, Лора, я, Сашка, Тарас. Хитрый Семен давил, почуяв этот вопрос: Никаких отводов!

Предчувствовал. Предвидел.

Вчера у меня: Семен, Сашка, Лора, я. Распределение работ между активной головкой, предельная нагрузка.

Рассвобождение для творчества.

Повестка дня конференции.

Заседали... 6 часов. Ужасно!

Я на левом фронте, они трое — на правом.

Протестовали, что я отказался (Барановскому, председатель Комиссии в ГИЗ⁷³) от поста заместителя заведующего Литературно-художественным сектором.

— Надо захватывать командующие высоты.

А я главное:

— Надо оставить время писать.

При Мещерякове⁷⁴ (заведующем) быть замом — это значит вести всю административную, хозяйственную, сметно-финансовую, другую работу, а я — писать хочу, этого не хочу! Быть замом — не гов. Болванчиком не буду!

Долго, горячо на эту тему шел спор! У Семена перегиб в администраторство. Я это отметил, а он: Это и Воронский говорил!

— А у Воронского, думаете, не было ни грана правды в доводах?

К концу — смолкли. Разбирали массу практических вопросов, уйдя от общего, принципиально-го. На прощанье Сашка прочитал:

«О поросенке и...»⁷⁵

Написал два дня назад. Сильно, особо в конце. Технически можно советовать улучшить, особо первую треть.

В субботу сойдемся все правленцы на дружную пирушку. У меня⁷⁶. В складчину. Надо и это! А то, день и ночь: МАПП, ХАПП, ЦАПП, Нахрапп!.. Надо же и тяпнуть!

8.X.1924.

Тучи на Литфронте.

Сейчас от Семена. 2 часа ночи. Срочно. Втроем: Лора, я, Семен.

Воронский созывает через три дня «Кузницу», «Твори!», «Перевал», Рабоче-Крестьянских писателей — там четыре доклада, в их числе и Воронского. Это предварительная конференция мелкой буржуазии перед экстренной III конференцией Пролетлитературы. Воронский теперь, когда необходимость создания организации писателей всем ясна — торопится организовать всякую брожку. Мы на дыбах. Завтра втроем снова у Сорина. Заготовили бумагу, ее передадим. Исторические дни!

8.X.1924.

Сложность обстановки.

Вчера Семен мне:

— Лора звонил — все кончено, с Сориним полный разрыв, Сорин больше с нами не будет иметь дело, все поведет сам Канатчиков, положение тревожно... Семен всегда сгущает. Он всегда свое мнение считает единственно правильным, не терпит противоречий, злится, всякое дело размельчает, заостряет, роется в куче, вызывает вонь. Он полемист и задира. Это факт. Но я узнал, понял в нем и другое: Он — организационный стержень МАПП. Он — фанатик своего дела, беззаветно, бескорыстно преданный делу пролетлитературы. Он — только в этом деле, вне его себя не мыслит. Он голодает, сам себе стирает белье (Марья Марковна только завтра приезжает с Эммиком⁷⁷), ходит Семен оборвышем, не стремится «подрабатывать» — весь в борьбе за пролетлитературу. За это я его даже полюбил, хоть и не так, как Лорку. В словах Семена мне всегда чудится преувеличение, сгущение красок, заострение фактов. Я ему и вчера:

— Может ты понял не так... Может Лорка не все уяснил...

Словом, не хотелось мне верить, что Сорин — против нас. Я говорил с ним — сколько раз! И сделал вывод: Он — не враг, он пассивный со товарищ, которого больше всего занимает объединение фронта пролетлитературы. Пусть обе стороны уступят, откажутся кой от чего, только бы мир, единство, штиль... Он верит нам — пока говорим, он верит «Кузнице» — когда говорят они. Он мало знает наши дела, нашу борьбу. Его можно (при неумелой, резкой тактике) сделать нашим врагом. А это вредно, опасно. Тем более что на Канатчикова он бесспорно влияет. И крепко. Канатчиков его слушает — внимательно, сочувственно, доверчиво. Сам Канатчиков настроен, впрочем, в нашу пользу более активно.

Словам Семена я верил только наполовину. Он заострял. Шли вместе в ЦК. Там Лора. Втроем — к Канатчикову. Два с половиной часа говорили и договорились, что мы на объединение с «Кузницей» и др. идем лишь наполовину, потому, что основное Мапповское считаем неизблемым и не подверженным опасности, хоть и заявляем, что:

«Подчинимся любым решениям конференции и выбранного ею правления». Сорин предложил по 30 кандидатов на конференцию от обеих сторон и паритетное Правление.

Мы считаем неизблемым: пролетлитература и строительство — как движение, а не кружковщина, не объединение мастеров.

Признание членами ассоциации всех членов кружков и групп

Организацию фракций и т. д.

С Сориним на эту тему мы говорили раза 3–4, с Канатчиковым вчера первый раз.

Убедили, что это так. Решили экстренно конференцию. Сегодня выяснилось:

— «Кузница» созывает завтра, 19/X, расширенную свою конференцию, где будут и попутчики (Вс. Иванов⁷⁸ и другие).

Мы — на правлении МАПП этот вопрос: что делать, как быть?

Избрали делегацию: Лора, Семен, я, Никифоров⁷⁹, Валайтис⁸⁰.

Будем их там ласкать:

«Приветствуем-де объединяющий фронт попутчиков и выражаем готовность работать с вами согласно, именно как с попутчиками...»

Теперь линию ведем не на включение «Кузницы» в наши ряды, а на откол от нее здоровых отдельных элементов и вовлечение их в МАПП.

На следующее воскресенье — наша экстренная конференция. Только два доклада:

I. Доклад Правления МАПП (Фурманов).

II. Положение на литературном фронте (Родов).

А всю неделю — срочные же собрания групп и кружков, проведение собраний нашими силами (Родов, я, Лора), информация о положении, выборы (1 на 5 человек). Снова горячка, опять боевая страда. Мы оживлены, возбуждены. Мы накануне боев.

Нет ли линии у ЦК: дать возможность объединиться и окрепнуть противоположной нам стороне, дабы вынудить нас с ними считаться и идти на максимум уступок. Впрочем, едва ли. Зачем тогда было гнать Воронского? Завтра мы — у них на конференции. Пугает одно: никак не удастся построить МАПП как боевую организацию, никто не слушает, нет дисциплины, нет понимания дела. Разнузданно. Сильны мы не своей работой, а органическим влечением к себе пролетарских низов. Теперь и «высоты» завоевываем:

1. В «Красной Нови» редакция: Сорин, Раскольников, Воронский, а не один Воронский.

2. Березовского приглашают редактировать (или в члены Редколлегии) «Крестьянского журнала»⁸¹.

3. Я — заведую современной художественной литературой Госиздата.

4. В Отделе печати ЦК, в Комиссии по улучшению быта пролетарских писателей⁸² я — членом (Нарбут, Конар⁸³, я (и четвертый)).

5. Эта комиссия признала штат два МАПП и ВАПП — скоро получу на это деньги.

6. По всем райкомам — наши кружки. Словом, мы уже кой-что значим и по органам печати. С нами очень, очень считаются.

Удельный вес наш очень велик. Нам особо возжаться с «Кузницей», пожалуй, и не следует. Мы свое возьмем и одни с нашими растущими стихийно ячейками.

18.X.1924.

Как МАПП живет.

Жить нечем. Денег ни гроша. Перепечатывают материалы знакомые машинистки — по дружбе, на машинках и бумаге ГИЗ'а (нет у нас ни того, ни другого). Пристроились в комнатке завхоза, там и «Октябрь». Семен у меня из Политического Отдела, пользуясь, что П.О. рассказирован — упер в МАПП стол, пару стульев, согласовав это со мной. Даю перья, скрепки, бумагу, чернила, ручку, карандаш — все! У МАПП ровно нет ничего. Скоро у него будет все!

18/X.[1924].

Я — враг «Кузницы»!!

Я клопочу негодованием! То, что произошло сегодня — открыло мне глаза. Я многое вижу яснее. Эта сволочь организуется не для объединения с нами, а для борьбы против нас. Для борьбы! Так неужели мы станем выжидать, неужели боевые знамена МАППа не взвоятся снова у нас над головами, не заревет тревожный гудок, не позовет на борьбу?! Мы готовы каждый миг, готовы и теперь! Мы им дадим бой — остервенелый, решительный. Мы отшибем их напрочь от рабочих районов, — не место такой соглашательской шпане в среде рабочей. Меншевичишки, подлейшие меньшевичишки! Особенно этот поганенький Бахметьев, эта лиса, подлюга — хитрая, пакостная говнюха...

Это, может быть, во мне говорит обида? Может быть, может быть, не отрицаю — я не из глины сделан, живой. Но и иное: я многое увидел, понял, уяснил себе, решил: «К ним могут все идти: «Перервал», «Твори!», даже попутчики, все могут идти, только... только нам нельзя, нас не пустили. Даже молча присутствовать. Эх, шпана! Эх, подлецы! Ну, мы это учтем. Довольно всякой возни, надо выступать в бой! Мы уже целые месяцы вязнем в болоте переговоров. Нехорошо только, что у них присутствует представитель ЦК, эта глιστα, Соловьев. Это не хорошо, это повышает авторитет ихнего совещания. Ну... Ну, чорт дери — и это не помехи. Если понадобится, мы перескочим через голову к

самому Отделу печати, благо нет ни у кого там никакой твердой линии в борьбе на литературном фронте.

19/Х.[1924].

Политиканство Родова.

Я на днях отозвал его в ЦК. Стоим — разговариваем. Между прочим — о предполагающемся журнале — 2-х недельнике⁸⁴, который через несколько дней надо будет отдавать мне в МК. Хотел с Семеном, с Лорой поделиться. Семен мне, значительно прищурив глаза, дернув за руку, таинственно, заговорщически:

— Не надо. Прекрати!

— Что, почему?

— Прекрати говорю, нельзя!

Такое меня разобрало зло. Бросил ему что-то оскорбительное, отошел. Даже в ЦК, в своем кругу — он всегда как заговорщик и все делает из-под полы. Мелочно-осторожен. Знаю я отговорки:

— Я вдруг то, а вдруг это... Мол — на что, а вдруг?

Собственно говоря, может в ЦК-то не показываться: а вдруг мобилизуют, ушлют?

Мало ли что может быть. Он всегда всех одергивает. Это злит и бесит. Именно это имел в виду Алеша, когда на конференции говорил о «генеральстве» Правления. Так не действует ни Лора, ни Юрка, никто вообще.

4/ХI. 1924.

Перемены на Литфронте.

1. Ушли Канатчикова. Причина, видимо, только одна: слишком серьезно понял он свою роль и настоящему стал строить литературную оборону и нападение. А надо было чуть-чуть... Он свернул себе голову, ибо вышестоящие оказались темными невеждами в делах литературных и подчинились, кроме того, воздействиям иного порядка (Бубнов — Фрунзе — Воронский⁸⁵, это все приятели...). Нам пассивно сочувствуют: Сталин, Зиновьев, отчасти, Молотов⁸⁶. Но это пассивисты. А Бухарин⁸⁷, теоретически нас признающий — на деле делает черное дело и поддерживает Воронщину.

2. Нарбут с нами. Вчера был у Вардина на заседании правления ВАПП. Много было вопросов, а в частности, о Литфонде⁸⁸. Выбраны и «учредители» от нас — засветили в число семерых меня кандидатом — эх, и почет же!!? Нарбут близко; крепко близко с нами — он резко против Воронщины. Это на руку. Но обнаружилось другое: Вардин качается. Он заявил, что редакцию «На посту» следует изменить: Вардин, Раскольников, Лелевич. Убрать Родова, убрать Волина⁸⁹. Волина нет — он во Франции. Родов — одиозная для ЦК фигура. Мы (Лора, Семен, Юрка, я) — горячо восстали против, заявив, что убрать Родова — это значит капитулировать перед общественным партийным мнением. Родов — это знамя непримиримой борьбы за пролетлитературу. А тут — мы сдадим. В угоду кому? В угоду пред-рассудкам ЦК. Я заявил между прочим, что нам мнение «низов», рабочей читающей и пишущей массы в данном случае значительно ценнее и дороже мнения консервативного ЦК. Да. Дороже. Ибо ЦК в данном случае слепо против нас, во всяком случае не за нас — значит надо в рамках допустимого продолжать борьбу против него. Да — против!

Вардин против этой аргументации, поклялся дважды в верности «ортодоксальному» ЦК, начал было спор по линии политической, как против оппозиционера. Но осекся. Мы предложили в число редакторов добавить Вардина и Раскольникова. Добавить, но за счет Семена и Волина. Он оставил вопрос открытым и заявил о выходе из редакции «На посту» (его, оказывается, летом туда уже ввели по-луофициально, ввиду отъезда Волина).

Лаялись до глубокой ночи. Разошлись в тревоге. Вардин нам что-то не договорил. Скотина. Я считаю, что он с делом пролетлитературы возится постольку-поскольку. Он им не живет, оно ему не столько дорого, как нам... Он, отчасти, его использует как арену, как трибуну. А он безмерно честолюбив. И ему тут выгодно быть на виду. А теперь в ЦК что-то изменилось, видимо, у «На посту» хотят вырвать когти, обезвредить его острие, жало. И Вардин больше согласен с Цекой, чем с нами. Он, по существу, нам левый попутчик — попутчик из лагеря чистых «ортодоксальных» политиков. Он завтра может плюнуть на литературу и будет всю жизнь писать одни только политические статьи. И ничего от этого не произойдет. А мы — мы живем литературой и вне ее себя не мыслим. В этом разница.

Алешка Соколов вчера в Правлении МАПП заявил о выходе из группы «Октябрь» и из редакции «Октября». А в конце концов и из Правления МАПП. От последнего я его отговорил. А из «Октябрей» так

и ушел. Ну, туда дорога — Алешка за последнее время считает себя обиженным, загнанным и ведет линию анархо-дезорганизаторскую.

Раз так — лети вон, Алексей.

Хоть я и не перестал любить тебя.

ЦК создает новое (или перестраивает старое) издательство, где будет издаваться лишь художественная литература⁹⁰. Вчера на Правлении МАПП сие обсуждалось. Решено ныне там создать большинство: 1 — от ЦК, 1 — от крестьянских писателей, 2 — от нас, 2 — от рабоче-крестьянского объединения.

На 5 января назначили всесоюзную конференцию. Создали организационную комиссию человек из 15-ти.

16.XI.1924.

Визит к Стеклову⁹¹.

Чорт побери. Мы тут дело делаем, горячимся, боремся на жизнь и смерть, зачем-то ломаем копыя, дни, и месяцы, и годы (да, годы) рвемся к цели, а тут...

Что тут? А вот что.

Ни в «Правде», ни в «Известиях» о нашем деле ничего не пишут — решительно ничего, ни плохого, ни хорошего, условленный молчок: бойкот. У нас там — конференции, нормальные и экстренные, у нас — всесоюзный съезд (весенний наш пленум, собравший до 20 городов), у нас перед глазами постановление XIII партийного съезда, равнение на рабочего и крестьянина, а тут...

Вот мы и решили: секретарь ВАПП — Родов, секретарь МАПП — Фурманов — идут к редактору «Правды» и «Известий», ставят им вопрос: почему? В чем дело? Что за бойкот после XIII партсъезда?

С Бухариным пока не виделись — примет на будущей неделе.

Со Стекловым дело так — послали мы ему бумагу, когда же можем увидеться? Дали два номера телефонов — мой и Семена: звони.

Вчера Лин⁹², сотрудник «Известий», Семену звонит: «Дорогой, так так.., по-товарищески, скажи мне все, что хочешь, а я передам Стеклову...»

— В чем дело, Лин?

А он, видите ли, занят... Он просил меня с вами как с товарищами.

— Нет уж, пожалуйста, мы тебя уважаем, но все-таки скажи Стеклову, что видеть хотим лично.

Звонят заново: завтра в три часа.

Явились: пожалуйста.

Мы в кабинете стекловском: темно-зеленый плюш, коврик. Деловой, бумагами заваленный стол. Часы перед глазами. Деловито. Хорошо.

Он сидел в превосходной позе, свесив и болтая левой ногой, правой, упершись в табурет — сидел на столе: скульптор лепил, изваял великого редактора.

С великолепным пренебрежением Стеклов к нам: «Здравствуйте, в чем у вас дело? Который — Родов, который — Фурманов?»

Мы, улыбаясь: «Я — я, я вот — я...»

Улыбнулся снисходительно. Склонил голову.

Сказали ему дело: «Бойкот! Как же иначе назвать?»

Подошли Стоклицкий и Гимельфарб⁹³. Гимельфарб заведует литхудом «Известий».

Говорим с Родовым между прочим о том, что «Молодая гвардия», наша группа прислала опровержение, заявив, что в совещании «Кузницы» и «Твори!» и других — она не участвовала.

Опровержение не напечатано.

Стеклов взъелся: это не дело, это надо было сделать!

Гимельфарб бесился, извивался, кривился: в нем сказался чиноша, которому нестерпимо дорого мнение господина его редактора. Гимельфарб нам после это и высказал: «Вы меня подвели... Вы нажаловались редактору... Это нехорошо...»

Не жалоба, а ты, негодяй, ничего нам не сделаешь, вот что! Примерно сие мы ему выразили.

Стеклов величественно брякнул: «Я все закрыл... Я уже давно закрыл там все о литературе... Нет ничего дельного. Чуть одна».

Это он сказал еще до прихода Стоклицкого и Гимельфарба. Позже таких резкостей не бухал.

— Как это? — думали мы. Да разве это возможно, чтоб закрыть? И это теперь, когда литературе придадут такое значение? Да разве это мыслимое дело? Теоретически — нет. Практически — да. Этот негодяй, хапало, этот скряга и прихвост, приготавливающий одинаково хорошо и рефераты и румяна или белила — этот негодяй закрыл литературу у себя в газете, то есть приостановил в некоторой доле раз-

витие ее и процветание на значительный период. Это мне бесспорно. Так, в муках, пробиваясь сквозь толщу невежества, хамства, высокомерного пренебрежения — так идет вперед наше дело.

5.XII.1924.

VARDIN — REDACTOR*

Теперь он редактор. Больше ему ничего не надо: только этого и добивался. Ночи напролет бился мы над различными комбинациями: Вардин, Раскольников, Лелевич, Родов, Волин.

Раскольников, Волин, Лелевич и т. д. и т. д.

Ничего не получалось: отводил все комбинации кроме тройки: он, Раскольников, Лелевич, где он был бы практическим вожаком.

Тогда мы отступились ото всего, оставили редактором (Кокшина⁹⁴) в числе пяти, а ответственным редактором назначили его.

Согласился. Это ему и было нужно. Составлен уже первый номер журнала, распределены статьи, в январе он выйдет... У всех гаденький осадок по поводу этого решения: ясно каждому, что помимо соображений деловых, Вардин добивался этого из честолюбия.

5.XII.1924.

Объединение с «Кузницей»

Собственно, не с «Кузницей», а с «Федерацией рабоче-крестьянских писателей», но это же все равно, это все равно, что сказать: «Объединяемся с группой «Октябрь» или с МАППом — и там — и здесь соль в самом соленом месте.

Недавно, дней пяток назад, было совещание фракций — МАПП и Федерации. От них, впрочем, было только бюро фракции: выбрали согласительную комиссию: Вардин, Лелевич, Родов, Санников, Гладков⁹⁵, Бахметьев.

Седьмого — по обоюдному соглашению.

Эта комиссия вчера постановила:

- 1). признать совершенно необходимым объединение организаций пролетарских писателей,
- 2). созвать общемосковскую конференцию для выборов на совещание ВАПП,
- 3). поставить вопрос о переизбрании (они) или доизбрании (мы) правления МАПП,
- 4). на завтра (22.XII) созываем правление МАПП, где будут Гладков, Санников, Якубовский.

Дело шло ходом.

Я жду хороших результатов, несмотря на неизбежные осложнения. Боюсь не только самих осложнений — их будет можно избежать в своей партийной среде. Боюсь другого — родовщины: мелочного, показно-обидчивого, самолюбиво-здорного, интригантски-политиканского заострения вопросов.

Это будет пострашнее всего.

21.XII.1924.

RODOFF И RODOVЩИНА*

Роль Родова в целом считаю вредной. Он много заботится, предан делу бескорыстно (то есть в узком, материальном смысле, а в смысле славолюбия, честолюбия — о, тут далеко не бескорыстно,

* *Родов и Родовщина.*

даже наоборот, корыстно без меры, пакостно-корыстно) он в общем много работает, соображает неплохо, близко к сердцу принимает вопросы пролетлитературы, страдает за них, волнуется, стремится участвовать активнейшим образом (и участвует!) во всех литературных боях. Это все отлично, на пользу делу. Но такая это задирчивая личность, такая ехидна скорпионовна, такое мелочное честолюбие у него, так неприкрыто он тычется всегда и везде вперед, стараясь отеснить, заслонить других, так мало вообще уважает человеческую личность и так недвусмысленно ко всем пренебрежителен (кроме тех, от кого зависит), что неприятно с ним быть и общаться. По сердцу, — я ненавижу его органически, как ненавижу всех ему подобных. Он хитер, как паук. Никогда сам никуда не попадет, а в паутину свою непременно зацепит все, что только можно. Если вы захотите против Родова факты собрать — это бесполезно: против Родова фактов нет, ни одного, и быть никогда не может. Потому и не может, что все факты против него и выбирать не из чего, но ввиду того, что Родовы — это хитрейшие интриганы и политиканы — они все следы ловко

за собой заматают, они внешне всегда и все обставляют благополучно, у них ни к чему никогда не придерешься, на все у них есть свое оправдание и объяснение...

Вот, например, я убежден по всем фактам совместной работы, что большинство «срывов» всяких переговоров, и в ЦК и помимо ЦК — с «Кузницей» — именно благодаря Родову. Лора в этих вопросах пассивно идет за ним. А Сашка с Юркой усвоили себе какую-то ребяческую манеру авансом заявлять: Родов всегда прав, вот увидишь... И, в результате, верный срыв — под самыми благовидными, революционнейшими предложениями и формулами: там, дескать, меньшевичишки, там, можно сказать, попутчишки, там болото, а вот у нас, у нас... Родов всегда революционен — на словах. Объективно, он вредил и вредит делу. Но все у него ловко, шито-крыто. Руководит всем делом наш пяток. Я достаточного веса не имею, чтоб всех троих (Сашка, Юрка, Лора) повернуть за собой, а сунуться и наверняка провалиться, следует отойти тогда вовсе от работы — я не хочу. Я жду момента. Я жду обстановки, на которой можно будет Родова и подобных склочников гнать из нашего дела. Он держится по традиции, живет процентами своего старого бунтарства, а равно и благодаря пассивности нашей братии, ее неосведомленности в сущности дела (тут в большинстве строжайшая конспирация, все решаем впятером). Правда, в объединенном виде, особенно, если редактирует Родов, — все отдается на суд обществу, но это уже преподносится обществу соль-несоленая — кастрированные наши решенья.

Я верю и терпеливо жду момента, когда можно будет гнать интриганствующих политиков — сюда отношу и Вардина — тоже, по-своему, болтун и недалекий человек. Но хитер и ловок. По-своему неуловим. Внешне убедителен, а внутри — пустой в противоположность, хотя бы, Лоре: это вот да, это и есть подлинный вождь пролетлитературы.

Вардин честолюбец не меньше Родова, но у Вардина положение сейчас более выигрышное (ему, видимо, ЦК поручил ослабить наш напор) — и он легко добился почетного, почтительного «ответственного редактора» в цитадели пролетлитературы, в «На посту».

Ох, скорей изгнать бы родовщину, тогда из 80 процентов времени, уделяемого на заседания — 60 процентов можно будет всем отдать на творчество!

21.XII.1924.

На завтра же надо экстренно созвать всех членов Правления, кроме них Санникова, Якубовского, Гладкова — последний живет с Родовым в одном доме, одна до него минута ходу, спуститься только вниз по лестнице. Зная, что Грац⁹⁶ может не успеть известить всех — прошу Семена: спустись к Гладкову, скажи, чтоб передал и Санникову и Якубовскому.

— Нет, не могу...

— Но тебе же рядом.

— Все равно, не могу.

— Но Грац же не успеет завтра...

— Мне неудобно. Дойди сам.

— Мне, Семен, — говорю, — надо одеваться, идти 10 минут туда, 10 — у него, 10 — обратно, полчаса потеряю, мне же время дорого, я от работы оторвался, а тебе — 1 минута и, наконец, можешь с запиской сестру жены попросить или просто Эммика.

— Нет, нет, неудобно...

У него это значило: как это я, Родов — пойду к Гладкову — это же унижение... И притом секретарь ВАПП. Могут сказать, что мы упрасивали их...

Эх, и политиканишка же!

А я тут ровно ничего не вижу — мелочь, пустое, кто бы ни позвал.

Уж такая заноза, такой трус — всего боится.

12.XII.1924.

Подготовка к IV конференции МАПП⁹⁷ и Всесоюзному совещанию

Вчера — первое заседание правления МАПП с «гостями» (Санников, Гладков) — они присутствовали как члены согласительной комиссии. Было странновато. Впрочем, только заявили, что «все обсудим о IV конференции — на фракции» — на том и разошлись.

А потом, шестеро: Лора, я, Семен, Юрка, Саша и Илларион ушли к Вардину и там все решили. (Вардин, шутя, сказал: А вот это настоящее политбюро и есть!)

Родов вытащил целую грудку заготовленных ранее списков и всяческих распорядков: кто открывает конференцию,

кто в Президиуме фракции и конференции,

кто — делегаты на Всесоюзное совещание от «нас» и от «них»,
кто — в какое правление МАПП,
И так далее. И так далее.

Сидели часа три. Все решили. А, следовательно, и предрешили. Так делаются дела.
Политика — ничего не поделаешь.
Во всем должна быть политика.

3.1.1925.

Что такое РОДОВЩИНА*

Это объяснить нельзя — это черт знает что. Но, во всяком случае, это что-то гадкое.

Факты? Нет фактов. И нелегко добыть.

Несколько примеров.

* Родовщина.

Всесоюзное совещание. От ЦК получено 150 червонцев. Все у Родова. Нужны 5 — для организации вечера-концерта для совещания. Только пять. Обращаюсь: дай!

— Не дам.

— То есть, как не дам — не хватит, что ли?

— Ничего не знаю. Не дам.

Тон резко-оскорбительный, не допускающий возражений.

Каждый вопрос задирается, обостряется донельзя, атмосфера без нужды раскаляется. Об этом свидетельство — вся история переговоров с «Кузницей». Переговоры благополучно не окончились бы и теперь, если б в дело не вмешался Вардин, которого Родов боится, перед которым пасует, умолкает. (Хитрый Родов знает, что Вардин близок к ЦК!)

Вардин на него даже кричит, обрезает резко и... Родов смолкает мгновенно.

Вардин сделал массу тактических уступок за время переговоров и... ни одной принципиальной. Проявил большой (недюжинный, лучше сказать) ум, находчивость, чутье момента и обстановки. Родов рычал, но был бессилён. Решающий голос имел Вардин. Родов — совещательный.

Родов ни с кем не разговаривает как с равным. Он вообще не разговаривает, он, исключительно, распоряжается, приказывает. Чужого мнения не терпит, этому свидетельства все, решительно все скандалы и внутри и вне МАПП.

Это подтвердят и группы и кружки, хотя знают и видят они очень мало, это подтвердят Березовский, Хмара, Тарасов, Грац, Ревекка, Женя, машинистка⁹⁸, ну кто-кто угодно. Наглый скандалист. Совершенно не уважающий, не умеющий уважать человеческое достоинство в другом. Подчиненными, техническими лицами может понукать как хозяин.

Родовщина — это закулисное решение мельчайших вопросов, это хитрейшая, мельчайшая интриганско-политиканская линия во всем. Он ловкач и не глуп (недалек), многое научился предусматривать, ловить на лету, подмечать, запоминать (память у него исключительно хорошая, отличная).

Родовщина — это кружковщина, мельчайшая кружковщина, фракционность до последней точки, решение и предрешение мельчайших вопросов вдвоем-втроем, шепотом, боязнь перед массой, малодушие выступить с открытым лицом, политика приглаживания фактов...

Родовщина — это бахвальство и позерство, завистничество и мстительность жесточайшая и беспощадная. Я — всегда на виду, на первом плане, я и в фотографиях — в центре, я и все доклады-отчеты подпишу, я и выступлю, где это нетрудно, а заметно, я и фамилию свою поставлю на виду, я ставлю говорить о себе и т. д. и т. д.

Это хитро обставленная самореклама.

Родовщина — это бездарная ограниченность, никогда не могущая дать ничего заметного, это болото, по существу, творческое ничтожество, не верящее ни одному подлинному дарованию, его не признающее, ему не помогающее, наоборот, готовое его заморозить, свести на нет.

Многое из отрицательного меркнет потому, что на лице — фанатическая преданность делу, жизнь только в этом деле, этим делом. Но можно ведь любить дело... и все же вредить ему.

Так вот Родовы — больше вредят, в общем и целом. Их, как вредных, тушуют только достойные Лелевичи и представляют свое положительное дело делом общим, а следовательно, и Родовых.

Без Лелевичей — Родовы абсолютно вредны, достойны изничтожения как ядовитые блохи. Много раз, по простоте и наивности, добрея под настроением — бываю я склонен подумать, что ошибаюсь во всем этом, что изливаю в этих определениях свое негодование, минутный гнев и т. д.

Я минутами даже нежность чувствую к Родову, особенно, если он уже с полчаса ничего никому не приказывает.

Но настроенье мое и отношенья тотчас меняется и пропадает, лишь коснусь дела — тут всех и все оттирающая и подавляющая, ни с чем не считающаяся Родовщина, мерзко себя обнажает. Надо бороться за ее уничтожение! Да-да!

8.1.1925.

Всесоюзная конференция⁹⁹.

ЦК переименовал Совещание в Конференцию. Мы потому три месяца назад и пошли на согласие ЦК «созвать небольшое совещание, созываемое группой «Октябрь»...» — мы уже тогда решили поставить ЦК перед фактом многолюдного Совещания и о необходимости переименовать его в Конференцию. Теперь конференция кончилась. Маялись целую неделю. Главная маята была с хохлами¹⁰⁰. Не с сознательными, интернационалистами украинцами, а с заядлыми национал-шовинистами хохлами...

Уломали и их. Исключительная роль в посредничестве — Вардину. Даже очень возможно, что без него хохлы уехали бы вовсе, не дали бы договориться. Вардин просто, умно разрешал вопросы — надо отдать должное. Я не люблю Вардина — он высокомерен и мало уважает человека, но человек он не дурак, находчив, легко ориентируется, твердо стоит на своем. Отчет будет стенограммой. О вопросах молчу. Один факт: выбирали вчера Президиум — 11 человек. Хохлы отводили Родова. Мы, семеро, горячо говорили «за». Говорил горячо и я — горячо и искренно как за беззаветно, бескорыстно преданного делу пролетарской литературы, талантливого организатора, ориентированного в делах организации... Правда, горячего, порой придирчивого, которого я сам порой бешено ненавижу и по несколько дней не говорю с ним, но.., но все это мелочи по сравнению с пользой, которая от него на деле, ВАПП без Родова — это нечто пока, вовсе немыслимое.

То же говорили Сашка, Юрий, Вардин, Валайтис, другие...

Я был искренним. Так оно и есть. Как человечешко — заноза, как самоотверженный работник — клад. Вот тут и выбирай.

Прошла конференция болтливо. Время провели не утилитарно: целые дни декларировали, а потом в «несколько секунд» решили организационный вопрос — доклад я делал в последний день, после всех вопросов, позже 12 ночи — ну что это за доклад, что за время, что могло быть за решение?

Гнал уж тут карьером — полконференции разъехалось.

Воспитательное, зарядительное значение конференции — огромно и велико значение объединительное: теперь все жмутся к центру, к ВАПП, знают, где что искать.

Конференция, несмотря ни на что, — показала явственно, что сила у нас, с нами, в нас. Что помимо нас — этих вот тысяч — отдельные, все лишь догорающие человечешки, люди, группочки и теченья без всякого будущего. Будущее — только за пролетписателями!

13.1.1925.

В рядах наших неладно.

Получилось так: Вардин, Родов, Раскольников, Лелевич, Фурманов, Безыменский, Либединский — эта семерка решает все. Здесь все предусматривается, все предрешается. А уж потом — выносятся на Правление ли, на широкое ли собрание. Но, думается мне, что внутри этой семерки есть еще свое ядро (Родов без этого не выживет) — ядро, которое предрешает, в свою очередь, все для самой же семерки — это тройка — Родов, Лелевич, Безыменский. Я думаю, что среди этой тройки (это уже полушка) имеется свое ядро — Родов, а среди Родова, внутри его — особое и последнее внутреннее яичко-ядро, это его мелкий бес, дьяволок властительства, зависти и политиканства.

Не могу, не могу я никак перерешить это свое неизменное о Родове мнение: интриганишка и политиканишка.

Но — пока — необходимый, иначе, кто же столько времени отдаст на ВАПП, на всю нашу работу? Родов после конференции чуть сбавил тону, но остался, конечно, тот же по существу.

Журнал «Октябрь» — орган ВАПП. И дела его решает Правление ВАПП. Недавно узнаю, что из

Редколлегии отвели Березовского. Даже не известили его заранее, просто поставили перед фактом. Это циничный бюрократизм, этим сам я возмущен до глубины. А Березовский рвет и мечет, хоть и сдерживается. Подгоняет созыв группы «Октябрь» и там хочет «выговориться».

Отведен из секретарей журнала Тарасов-Родионов — и вообще за грубое обращение с авторами и за свою партийную одиозность перед нашими партцентрами и, в конце концов, за составление письма против Бабеля, письма подаваемого, кажется, Ворошиловым в ЦК от имени некой «группы» Перво-Конно-армейцев¹⁰¹.

Этот теперь тоже зол.

С Березовским за компанию, больше по дружбе — Модзалевский¹⁰².

Скрипит-шипит часто браковавшийся Хмара — тоже с ними.

Дальше — чуть не колеблется Доронин¹⁰³, зол за невыборы в Правление МАПП — Коренев¹⁰⁴, словом, компания набирается довольно изрядная: это все враги родовщины. В некоторой части вопросов согласен с ними и я насчет халифатства, насчет излишней конспиративности, в которую кутаемся, насчет игнорирования чужих голосов, увлечения организационной работой и фактического прикрытия группы «Октябрь», которая весь год, кажется, так ни разу и не собиралась.

Будет большой бой. Все рвутся из-под диктатуры небольшой олигархической группы.

Назревшее желанье.

Поздно нянчить такого здоровенного, уже давно-давно выпестованного ребенка.

Меньше родовщины, больше творческой работы!

28.1.1925.

О халифатстве в МАПП.

Я все больше и больше недоволен поведением нашей головки, убеждаюсь все явственней, что она идет по ошибочному пути. В чем же дело? А вот в чем:

Все дела вершит кучка в 7 человек (в том числе и я, грешный). Все всегда предрешено — это ясно каждому. Недвусмысленно и прозрачно, что не правление, положим, МАПП решает, а кучка, часть которой, правда, и правленцы. Правленью это бы простили, ему и козыри в руки, оно на то и выбрано, чтоб многое предрешать, а вот кучке — этого не простят. Полезны ли, однако ж, эти частые совещания? Бесспорно, да. Но редчайше и по вопросам глубоко принципиального значения, а не мелочиться до пустяков, иначе нечего делать ни Правлению, никому иному. Параллель с Политбюро не годится:

1). Политбюро все-таки орган, а не кучка членов РКП.

2). Оно выступает перед целым миром и в условиях зорко-вражеского окружения и кроме его самого — все ему (вне партии), может быть, не помощники, не сотрудники.

3). Там вопросы чуть (!) поважнее и поконспиративнее наших. Словом, эта обычная параллель, на мой взгляд, — чепуха и втирание калаш в очки.

Я искренно и недвусмысленно верю, что с «Кузницей» надо и можно ассимилироваться, отсекая вовсе нездоровые и гнилые элементы, вроде Макарова¹⁰⁵.

А тут у нас небрежность к ним возмутительнейшая и неверие в объединение — опаснейшее.

Кузнецам, по существу, ни во что, никуда носу не дают воткнуть, их никуда не пропускают.

В кружках, где наши руководители, можно подпустить по одному Кузнецу: надо в практической работе изживать многолетнее разъединение и взаимную отчужденность, тем более что в руководящей головке (Санников, Гладков, Якубовский) — там боевое в нашу сторону настроение.

И в «Твори!» (откуда недавно в «Кузницу» ушли Макаров и Пчелинцев¹⁰⁶) — все 34–36 человек за содружество с нами. Надо ловить момент, надо закреплять его работой. А Лелевич и Родов, от которых, по существу, все и зависит — они ни на грош в объединение не верят и не хотят допускать другую сторону к работе. Пока я молчу. Говорю о своем недовольстве только им двоим. Вот, хотя бы, и вчера на секретариате МАПП говорил я об этом Лелевичу — он категорически высказывается против их участия в работе по кружкам, хотя бы и совместно с нашими ребятами. Эта опаска из рук вон вредна.

А сегодня — какой это опаснейший промах.

От имени МАПП в Академии художественных наук¹⁰⁷ на вечере пролетарской литературы Лелевич говорил обо всех..., кроме Кузнецов, лишь вскользь упомянув фамилию Гладкова.

Срам, позор, вреднейшая ошибка. И Санников мне официально, как секретарю МАПП, заявил, что они, кузнецы, в знак протеста уходят с вечера и выступать не станут. Так и ушли. А вопрос ставят на Правлении ВАПП. Вот они, результаты глупости. Вот они, ненужные осложнения!!!

Это не паника — это холодное констатирование фактов.

Оттерт от работы огромный контингент МАППовцев, многие под подозрением: Хмара, Березовский, Тарасов, Валя Герасимова¹⁰⁸ и т. д. и т. д.

Я бы их сумел использовать, а приходится, чтоб нейти пока в разрез с этой группой — отказаться от этого.

А это небрежное отстранение Березовского от редакции «Октября»? Безумие. И все растет, растет глухое недовольство против МАПП-верхушки. Пахнет бурей.

Творческой работы никакой. Все силы глушим на заседания. Публика писательская, по существу, разъединена. Не видит, не чувствует опоры и поддержки. А мелочная родовская опека за каждым шагом и словом чужим — довершает картину. Чтоб выступить уверенней — я хочу сначала утвердить по районам свой авторитет.

Наши критики — что они делают? О ком, что они пишут? Ни о ком из нас ничего.

А наше писанье ведь тоже ждет своей оценки, иначе кто же и писать о нас станет, если не наши критики? Мы в забросе. И это гнусь. И из-за этого бунт идет. И бунт законный.

Зреют собрания. Не знаю, сумеем ли мы их предотвратить. Но чувствую я, что огромная ошибка кроется в линии действия нашей олигархической макушки. Начинаю биться за перемену этой линии!

29.1.1925.

Тучи над МАППом.

Вчера не состоялось заседание группы «Октябрь», — там собирались бить родовщину. Стало известно, что на днях было тайное совещание у Хмары на квартире. Присутствовали кроме него — Березовский, Тарасов-Родионов, Соколов (вчера обратно включившийся в группу, а до этого, вероятно, сагитированный Березовским, всячески пополняющим свои ряды), присутствовали, кажется, Модзалевский, кто-то еще... Это уже заговор внутри МАПП. К этому заговору привела родовская линия.

Ассоциация выросла из пеленок и хочет быть самостоятельной, а он, подлец, все еще ее тиранит. Я фактически чувствую свое единство с этой группой по вопросу о борьбе с родовщиной, но не объединюсь потому, что каждым членом этой группы, видимо, руководят еще и соображения узко-личные:

Березовского прогнали из редакции «Октября».

Тарасова — тоже.

Алешке попало уже немало и т. д.

Это меня отшибает, в эту бузотерию и мстительство я не хочу затереть свою борьбу.

От семерки оторвался — они там заседают, верно, без меня.

А меня чураются. И это вполне понятно — они мне больше не доверяют своих тайн, опасаясь, что их я смогу использовать.

Над МАППом тучи.

Не знаю, не знаю — прольются ли они очищающим дождем, или только молнией ударят в здание и разнесут его в щепы, а щепки эти сожгут дотла. Верю, что первое. Ибо движение не может сгнуться от такой причины.

5.II.1925.

Rodoff* ловко использовал** промах Тарасова

Тарасова и Березовского исключили из редакции «Октября». Оба кипели гневом. Оба готовились к мести, к борьбе с Родовщиной вообще.

Позавчера, в четверг, поздно вечером Лелевич мне звонил и просил на вчера (пятница) созвать экстренно Правление МАПП, т. к. удалось узнать случайно о бузде Тарасова в «Вагранке» против редакции «Октябрь», против Родова и т. д. У меня был все равно целый ряд вопросов на Правление — и я созвал. Что же получилось? Четыре с лишком часа Rodoff старался обнажить и опакостить всячески Тарасова, ибо

- 1) Надо ему было сокрушить непосредственно Тарасова
- 2) Расколоть их с Березовским
- 3) Попытаться кастрировать Березовского.

* Родов.
Так в тексте.

Тарасов, видите ли, высказывался там, будто «Октябрь» хочет печатать больше попутчиков, а кружковцев — нет.

Тарасов что-то брехал там и на самом деле. Но я, как ответственный секретарь, мог его вызвать и говорить, узнать, сказать то или иное распоряжение.

А собирать из-за этого Правление, мяться целых четыре часа, отбросить все другие вопросы — это преступно.

И все это потому, что Родову надо обессилить своих противников и расколоть их перед предстоящим бурным заседанием группы «Октябрь», назначенным на понедельник.

Я возражал. Я протестовал против долгой болтовни и отвлечения по каждому пункту, я, наконец, был взбешен и бросил заседание, ушел в ужасающем волнении.

Я не могу... не могу больше так работать. Мне хочется все бросить к черту и отойти в сторону. Я больше так не могу. Это сволочное хитрейшее родовское издевательство. Это какое-то сплошное шпионство, это мерзость, которой выносить я больше не могу.

7/II.[1925].

Rodoff своего добился:

1) Тарасова постановлено из «Вагранки» отозвать.

2) Принудили его написать отказ от всего того, что сказано в протоколе «Вагранки», присланном вчера нам секретарем этого кружка.

3) Сведения, сообщенные Родовым о Тарасове (как от имени МАПП ходил к секретарю ЦК Андрееву¹⁰⁹ и доказывал ему «противуленинскую» линию Троцкого вообще — весной 1924 г., как писал под диктовку Ворошилова против Бабеля письмо от Конников в ЦК), сведения, действительно, поганящие Тарасова, окончательно размягчили Березовского, откололи его от Тараса и он в конце уж только поддакивал Родову, со всем соглашался, каялся в своих ошибках и т. д. Родовщина, хитрая, ловкая — и тут победила!

7/II[1925]

Гром грянул.

Грянуть грянул — да не тот. Не с того конца. Тучи над МАПП разрядились ударами... со стороны ЦК. Прибежал позавчера Лора возбужденный и выпалил:

— Раскольников снят с «Красной Нови».

Запахло порохом...

Завтра надо экстренно созвать фракции МАПП, выставить свой протест.

Эх, мы сейчас уже в разные стороны погнали свою «тыщу курьеров»:

один бежал, другой передавал, третий висел на телефоне...

Какие же могут быть причины?

Этого никто-никто не знает. В Политбюро дело обстоит так:

Зиновьев — за нас.

Бухарин — против (фактически, не теоретически).

Сталин — меж ними, смотря по настроению.

И вот Сталин, у которого наша делегация была всего три-четыре дня назад; Сталин, который говорил:

— Да. ЦК поручил Воронскому руководить попутчиками, а на деле... на деле Воронский был ими водим...

Этот Сталин теперь, чтоб утишить свои разногласия с Бухариным, в угоду ему — подбросил на съеденье нас, нами пожертвовал, нанес нам удар.

В четверг было Политбюро. В пятницу Раскольников получил выписку о том, что он «освобождается», а на его место встает Емельян Ярославский¹¹⁰, в свое время дневавший и ночевавший в Сибири с Правдухиным и Сейфулиной¹¹¹, — а недавно в газетах поместивший в защиту Правдухина (против нас) записку — письмо-оправдание. Дело, значит, дрянь. Да он попросту и работать-то там не станет, а всю работу поведет единолично Воронский, тем паче что за последнее время заметно вправо колебнулся и третий член редколлегии — Сорин.

Итак, дело дрянь. Созвали фракцию. Вардин сделал сообщение. Решили принять в основу вардинский проект письма и, обработав, подать в Политбюро. Что-то будет. Что-то будет. Думаю, что не будет ни хрена, что все останется так, как Политбюро постановил, что решенья своего за ошибку он не сочтет. Протест, разумеется, послать надо, и пусть он будет напоминаньем, сигналом, но... но толку, видимо, не будет, а ежели и будет, то самый малый.

9/II[1925].

Глупо было бы, конечно, думать, что по получении сведений об отставке Раскольникова — «семерка» наша не собиралась. Собиралась. И может быть даже не раз. Меня не уведомили, не звали. Я за бортом, я отстранен. Я отпал сам по себе после того, как выступил в этой же самой семерке против Родова. Пусть Вардин был за меня, пусть Раскольников был ни за кого, пусть Сашка и Юрка любят и ценят меня — все равно, — стоит только Родову не пожелать, запротестовать, как все они (по-разному и под разными предложениями) — согласятся с ним: одни не захотят спорить и заострять вопроса «из-за таких пустяков» (Вардин), другие по общей своей пассивности и неуверенности (Раскольников), третьи — по уверенности — слепой, глупой, дикой, что «Родов всегда прав» (Сашка и Юрка), а Лора сознательно выступит с Родовым и будет молча поддержан Зониным. Так совершилось. Так должно было совершиться. Я это знал. Я на это шел. Предвидел, зная Родова.

Впрочем, Вардин, как бы он в отдельных вопросах со мной не солидаризировался — он все равно не терпит меня: во-первых, как самостоятельного человека (а ребята часто тушуются перед ним, отступают, уступают, памятуя и говоря об этом открыто, что «Вардин-де близко стоит к ЦК, с Вардиным надо быть осторожно, Вардину надо уступать»). Я под этим углом к нему не подхожу, он это чувствует и за это самое не любит меня). Во-вторых, он склонен меня все время третировать, как «троцкиста»¹¹², и я ему об этом говорил неоднократно.

Между прочим, скажу к слову, мерзейше на этот счет держится Лелевич, только что, недели четыре-пять назад, говоривший мне: «Вопросы оппозиции я считаю совершенно лишним пересматривать — я в прошлом так же убежден, как был убежден и раньше, но как дисциплинированный член партии и т. д. и т. д.».

А как только надо высказаться в этой плоскости перед Вардиным — он трусливо отступает, он промалчивает там, где это выгодно, под чем угодно и в какой угодно формулировке подпишется, даже, если надо — против себя выступает.

Держится мерзко, трусливо.

О Сашке уж нечего и говорить — этот в вопросах политики не разбирается, а подписал письмо в «Правде»¹¹³ — вовсе ренегатствовал. Это ведь отнюдь не за ленинизм против троцкизма, это поплыл человек по течению.

Родов... Родов всегда был балластом, он никогда ни за что в политике не высказывался. Это лишь к слову.

Словом, я за бортом семерки. Она бесспорно собиралась — видимо у Родова, так как Сашка и Лора бегали туда (об этом я узнал через Наю¹¹⁴ телефонными звонками, мне очень хотелось проверить себя) и, кроме того, Родов болен, назавтра уезжал, собирался, не выходил из дому.

Вардина нет. Проект не мог быть составлен Вардиным единолично.

В такой момент единство и сплоченность наших рядов очень, очень нужны. Сегодня — группа «Октябрь». Я предполагал было выступить против родовщины и уже заготовил массу материала, но теперь воздержусь, не стану, отложу — ибо по этой линии можно создать раскол. Не время. Обожду, пока прояснится горизонт.

9. II. 1925.

За протест от ЦК нахлобучка

Вчера Санников и Лелевич отнесли наш протест Сталину. Сегодня нас вызвали в ЦК, в Отдел печати, к Нарбуту и строговато с недовольным видом заявили (Нарбут):

— Вы там создали фракцию, а не пригласили представителей от Отдела печати, ни от ЦК, ни от МК.

Вы подняли кампанию среди рабкоров на периферии: вот вам телеграмма-протест ЛАППа¹¹⁵!

Что, дескать, за безобразии!

Мы ответствовали:

1). Фракцию — не фракцию, а всех коммунистов, входивших в МАПП, мы, действительно, создали. Мы увидели ошибку в постановлении ЦК, который, сменяя лиц (Емельяна на место Федора), сменял, по существу, целые течения. Мы увидели и как коммунисты сочли долгом указать своему ЦК ошибку. Так, например, какой-нибудь главконцесском постановит отдать на концессию какой-нибудь завод. А фракция коммунистов, хотя бы ВСНХ, увидит, что можно восстановить завод своими силами — так неужто она станет молчать? Вовсе нет. Наоборот: их обязанность указать на это своему высшему парторгану. Разве это будет плохо? Отнюдь нет. Вот, если и при пересмотре высший орган все-таки будет говорить то ж — тогда иное дело, раз это убедительно, доказательно.

Так и мы. Увидели ошибку ЦК. Почему бы ему и не ошибиться? Кто работает без ошибок? Вот не-

давно, пришлось же самому ЦК делать выговор и дать пощечину целому бюро Одесского губкома РКП, оскандалившемуся по делу Малиновского¹¹⁶.

Так-то. Мы считали коммунистическим долгом обратить взор ЦК сюда еще раз!

2). Никакой кампании с рабкорами не вели. Ни в каком кружке. Ни на одном заседаньи. Были лишь два таких случая, что в «Искре» и «Антене»¹¹⁷ некоторые коммунисты, отсутствовавшие на собраниях фракции МАПП, спросили, что там было. И руководители коллективам этих кружков все разъяснили.

3). На периферии никакой пропаганды не вели — ни ВАПП, ни МАПП. Телеграмма ЛАППа, вероятно, связана с выездом в Ленинград по другим делам Вардина, который от ВАПП никаких наказов не получал.

Приняли резолюцию. В конце концов, совершенно безобидную. Подписались. Мирно разошлись.

12. II. 1925.

Как мы не жалеем время.

С этим я особенно борюсь: у нас в МАПП совершенно не дорожат временем. Там, где можно упорядочить одному — ташат троих, где троим — целый десяток. А десяток болтает в десять раз больше, тут уж каждому охота высказаться и получается черт знает что.

Возьму несколько примеров:

1). С Тарасовым. Баня ему за сепаратизм и позорную проповедь в «Вагранке» о том, что вот он-де принимал рукописи рабочих в журнал, а вся редакция их отвергала... Созвали Правление. Болтали с 6 до половины 2-го часа ночи и, в конце концов, неправомочные (присутствовали 5 из 15 членов Правления)... исключили его. А это дело надо было попросту поручить расследовать ответственному секретарю, а дальше — решить ли самому, доложить ли исчерпывающе Правлению так, чтоб сидеть над этим делом полчаса, а не семь с половиной часов! Безобразие!

И тут нельзя отбояриваться тем, что дело важное, спешное и т. д.

Ну, конечно, важное и спешное — на то и Правление — его разбирать. Но нельзя же так. А болтовни, болтовни было — ух!

Я не выдержал — с грохотом прорвался сквозь болтунов и убежал. А когда говорил, чтоб сократили болтовню — комиссаром называли: «Это тебе не на фронте!»

Вот именно, не в бровь, а в глаз: «Это в глубоком тылу, где болтают бездельничающие тыловые крысы, пока на фронте идут бои!»

2). Нужно с «Вагранкой» поговорить после всего произошедшего, разъяснить ей истинное положение вещей. Идет туда руководитель, Березовский — человек достаточно зрелый, умный, притом же отлично знающий всю эту историю.

Идет и Либединский. Так нет вот, все еще мало: оказывается, надо идти (кроме того!) — мне, Раскольникову и еще кому-то еще (так видите ли, думает Лелевич, как сообщил наивно Юрка). Ну, не чепуха ли! Ну а ежели еще 10 человек послать — почему не послать, раз уж такая логика: чем больше, тем лучше!

3). Сегодня у Нарбута приняли эту, по существу, невинную резолюцию (о, конечно: тут каждое слово должно быть взвешено, как скажет Лелевич — отчеканено, предусмотрено — мы ведь находимся в стане партийных врагов!). Но резолюция-то — невиннейшая! (Тут Фурманов по политической близорукости своей, конечно, не видит огромной серьезности принятого решения и т. д., в данный ответственный исторический момент и т. д.)

Но это болтовня.

Лелевич заявил торопливо и тоном, не допускающим двух мнений:

— Митяй, ты, я и Санников завтра в 11 утра у меня соберемся обработать эту резолюцию.

А что это значит? Вот что: потерять три, самое малое два часа, вместе с ходьбой, неизбежными просрочками, разговорами до и после обсуждения. А это ведь не шутка: потерять, да еще с работы, три часа! Притом же нечего и обрабатывать: просто один Лелевич посмотрит ее 20 минут, исправит и отдаст в перепечатку. Так я ему и заявил.

Сказал, что не пойду, времени нет.

Время, конечно, нашел бы, но не на это, а на серьезное дело, на подлинно серьезное!

Тогда он замолчал, уговорив только одного покорного Гришу.

Ужас. Белый ужас от этих никчемных заседаний, совещаний, разговоров и прочего, прочего!

Хорошо болтать Родовым и подобным, они все равно не пишут и не напишут ничего! А тут ведь уйма времени, сил, энергии уходит и притом (вот в чем ужас!) — процентов на 70–80 — впустую!

Движение наше верное. Путь, направление наше верное. Но формы, эти вот и подобные проблемы — требуют какого-то коренного перелома, изменения!

И тут родовщина дает себя знать под лозунгом: «Ребята, не жалея времени! Больше, громче, чаще заседай!» Бей в стену лбом — авось пробьешь!

12.II.1925.

Схватка в «Октябре»

Вчера она произошла, первая схватка в «Октябре». Я не был все время, меня послали в «Кузницу», где со скрежетом зубным, дрожащий и нервный, сидел я на бузе до половины 12-го.

А потом на извозчика и — в Пролеткульт!

Тут уж что-то и многое спорили до меня. Но высказал и я свой гнев:

— Тараса выбросили из кворума правления МАПП, а для кворума потом «собрали» голоса Березовского и Либединского. Это позор! На кой нам черт это хитречество, эта ловкость, эта подлость, говоря откровенно! Отшвырнули Березовского из журнала нагло, бесцеремонно, дико!

Отшвырнули фактически Хмару от всякой теоретической и иной работы.

Ничего нельзя сказать откровенно — сейчас тебя назовут предателем, подлецом, изменником делу пролетлитературы и т. д. и т. д.

До двух ночи. Жару было — беда! Приняли постановление!

14.II.1925.

Резолюция против родовщины.

Всю ночь мы сегодня бились, до половины четвертого утра — когда пришел я, было совсем светло. Вчера делал я в «Октябре» доклад о родовщине¹⁸. Всегда какое-то одно обстоятельство, один случай выводит человека, или целую группу — большую или малую — выводит окончательно из равновесия. Вот терпит-терпит, кипит-кипит, словно бы и убежден совсем человек, а вот еще ждет чего-то, а все не решается, словно кто-то что-то за него сделает само собой, кто-то иной возьмет инициативу, а будет тогда лишь активным участником событий. Вот я и думал: зло родовщины сознал я не вчера, давно понял его, раскусил, готовился к борьбе с ним. Но выступил лишь теперь. Как будто последним фактом, последним из огромной массы других — было объявление мне (без предварительного разговора со мною, не посоветовавшись, не убедив в необходимости и целесообразности) — генеральное объявление мне, что я перебрасываюсь на более широкую, видную и ответственную работу — из МАПП в ВАПП.

Решено это было путем закулисных интриг, в мое отсутствие (две недели я лежал-отдыхал в санатории), решено было после ряда моих откровенных выступлений против родовщины и Родова на собраниях «девятки» — с тем решено, чтобы меня оторвать от живой силы МАПП, от базы, от наших кружков. Я это понял и решил этому не подчиняться, а против подлого интриганства спешно мобилизовать силы: вместо покорности — открыть борьбу. Так, кажется мне, решил я выступить открыто, попытка эта и была последней гирькой, перетянувшей дело от выжидания к борьбе. И вот — начал работу. На кого было опереться, с кем связаться в первую очередь?

Надо точно и тонко взвесить обстоятельства, иначе прахом полетит вся затея, несмотря на ее серьезность, законность, полезность: ее могут провалить даже те самые лица, которым надо бы, по существу, ее поддерживать-защищать.

Разумеется, главная сила наша — кружки. Туда и надо бы обратиться, но... Но, ежели в боевой нашей крепости, в «Октябре», ежели в Правлении МАПП, буду я один или двое нас, трое будем защищать свое дело, а против нас 15–20 — можно быть уверенным, что дело обречено на гибель. Да, на гибель и особенно потому на верную гибель, что в противниках мы тут имеем не только чистого, честного Лелевича, но и Родова, главным образом, этого подленького, гаденького Родова, который инспирирует и конспирирует любое дело. А пошло бы дело таким ходом: во фракции правления МАПП постановило бы огромным большинством воспретить мне являться в кружки и «вести там разлагающую демагогию», а ежели я чуть-чуть заерепенился бы по этому поводу (на это даже у Родова нашелся бы какой-нибудь провокационный маневр, чтобы вызвать меня на резкие шаги!) — будьте покойны, на первое же заседание «Октября» явились бы подставные протестанты, «представители мест и масс» и заявили бы, что требуют моего исключения из рядов пролетлитературы. Тогда фракция «Октября», обсудив вопрос «всесторонне» и будучи ко мне предубеждена — постановила бы исключить меня. Вот ясный, незатейливый ход развития событий, ежели я стал бы их развертывать сразу снизу. Надо было прежде всего обеспечить себе тыл: фракцию группы и Правления МАПП. Я перебрал по пальцам чле-

нов этих организаций, взвесил, который на что может быть годен и до какого пункта моей программы действий пойдет активно со мною, откуда поплетется пассивно и где остановится, попытается, пойдет против меня? Осмотрелся и... робко стало: материал, в большинстве, признаться, вовсе не тот, с которым хотел бы я иметь обращение. Откровенно надо сказать, что материал, против которого я поднял теперь борьбу, в своем огромном большинстве персонально куда чище, свежее, крепче, надежнее того, с которым приходится теперь идти рука об руку. Это персональное — собственно персональное презрение у меня к одному только Родову, остальных, почти всех, не только терплю — люблю.

И оттого сугубо тяжело и прямо-таки жутковато начинать было борьбу при таких обстоятельствах.

Но... персональная качественность — одно, а система действий, которую они — эти милые ребята — олицетворяют и осуществляют — это вовсе иное, и тут надо похерить личные свои симпатии и антипатии. Чего не бывает в периоды маневрирования — решил я про себя: было время, когда иные левые эсеры были, может быть, нужнее и дороже иных «милейших» большевиков для самой большевистской партии! И решил не смущаться этой деталью положения. Вот они новые сотоварищи:

Березовский — самолюбивый, честолюбивый, мало чуткий и мало талантливый мужичок с хитрецей, которую под маской невозмутимого спокойствия и объективности носит самую недвусмысленную подленькую пристрастность и пристрастность мелкого, личного пошиба, который не имеет твердого собственного мнения, который, попросту, мало умен, который может быть превосходным подхалимом, негромким и всегда безуспешным карьеристом, мастером на цыпочках ходить перед «высокими» людьми, прикрывая, правда, это обстоятельство внешней показной независимостью.

Вот Тарасов-Родионов, за которым числятся преступные политические дела, который в МАПП совершал преступные деяния, шатался по «троцкизму» в ЦК, составлял непотребные письма для Ворошилова¹¹⁹ и т. д. Тарасов проникнут и охвачен острым чувством мести к Родову — это я тоже знаю. Тарасову из личных целей надо Родова стереть в порошок, это знаю. Но у него и не только это, — у него есть и принципиальная вражда, у него есть и то, что у меня: стремление сбить родовщину, не только Родова. Он взял от Грац справку, что тот давал хронику в «Октябрь», проверил — она напечатана без измененья, как ее дал Грац, а деньги получил... Родов. Эти документы добыл, заготовил Тарасов — он хочет Родова пронять по всем направлениям.

Хмара-Банквизер — этот тоже против Родова выковыривает охотно всяческий материал, тоже злобствует по поводу долгого своего отстранения от практической работы в МАПП, мстит за невыборы на недавние конференции, словом, тоже кое-что имеет внутрих против Родова. Он особо настойчиво требовал родовского исключения из МАПП — я с трудом его поколебал и уговорил, убедил, что нам же самим это и невыгодно. Хмара же в параллель с моей общепринципальной резолюцией против родовщины — заготовил и частную резолюцию против Родова персонально, да такую завернул, что целый абзац о «нечистоплотности» пришлось выбросить. И все-таки Хмара — иной.

Во-первых, он не глупый человек, не наивный и доверчивый расхляба, парень достаточно крепкий, на своем стоит убежденно и в трудную минуту не поколеблется, не выдаст — его сладкими словами не засахаришь, голова работает у него неплохо, самостоятельно, а крепкая настойчивость и убежденность заставляют его доверять.

Корнев Геннадий — парень-то он толковый, но пассивен, не то чтобы подвел и изменил, а вялостью, медлительностью, пассивностью своей может навредить.

Завалишин, Минаев, Хохлов¹²⁰ — эти трое вовсе новички и много не знают. Правда, Завалишин, обычно, идет за Березовским, Минаев крепко разагитированный, а вот Хохлов — это мешок с сеном, он все время «воздерживается».

Есть Роман¹²¹, парень-золото, но тоже знает мало, на ура поступать не хочет и потому во многом сдерживается, путается, может сдрейфить.

Есть Модзалевский — очень даже симпатяга, но слишком теоретизирует и редко что проделывает практически. Не болтун, нет, вовсе не болтун, но все дает только формулировки, а с делом — не успевает.

Никифоров Георгий — этот неплевал бы на любую организацию, на всякие, даже редчайшие, собрания, никуда-никуда бы не пошел, ежели бы был уверен, что печатать, оценивать его будут и без посредства этих организаций. Неорганизованный, ненадежный парень, хоть и симпатичный лично —

подвести может в критический момент безбожно, а, впрочем, где большинство, там и он. Своего мнения не имеет, болтается как говно в проруби.

Ефремов¹²² — этого не поймешь, где он и с кем заодно: то, как будто, с нами, то кроет нас, не поймешь. Обо всех с одинаковым жаром, одинаково «серьезным» выражением неубедительного лица, одинаковым будничным тоном.

Такова компания.

А там: Сашка, Лорка, Зонин, Родов, Малахов. Из этих — мерзки только двое последних. Отсутствуют Юрка и Леопольд — это тоже силы и силы крепкие. С ними же Вардин и Раскольников, так что ежели подсчитать по квалификации — внушительно у них, куда внушительней, чем у нас, «вождей» у них воистину больше. Но это обстоятельство не смутило, хоть и задержало на себе: будут вожаки, доспеют, подрастут, ведь огромное-то поле пролетписательское за нами... В этом и сила наша.

Ну, пусть некоторое время останемся мы без докладчиков, вроде Лелевичей, без поэтов вроде Безыменского — пусть, они все равно придут к нам: куда же им деться, раз вся масса будет с нами. А масса будет с нами. Если бы этой уверенности не было, — тогда вообще и борьбу было бы затевать бесполезно...

Целый день вчера настроение у меня было исключительное, редкостное: такое бывает всегда перед ответственным боем. Я готовился: мобилизовал мысли, мобилизовал материал, группировал факты и даже фактики: «при случае всякая веревочка пригодится».

Весь день в тревожном волнении. Близится вечер. Скоро семь — в семь доклад. А я еще сижу у Нарбута — к нему попал в последнюю минуту. Знаю, что сегодня соберутся все, соберутся вовремя, не хочу заставлять ждать, злиться, этим, хотя бы, восстанавливать против себя: все-де собрались, а докладчика вот нет и нет...

Не пожалел, закатил на извозчике. Уж все почти были в сборе — подходили потом Завалишин, Модзалевский, Хохлов...

И — помню это — как только отворялась во время заседания дверь — все мигом оглядывались с затаенной тревогой: свой или чужой.

И, увидев, — одни светлели лицами, другие — темнели. Это приходили новые «руки» и «голоса».

В самом начале внеочередно я объявил (когда председателем избрали Ефремова вместо предложенного нами Березовского. На Романе-секретаре все подозрительно сошлись — это меня, признать, встревожило: неужто сагитировали?), объявил я о том, что:

1). ЦК не возражает против сегодняшнего доклада,

2). ЦК согласно, что постановление Правления МАПП в отсутствие председателя ЦК от 16.IV — недействительно,

3). ЦК не будет возражать против созыва фракции МАПП.

И видел, как после этих сообщений нервно передернулся Лелевич.

Потом заявил:

1). Постановление фракции бесспорно должен исполнять каждый член фракции. (Ясно... Ясно!)

2). До конца заседания, хотя бы оно продолжалось до утра, — никто не имеет права уходить, не получив общего согласия и разрешения — это в порядке партответственности.

Согласились. И это было важно. Это и удержало всех до половины четвертого утра, иначе разбрелись бы поодиночке и исход дела, верно, был бы совсем иной: расплозились бы наши, как менее организованные, ихняя группа вся бы осталась и... следовательно, победила!

Не стану говорить о самом докладе — тезисы мои отражают его полно и достаточно, а официальный ход прений заверстан в моем протоколе: кто и что.

Ну и баня была горячепарая, ну и битва же была нещадная!

А как лаялись, как оскорбляли один другого: и идиотами, и подлецами, мошенниками, жуликами, плутами, предателями, сволочью, мерзавцами и т. д. и т. д. Крыли многократно и матом — вспомнили неоднократно милейшую Дидрикуль¹²³, как бы вот в ее приятном обществе держали себя воспитанней, не матюкались.

К докладу моему Лелевич делал содоклад, говорил, как и я, ровно час. На что же он упирал?

А вот на то именно, про что я сказал предупредительно и в своих тезисах, написанных за несколько дней до этого. Он упирал на «внутреннюю воронщину», на предательство мое и нас всех вообще, на соглашательство наше, на преступность производимого нами раскола...

Говорил хорошо, просто, убежденно, искренно.

И потому вдвойне было жаль его: такой умница и так спутан тенетами родовщины, так замилован поганой личностью Родова!

Ужас сизый!

Говорили другие, почти все говорили — каждому отмерено было 15 минут.

Говорил сам «господин Родов», как озаглавил его белогвардеец Ходасевич¹²⁴!

Родов решительно все «опровергнул», не отвергнул, а «опровергнул» со всей ему свойственной ловкостью:

Этого не знает, не помнит...

Этого, вероятно, не говорил...

Это надо проверить и разузнать...

Это делал под «другим углом зрения»...

Это делал «с иными намерениями, чем думаете»...

Словом, когда он окончил, оставалось только руками развести и сказать: Позвольте, позвольте... Ну мы понимаем, что враги наши, какой-нибудь Воронский или Ходасевич — каждый по-своему острие свое направляет в Родова, как... как... гм... в вождя! Всегда основные удары направлены на вождей, но... но почему же наши-то собственные друзья, все кружки наши — они-то за что ненавидят родовщину и Родова? Это почему? Опять воронщина, опять обработанные под воронщину? Э, бросьте демагогию!

Вон Корнев сообщает, что ни в одном кружке не могут без содрогания и ненависти произносить имени Родова.

А Полосихин¹²⁵ заявил, что ежели бы теперь не подняли мы эту борьбу сверху — ее назавтра подняли бы снизу все наши кружки — так велико недовольство всею системой работы.

Резались бедово. Дело к концу. Хмара вносит резолюцию, составленную и местами целиком сцитированную с моих тезисов.

Я предложил было, как теоретическую часть принять мои тезисы и, как вывод — хмаровскую резолюцию, но увидел, что голоса могут разбиться, и поспешил предложение с тезисами своими скорее снять, чтобы не провалить все дело. Лелевич внес свою резолюцию, диаметрально противоположную, острием направленную в некую «фурмановщину» — крошечную, 4-х пунктовую резолюцию, заранее не надеющуюся на успех, наметанную карьером на рояле и оглашенную больше для очистки совести, «на ура», на авось: не удастся ли-де?

Надо было во что бы то ни стало кончить сегодня же, не расходясь — я это очень понимал, зная, что на завтра половина «наших» все равно не придет, а «они» придут IN CORPORA* и провалят нас с треском. Потому я рвал и метал, чтобы не расходиться. Но торопились. А торопясь — нервничали еще острее и резче. Березовский даже попытался было внести какую-то межсумочную резолюцию о необходимости создать «комиссию» и т. д. и т. д.

* В полном составе (лат.).

В этом готовы были его поддержать колеблющиеся Роман и Ефремов: голоса наши разбивались. Насилу прошептал злым шепотом Березовского до печенки: отказаться от своего предложения, голосовал за наше, за хмаровское.

Результаты: за наше — 9, за Лелевича — 6.

Как будто кто-то воздержался, ушел, словно бы один Исбах — больной.

«Они» скрежетали. Но что же было делать? Избрали комиссию (Хмара, Лелевич, кажется, еще Березовский) для обработки. Лелевич категорически отказался участвовать, считая это издевательством.

Это победа. Но устойчивости не чувствую, «они» могут двоих-троих сагитировать, поставить на пересмотр и перерешить. Этого можно от них ждать, да и от «наших» неорганизованных всего можно ждать.

18.IV.1925.

Историческое заседание группы «Октябрь».

Все, что обсуждали — нового ничего не добавит к моим тезисам, к прениям по моему докладу в ту памятную ночь. А что было нового для меня, отмечено в разных бумагах по заседанию. Но финал — исключительной важности. Четверо-пятеро (Перекасти потом пожелал отказаться от заявления своего об уходе, хотел остаться — и мы согласились его оставить, — но потом вызван и уведен был женою, верный своим водителям). Они заявили, что организуют особую группу «На посту». Что же, пусть! Думаем мы, что они придут, но когда придут — мы возьмем их уже без Родова, принимать будем заново, осторожно. Кончилась фракция. Сейчас же живо распределили роли: кому за какой взяться кружок, за группу.

Во фракции МАПП должны быть на местах приняты соответствующие резолюции.

Завтра с утра — кипучая подготовка.

24.IV.1925.

С родовщиной расправились.

Приехав с Кавказа¹²⁶, я уверен был, что пойдет другая работа. Она не пошла: Родов остался, а с такими пакостниками вместе — только время терять. И сколько они мне ни присылали повесток на заседания, как ни звонили — не ходил. Вчера Сигизмунд звонит:

— Приходи... Экстренное собрание ВАПП, Правления... Расправа с родовщиной!
— То-то, думаю, дошли!

Пришел. Почти все, кроме Родова, Лелевича, Березовского, Вардина.

Этих четверых исключили из секретариата ВАПП, выбрали новый: выгнали из «Октября» (редакции) — выбрали новую редакцию. Ответственный редактор — Раскольников (единственная политическая фигура — как говорили мы меж собою).

Итак — конец. Пришла новая полоса. Ребята болтали, что «плод созрел, а весной-де, когда Фурманов поднял борьбу против родовщины — еще нет...».

Это чепуха, разумеется.

Просто они не увидели тогда то, что мы увидели заранее.

А говорили все то же, что мы:

— Антипартийная линия,

— Политиканство,

— Сектанство,

— Интриганство и прочее.

Итак — конец. Теперь за работу!

20.XI.1925.

АПП гниет на корню.

Родова угнали — уехал я. Сибирь. Вардина — со дня на день. Лелевича три дня назад исключили из секретарей МАПП «за неумелую работу, за развал МАПП...».

Я на заседания не хожу — пустая трата времени. Мое мнение — всех отогнать от руководства, то есть нас-то, перегрызшихся — заменить свежими.

Меня почитают «ликвидатором» (слова Либединского).

На ... вздевать мне ваши политярлычки!

Зато работаю много: за время скандалов, за счет заседаний я сделал с Наумом пьесу «Мятеж»¹²⁷, дал «Морские берега»¹²⁸ в три листа, «Фрунзе»¹²⁹ в полтора, кончаю «Талку»¹³⁰ в полтора. Это дело полезнее.

Да, будь бы работа, а то — скандалы одни: фракции, да подфракции, самолюбешки, карьеристские страстишки...

14.XII.1925.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 281. Л. 7–70. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 С. А. Фурманов (1901–1921) — младший брат Д. А. Фурманова, красноармеец отдельной кавалерийской бригады. Погиб весной 1921 г. во время военной операции в Гиссарской долине (Туркестан).
- 2 «Октябрь» — литературная группа пролетарских писателей, отколовшаяся в декабре 1922 г. от литературного объединения «Кузница». Задачей группы было «укрепление коммунистической линии в литературе и организационное укрепление Всероссийской ассоциации пролетарских писателей». С этой целью в марте 1923 г. ими была организована Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП) и ее печатный орган «На посту». Первыми членами «Октября» — «стариками-октябристами» — были А. Безыменский, Ф. Березовский, Г. Лелевич, С. Родов, А. Тарасов-Родионов.
- 3 «Октябрь» — ежемесячный литературно-художественный и критический журнал, созданный при содействии Д. А. Фурманова. Как печатный орган группы стал выходить с мая 1924 г.
- 3 Безыменский А. И. (1898–1973) (в тексте также Сашка, Саша) — поэт, член ЦК РКСМ первого созыва, автор поэм «Комсомолия», «Весенняя прелюдия» (1924–1925), Сотрудник журнала «На посту».
- 4 Либединский Ю. Н. (1898–1959) (в тексте также Юрка, Юрий) — прозаик, автор повестей о гражданской войне. В 30-е гг. корреспондент газет «Правда» и «Красная Звезда».
- 5 Дневниковые записи послужили Д. А. Фурманову материалом к задуманному им документально-художественному роману «Писатели».
- 6 В марте 1924 г. Д. А. Фурманов был избран секретарем МАПП. Она объединяла около 600 членов: 5 литературных групп, 15 литературных кружков, 3 отделения в Подмосковье, 7 нацио-

- нальных секций в союзных республиках. Фурманов стоял близко к литераторам, группировавшимся вокруг журнала «На посту». Проводя политику партии в области руководства литературным процессом, он поддерживал программу развития пролетарской литературы. При этом не разделял тенденции «напостовцев» отрицать классическое художественное наследие и не поддерживал их нападок на писателей, начавших творческий путь до 1917 г.
- 7 В 1917–1918 гг. Д. А. Фурманов разделял политические взгляды эсеров-максималистов, затем анархистов. Под влиянием революционных событий в Иваново-Вознесенске вступил в 1918 г. в ряды РКП(б). В марте 1920 г. был назначен уполномоченным РВС Туркестанского фронта по Семиречью.
 - 8 Госиздат (ГИЗ) — Государственное издательство РСФСР было образовано в Москве при Наркомпросе РСФСР в мае 1919 г. путем слияния издательских отделов ВЦИК, Московского и Петроградского Советов. Там с осени 1923 г. Д. А. Фурманов стал работать в должности политического редактора. Давая отзвы на историко-партийную, художественную и мемуарную литературу, он избрал своим девизом слова: «Не поправлять автора, а направлять его».
 - 9 «Мятеж» — в основу романа положены события восстания в Семиречье летом 1920 г. Д. А. Фурмановым были изучены 10 томов архивного дела о верненских событиях, хранившегося в Истпарте. Предисловие к вышедшей в Госиздате весной 1925 г. книге написал А. Серафимович.
 - 10 «Штарт» — повесть-отклик на смерть В. И. Ленина была написана Д. А. Фурмановым в феврале 1924 г.
 - 11 «Чапаев» — самый известный роман Д. А. Фурманова, успех которого был так велик, что в 1923 г. вышли сразу 1-е и 2-е издания. В марте-апреле 1924 г. по книге был написан киносценарий.
 - 12 Речь идет о выступлениях Л. Д. Троцкого в III Коммунистическом Интернационале в связи с дискуссиями 1923–1925 гг. о роли творческой интеллигенции в социалистической революции. Он утверждал невозможность создания собственно пролетарской литературы в переходный от капитализма к социализму период. Тексты его выступлений были объединены в сборник «Литература и революция» (1923).
 - 13 Имеются в виду созданные в 20-е гг. по всей стране по инициативе Пролеткульта «ячейки», около 400 тысяч членов которых самостоятельно участвовали в различных областях искусства на базе клубов, редакций журналов, театров.
 - 14 Всем членам МАПП вменялось в обязанность проведение занятий в кружках рабкоров, организованных на крупнейших московских заводах («Красный Пролетарий», «Имени Ильича», «Серп и Молот»). По определенной программе наиболее авторитетные литераторы вели кружки начинающих писателей при Доме печати (ныне Дом журналиста на Суворовском бульваре).
 - 15 Лелевич Г (Калмансон Л. Г.) (1901–1937) (в тексте также Лора, Лорка) — литературный критик, поэт, сотрудник журнала «На посту».
 - 16 Речь идет о поэме А. Безыменского «Гута» (1924), посвященной рабочему быту.
 - 17 Д. А. Фурманов стал членом редколлегии журнала «Октябрь» в январе 1926 г. (см. прим. 2).
 - 18 Березовский Ф. А. (1877–1952) — прозаик, известен как автор повестей и романов о пути женщины в революции («Мать», «Бабы тропы»).
 - 19 Тарасов-Родионов А. И. (1885–1938) (в тексте также Тарас, Тарасов, TARASOFF) — прозаик, член литературного объединения «Кузница». Был исключен из РКП(б) за «шатания по троцкизму», затем восстановлен. Автор повести «Шоколад».
 - 20 Хмара-Банквицер А. Л. — прозаик, член литературной группы «Октябрь», автор книги «Великий тряс» (1925).
 - 21 Родов А. С. (1893–1968) (в тексте также Семен, RODOFF) — литературный критик, сотрудник журнала «На посту». В 1924–1926 гг. ответственный секретарь ВАПП.
 - 22 Имеются в виду Н. Л. Мещеряков (см. прим. 74) и О. Ю. Шмидт (1891–1956) — ученый и государственный деятель. С 1918 г. в Наркомпросе; один из руководителей Госиздата, основатель и главный редактор БСЭ; один из организаторов освоения Северного морского пути.
 - 23 Воронский А. К. (1884–1943) — публицист, литературный критик. С 1921 г. редактор первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь». Участник дискуссий 1923–1926 гг. о методах руководства литературным процессом. Утверждал формулу «искусство есть познание мира в образах» в противовес «напостовцам», рассматривавшим «искусство как средство эмоционального заражения». Был исключен из РКП(б) за поддержку воззрений Л. Д. Троцкого на пролетарскую литературу. Выступал против МАПП в пользу «писателей-попутчиков». «Воронщики» в лексиконе тех лет — сторонники взглядов А. К. Воронского. Под «воронщиной» понималось принижение роли пролетарских писателей в литературном процессе и либеральное отношение к «буржуазным явлениям» в литературе.
 - 24 «Кузница» — литературное объединение пролетарских поэтов, вышедшее из Пролеткульта в 1920 г. Членов этой группы называли «кузнецами». Печатными органами «Кузницы» был одноименный журнал и «Рабочий журнал».
 - 25 ВАПП — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей возникла в 1920 г. при Пролеткульте. Отделившаяся при этом литературная группа «Кузница» стала инициатором создания новой ВАПП, для чего в 1924–1925 гг. дебатировалась идея объединения старой ВАПП с «Кузницей».
 - 26 Дом 25 на Тверском бульваре принадлежал в прошлом веку А. А. Яковлеву, дяде А. И. Герцена. Здесь в 20-е гг. были размещены московские и российские писательские организации. В 1934 г. там открылся Литературный институт им. М. Горького.
 - 27 Якубовский Г В. (1891–1930) — пролетарский поэт и прозаик, член «Кузницы».
 - 28 Санников Г А. (1899–1969) (в тексте также Гриша) — поэт, автор стихов и поэм о революции и социализме, член «Кузницы».
 - 29 Филипченко И. Г (1887–1939) — популярный пролетарский поэт, один из первых членов «Кузницы».
 - 30 Перекати-Поле — такой псевдоним носил Г Лелевич (см. прим. 15), однако в списках членов литературной группы «Октябрь» значится еще Перекати-Поле — автор литературно-критичес-

ких статей, публиковавшихся в журнале «Молодая гвардия», участник литературного сборника «Под пятиконечной звездой» (1923).

- 31 Скрынников — подробных сведений о нем установить не удалось.
- 32 Майский Э. М. — поэт, член литературной группы «Рабочая весна».
- 33 «Молодая гвардия» — литературная группа, организованная по инициативе ЦК РКСМ в октябре 1922 г. с целью объединения писателей первых комсомольских поколений. Тогда же были созданы одноименные журнал и издательство. В 1923 г. группа вошла в МАПП. Магазин «Молодая гвардия» находился при редакции в доме 10 по ул. Воздвиженка (дом Военторга). Здесь же в 20-е гг. размещался ЦК РКСМ, а под крышей дома — общежития писателей-«молодогвардейцев».
- 34 Члены МАПП периодически направляли в редакцию «Правды» отчеты о своей деятельности, материалы конференций, информацию о новых книгах. Связь с редакцией осуществлял С. Долнытков — поэт, член литературной группы «Рабочая весна».
- 35 Информацию о своей работе МАПП сообщала в редакцию ежедневной газеты МК-МГК РКП(б) и Моссовета «Рабочая Москва». Связь с редакцией осуществлял Исбах А. (Исбах-Бахрах И. А.) (1904–1977) — прозаик и литературовед, автор известного сборника рассказов «С винтовкой и книгой».
- 36 Светлов М. А. (1903–1964) — известный впоследствии поэт, член МАПП, вышедший из объединения в 1924 г. по идейным соображениям.
- 37 Прессбюро — МАПП предполагала создать отдел, специализирующийся на подготовке для

центральных газет информации, касающейся проведения пролетарскими писателями политики партии в области литературы.

Мастерская лозунгов — МАПП предполагала также рекламировать произведения пролетарских писателей с помощью специальных агитационных плакатов. Кроме того, члены МАПП планировали взяться за создание грамотных литературных лозунгов, отвечающих идеям времени.

- 38 В 1924–1925 гг. в Москве проходили многочисленные диспуты о роли литературы в строительстве коммунистического общества, в них принимали активное участие члены МАПП: их шефские выступления проходили, в том числе, в Московском высшем техническом училище и партийной школе Хамовнического райкома.
- 39 «Рабочая весна» — литературная группа пролетарских писателей, организованная в мае 1922 г. при редакции газеты «Рабочая Москва». В 1924–1926 гг. входила в МАПП.
- 40 Конференция (2-я) МАПП состоялась 20 апреля 1924 г. На ней был принят устав МАПП. По докладу Д. А. Фурманова об организационных вопросах было решено созвать Всесоюзный съезд пролетарских писателей в целях создания «твердой, спаянной и централизованной ВАПП». Пленум ВАПП состоялся 2 мая 1924 г. В его работе приняли участие 49 делегатов, многие из которых были с мест. В резолюциях пленума была одобрена деятельность Правления ВАПП. Группа «Кузница», не явившаяся на пленум, была признана «вне рядов пролетарской литературы».
- 41 Нарбут В. И. (1888–1944) — поэт, затем ответственный работник Отдела печати ЦК РКП(б).
- 42 «Стальной строй» — сборник идейно и художес-

1108 14 Октябрь / суббота!

① Мил-и — обити мобилею. Я счел менее уместно, на деле оказался очевиднейшим дезориентированным, мотать-сверять, домысливать верное, не забывая.

② Бел-и: была какая угроза и взоруживалась. Грузен, но кверен. Любили.

Марсов — квер, кранце вон квер. Разом марсов делен. Заробил. Увождз само.

③ Хмара / Бинавизи: не уваждз.

Лемел — кверно уловас. Мил, не зловас, споро кричайтас. Деловел.

Роз — квер, вождз, коток кланов, не жмур жмур зо розе лань и арак а' забур.

④ Бел-и — земодорен с' проволочен

Супрессо следуюше ⑤

Т Свезу "квинд" а бы Николаембай и отто.

"...иши паркет на пол"

- твенных слабых стихов С. А. Родова, вышедший в 1923 г.
- 43 Авербах Л. Л. (1903–1939) (в тексте также Леопольд) — литературный критик. В 1922–1924 гг. редактор журнала «Молодая гвардия». В 1924–1926 гг. редактор журнала «На посту».
 - 44 После состоявшегося в Отделе печати ЦК РКП(б) 9–10 мая расширенного совещания по вопросам художественной литературы подобные совещания по различным вопросам стали проводиться постоянно. В их работе принимали участие партийные работники, журналисты центральных газет, писатели, литературные критики, сотрудники редакций и издательств.
 - 45 Канатчиков С. И. (1879–1940) — журналист, редактор. В 1924–1925 гг. заведовал Отделом печати ЦК РКП(б). В 1928 г. занял пост главного редактора журнала «Красная новь» и «Литературной газеты».
 - 46 Соловьев В. И. (1890–1939) — журналист, сотрудник ряда пролетарских газет. С 1918 г. на партийной работе, член ВЦИК.
 - 47 Сорин В. — партийный работник, в сентябре 1924 г. был введен в состав редколлегии журнала «Красная новь», затем решением ЦК РКП(б) назначен заместителем заведующего Отделом печати ЦК.
 - 48 Бахметьев В. М. (1885–1936) — прозаик, автор романов о судьбе крестьянства в революции и гражданской войне.
 - 49 Вардин (Мгеладзе) И. В. (1890–1963) (в тексте также Илларион) — литературный критик, публицист, один из основателей журнала «На посту».
 - 50 Раскольников (Ильин) Ф. Ф. (1892–1939) — в 1924–1930 гг. ответственный редактор издательства «Московский рабочий». Член литературной группы «Молодая гвардия». В сентябре 1924 г. решением ЦК РКП(б) был введен в редколлегию журнала «Красная новь» в противовес А. К. Воронскому.
 - 51 Малахов С. А. (1902–1973) — поэт, член МАПП. Зонин А. И. (1901–1962) — прозаик, литературный критик. С 1921 г. на партийной работе. Сотрудник редакции журнала «На посту».
 - 52 Здание клуба располагалось в комплексе зданий ЦК РКП(б) в районе ул. Ильинка.
 - 53 «Красная новь» — первый советский литературно-художественный журнал, основанный по инициативе Н. К. Крупской и А. М. Горького. В 1921 г. первым его редактором был назначен А. К. Воронский. Журнал имел свое издательство, где также печатались книги пролетарских писателей.
 - 54 Костерин А. Е. (1896–1968) — прозаик, член литературной группы «Перевал», сотрудничал с журналом «Молодая гвардия». С 1925 г. очеркист газет «Труд», «Гудок», «Известия».
 - 55 Гливенко И. И. (1868–1931) — историк и критик литературы.
 - 56 Евдокимов И. В. (1887–1941) — прозаик, автор романа «Колокола», в 1924–1925 гг. сотрудник Госиздата.
 - 57 Клычков (Лешенков) А. С. (1889–1941) — поэт.
 - 58 Казин В. В. (1898–1981) — поэт. Выпускник Литературной студии Московского отделения Пролеткульта. Один из организаторов группы «Кузница».
 - 59 Еремен Д. И. (1904–1978) — поэт, прозаик, литературовед, автор книги «Скрытые тьмой» (1932).
 - 60 Пильняк (Воган) Б. А. (1894–1938) — прозаик, стал известен с выходом в 1922 г. романа «Голый год».
 - 61 «Писатели-попутчики» — термин, использовавшийся в публицистике 20-х гг. вслед за Л. Д. Троцким («Попутчики — не революционеры, а юродствующие в революции. Они не пойдут с нами до конца») и обозначавший всех непролетарских писателей. Были так называемые «старички-попутчики»: В. Вересаев, К. Тренев, М. Пришвин, А. Толстой, О. Форш. И «молодые попутчики»: И. Бабель, Вс. Иванов, Л. Леонов, С. Есенин, В. Катаев, Л. Сейфуллина, К. Федин, М. Зощенко, В. Инбер, И. Эренбург.
 - 62 Имеется в виду Федерация рабоче-крестьянских писателей — литературная группа, образовавшаяся в 1921 г. наряду с Всероссийским объединением крестьянских писателей (ВОКП).
 - 63 Степной Н. — псевдоним прозаика Н. А. Афиногенова, автора популярных «Степных рассказов», члена коллектива рабоче-крестьянских писателей.
 - 64 Соколов А. В. (1892–?) (в тексте также Алеша) — писатель, выступавший под псевдонимом Сокол Красный. Один из основателей группы «Рабочая весна». Сотрудничал с журналами «Горн», «Кузница», «Молодая Гвардия» и газетами «Правда», «Рабочая Москва», «Рабочая газета».
 - 65 Речь идет о публикации в журнале «Октябрь» поэмы С. Есенина «Песнь о Великом походе» (1924). По свидетельству Н. Н. Накорякова, Д. А. Фурманов был инициатором издания в Госиздате собрания сочинений поэта и взял на себя его редакторскую подготовку.
 - 66 Имеется в виду литературный журнал «Русский современник», выходивший параллельно в Москве и Ленинграде в 1924 г. Вышли лишь 4 книги.
 - 67 Орешин П. В. (1887–1938) — поэт, один из инициаторов создания секции крестьянских писателей при Московском отделении Пролеткульта. В 1925 г. был избран членом правления Всероссийского союза поэтов.
 - 68 «Вагранка» — группа рабкоров, организованная в Рогожско-Сомономском районе Москвы, литературной учебной которой руководил А. Тарасов-Родионов.
 - 69 XIII съездом РКП(б) (май 1924 г.) была принята специальная резолюция «О печати», опубликованная в «Правде» 1 июня 1924 г. Кроме того, 18 июня 1925 г. была обнародована специальная резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».
 - 70 «Твори!» — литературная группа, организованная в 1920 г. Одноименный журнал стал выходить при Литературной студии Московского отделения Пролеткульта в 1921 г.
 - 71 «Перевал» — литературная группа, созданная в 1923 г. при редакции журнала «Красная новь» в противовес МАПП и журналу «На посту». В 1924–1928 гг. выпускала одноименные литературные сборники.
 - 72 Бердников Я. П. (1889–1940) — поэт, публиковал свои стихи в газете «Правда».
 - 73 В конце 1924 г. Госиздат был слит с издательством «Красная новь». В связи с включением в ГИЗ Государственного издательства военной литературы (ГВИЗ) и издательства партийной литературы «Прибой» был образован Агитационно-пропагандистский отдел (АПО), в котором

работали комиссии различных издательских направлений.

- 74 Мещеряков Н. Л. (1865–1942) — публицист. В 1918–1922 гг. член редколлегии газеты «Правда». В 1920–1924 гг. председатель редколлегии Госиздата. В 1924–1932 гг. заместитель главного редактора БСЭ.
- 75 Речь идет о поэме А. Безыменского «О знамени и поросенке» (1925).
- 76 Фурмановы жили в Москве в доме в Нащокинском переулке. В их квартире часто устраивались вечеринки, которые сам Д. А. Фурманов называл «ассамблеями». Собиравшиеся там литераторы не только отдыхали, но и вели серьезные разговоры о литературе и событиях современной жизни.
- 77 Члены семьи С. А. Родова.
- 78 Иванов Вс. В. (1895–1963) — прозаик, «писатель-попутчик», автор повестей «Партизаны», «Бронепоезд 14–69» (затем одноим. пьесы), «Цветные ветра» (1921–1922). О нем Д. А. Фурманов писал в дневнике: «Я принял его в глубь сердца, как многих».
- 79 Никифоров Г. К. (1886–1939) — прозаик, автор повестей и рассказов из жизни рабочего класса.
- 80 Валайтис С. О. (в тексте также Сигизмунд) — член правления МАПП от группы национальных меньшинств.
- 81 «Крестьянский журнал» — издавался в Москве в 1925–1927 гг. Отражал в литературно-художественной и публицистической форме проблемы советской деревни.
- 82 Комиссия по улучшению быта пролетарских писателей действовала при Отделе печати ЦК РКП(б), Д. А. Фурманов был ее членом.
- 83 Конар — сотрудник Отдела печати ЦК РКП(б).
- 84 Д. А. Фурманов хлопотал о создании еженедельника или двухнедельника пролетарской литературы, рассчитанного на грамотных рабочих, крестьян и красноармейцев. Насколько удалось установить, еженедельник не состоялся.
- 85 В 1922–1923 гг. А. С. Бубнов возглавлял Агитпроп, в 1924–1929 гг. был ответственным редактором газеты «Красная звезда» и членом редколлегии журнала «Молодая гвардия». Как начальник Политуправления РККА он имел непосредственные контакты с начальником Штаба РККА М. В. Фрунзе, являвшимся постоянным членом литературной комиссии при ЦК РКП(б). К ним примыкал А. К. Воронский, назначение которого главным редактором журнала «Красная новь» было подписано В. И. Лениным.
- 86 Зиновьев Г. Е., работавший еще в редакциях «Пролетария» и «Социал-демократа», зарекомендовал себя как партийный пропагандист и литератор, известный своей речью «Интеллигенция и революция». Молотов В. М., выступавший на XIII съезде РКП(б) с тезисами «Очередные задачи партийного строительства», затрагивал и вопросы политики партии в отношении литературы. И. В. Сталин в 20-е гг. занимал несколько выжидательную позицию в отношении пролетарской литературы, прислушиваясь к различным мнениям и вырабатывая собственное отношение к проблеме.
- 87 Бухарин Н. И. в 1918–1929 гг. был главным редактором газеты «Правда» и одновременно с 1924 г. — журнала «Большевик». Отношение к литературному процессу было отражено им в статьях «О нашей художественной политике» (1924), «Судьба русской интеллигенции» (1925) и др.
- 88 Д. А. Фурманов был членом Организационной комиссии Пролетарского литературного фонда.
- 89 Волин (Фрадкин) Б. М. (1886–1957) — историк, публицист, с 1917 г. на ответственной партийной работе.
- 90 Речь, скорее всего, идет о перестройке издательства «Земля и Фабрика», которое с 1922 г. специализировалось на издании художественной литературы. В этом издательстве увидели свет сочинения писателей РАПП, «Кузницы» и других литературных объединений. Наконец, в 1930 г. на его базе, при содействии Литературно-художественного сектора ГИЗ, было создано специальное Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ).
- 91 Стеклов (Нахамкис) Ю. М. (1873–1941) — публицист, с 1917 по 1925 г. редактор «Известий ЦИК».
- 92 Лин — сотрудник редакции газеты «Известия ЦИК».
- 93 Стоклицкий, Гимельфарб Б. В. (1889–1955) — сотрудники редакции газеты «Известия ЦИК».
- 94 Кокошин — член редакционной коллегии журнала «Октябрь».
- 95 Гладков Ф. В. (1883–1958) — прозаик, автор романа «Цемент». С 1923 г. член литературного объединения «Кузница».
- 96 Грац — член Правления МАПП.
- 97 Конференция (4-я) МАПП состоялась в январе 1925 г. На ней удалось добиться объединения группы «Кузница» с МАПП. Однако в мае 1925 г. эта группа отмежеввалась не только от МАПП, но и от ВАПП.
- 98 Сотрудники аппарата МАПП — подробных сведений обнаружить не удалось.
- 99 Конференция (1-я) пролетарских писателей проходила 5–12 января 1925 г. На ней Д. А. Фурманов сделал доклад «Организационная система ВАПП».
- 100 Речь идет о членах Союза пролетарских писателей Украины «ГАРТ» (укр.: «Закалка»), организованного в 1923 г. Печатным органом Союза был одноименный журнал.
- 101 В 1925 г. в Госиздате вышел сборник рассказов И. Бабеля, куда вошли новеллы о Первой Конной армии. Художественное восприятие автором событий и героев, естественно, отличалось от исторической реальности. Это обстоятельство вызвало критику произведения, вплоть до его отрицания. 11 февраля 1925 г. в «Правде» появилась статья Н. Осинского «К вопросу о литературной политике партии», где, опираясь на отрицательные отклики первокогноармейцев, автор критиковал «интеллигентский жар и перец» творчества Бабеля. В мартовском номере за 1924 г. журнала «Октябрь» была напечатана статья С. М. Буденного «Бабизм Бабеля», а в конце года там же вышла рецензия на «Конармию» — «Поэзия бандитизма».
- 102 Модзалевский И. А. — поэт, автор поэмы «Волга» и литературно-критической статьи о поэзии «Пролетарское мифотворчество» (1922).
- 103 Доронин И. И. (1900–1978) — поэт, член литературной группы «Рабочая весна», автор стихов в творческой манере Демьяна Бедного.
- 104 Корнев Г. Е. (1896–1960) — прозаик, сотрудни-

- чал с литературными сборниками «Рабочая весна», «Кузница», журналом «Октябрь».
- 105 Макаров И. И. (1893–1940) — прозаик-«деревенщик», член литературной группы «Кузница».
- 106 Пчелинцев И. М. — прозаик, член литературной группы «Кузница», автор известного рассказа «Смена вех». Сотрудничал с журналами «Молодая гвардия» и «Твори!».
- 107 Государственная Академия художественных наук (ГАХН) была создана в 1921 г. на основе Высшего литературно-художественного института им. Брюсова и Государственного Книжного фонда. Президентом ГАХН стал литературовед П. С. Коган. Академия имела ряд секций, в том числе литературно-художественную. В январе 1925 г. ее силами была организована выставка революционной и пролетарской художественной литературы.
- 108 Герасимова В. А. (1903–1970) — прозаик, автор популярного рассказа «Недорогие ковры», член литературной группы «Молодая гвардия».
- 109 Андреев А. А. (1903–1971) — в 1924–1925 гг. секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП(б).
- 110 Ярославский Емельян (Губельман М. И.) (1878–1943) — с 1924 г. секретарь Партоллегии ЦК, одновременно член редколлегий газеты «Правда» и журналов «Большевик», «Безбожник», «Историк-марксист», «Исторический журнал».
- 111 В 1919–1922 гг., будучи членом Сибирского бюро ЦК РКП(б) и председателем Пермского губкома, Ярославский познакомился с В. В. Правдухиным (1892–1939), писателем и литературным критиком, организовавшим в 1921 г. журнал «Сибирские огни». В создании журнала принимала участие Л. Н. Сейфуллина (1889–1954), работавшая в 1921–1923 гг. в Сибгосиздате.
- 112 Речь идет о так называемом «правом уклоне», в котором «напостовцы» обвиняли Д. А. Фурманова. Сам он считал его «не правым, а правильным». «Напостовство» Фурманов называл «вещью дутой, идеология ее — для шика». Он не поддерживал нападки на непролетарских писателей, стремясь помочь всем подлинно талантливым писателям.
- 113 Имеется в виду письмо, опубликованное в «Правде» (12 февраля 1924 г.) «Литература и искусство: нейтралитет или руководство. К дискуссии о политике РКП(б) в художественной литературе».
- 114 Ная — домашнее имя Анны Никитичны Стешенко, жены Д. А. Фурманова.
- 115 ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, являвшаяся отделением ВАПП. В ЛАПП входили литературные группы «Алые вымпела», «Смена», «Резец», «Стройка», «Красная звезда».
- 116 Малиновский А. А. (Богданов А.) (1873–1928) — врач, философ, публицист, автор утопических романов о будущем человечества. С 1918 г. идеолог Пролеткульта («Пролетарская культура есть самостоятельное социалистическое воспитание рабочего класса»). В 1920 г. выступал в Москве с циклом лекций «Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса», до 1926 г. преподавал в Комакадемии. Автор статей «Искусство и рабочий класс», «Что такое пролетарская поэзия», «Критика пролетарского творчества», «О художественном наследстве» и др. По его мнению, «организаторская интеллигенция» служила делу создания культуры рабочего класса как формы быта и образа жизни. Эти идеи не были поняты его партийными соратниками и вылились, с одной стороны, в уродливые формы противопоставления классовой культуры пролетариата общечеловеческой культуре, а с другой — обернулись политической кампанией против Богданова. Предположительно, упоминаемое дело Одесского комитета партии было с ней непосредственно связано.
- 117 «Искра», «Антенна» — названия групп рабочих корреспондентов, организованных на заводах в Замоскворецком районе Москвы.
- 118 В апреле 1925 г. Д. А. Фурманов выступил на заседании «открытого» ВАПП, где присутствовали все ее члены, с докладом против «напостовского руководства», практиковавшего недоверие к непролетарским писателям, голое администрирование литературного процесса, замкнутость и групповщину. Этому выступлению Фурманова предшествовало заседание литературной комиссии при ЦК ВКП(б) в марте 1925 г., где с речью о вреде и опасности позиций «напостовства» выступил М. В. Фрунзе. В июне 1925 г. была принята резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», подтвердившая правоту взглядов Д. А. Фурманова.
- 119 Ворошилов К. Е. (1881–1969) — с 1925 г. заместитель наркома по военным и морским делам, затем нарком.
- 120 Завалишин А. И. (1891–1939) — прозаик, автор сатирических рассказов для газеты «Беднота» и юмористических сцен на злобу дня для художественной самодеятельности.
- Минаев Н. Н. (1895–?) — прозаик.
- Хохлов К. Г. (1885–1947) — поэт, прозаик, журналист, друг Д. А. Фурманова.
- 121 Роман — видимо, Погоржельский Р. В. — поэт, член литературной группы «Молодая гвардия».
- 122 Ефремов Е. Е. — прозаик, член МАПП.
- 123 Дидрикуль Евгения — поэтесса, член литературной группы «Рабочая весна».
- 124 Ходасевич В. Ф. (1886–1939) — поэт, литературный критик. С 1922 г. — эмигрант. Ревнитель классических стихотворных форм, непримиримый противник неоправданных изысков в поэзии и прозе.
- 125 Полосихин Н. — прозаик, член МАПП.
- 126 В июне—июле 1925 г. Д. А. Фурманов лечился в Мацесте. Поездка по Черноморскому побережью Кавказа дала ему материал для очерков «Морские берега» (1926).
- 127 В июне 1925 г. по просьбе драматурга С. Поливанова Д. Фурманов предоставил ему право сделать пьесу по роману «Мятеж». В 1926 г. ее принял к постановке Московский театр Революции (ныне Театр им. Маяковского). Однако поставлена пьеса была только в 1927 г. на сцене Театра им. Моссювета режиссером Е. О. Любимовым-Ланским.
- 128 «Морские берега» — см. прим. 126.
- 129 «Фрунзе» — в связи со смертью М. В. Фрунзе в 1925 г. Д. А. Фурманов призвал писателей увековечить имя полководца («Правда», 5 ноября 1925 г.). Сам Фурманов готовил книгу о Фрунзе.
- 130 «Талка» — очерк об историко-революционных событиях в родном Иваново-Вознесенске, написан Д. А. Фурмановым осенью 1925 г.

«НАМ ЛЕГЧЕ НАЙТИ СОГЛАШЕНИЕ с СОВЕТАМИ»

Неизвестные следственные материалы об участниках заговора против А. Гитлера 20 июля 1944 года

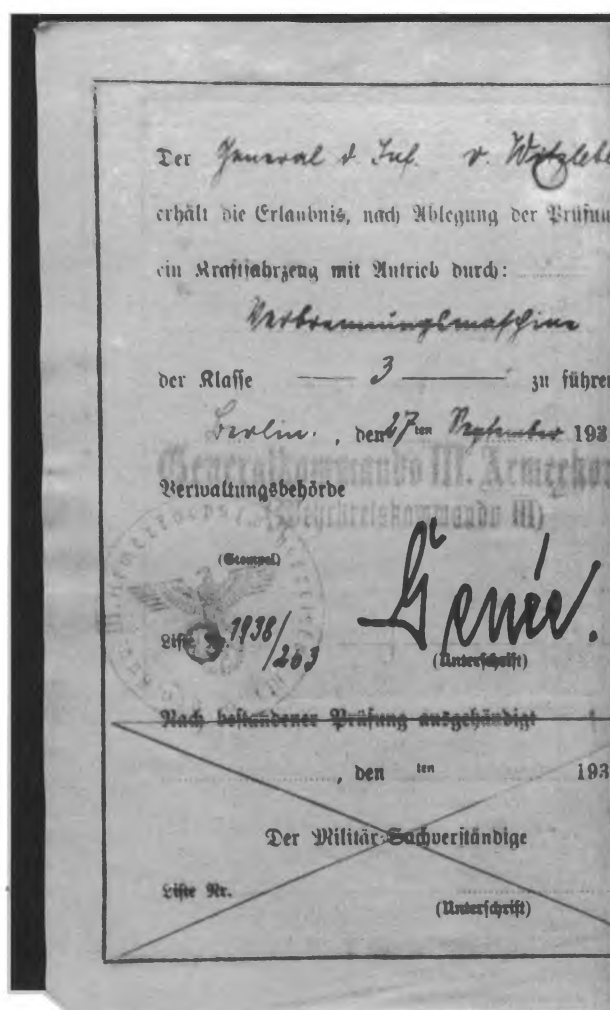
В марте 1945 г. бойцы Красной Армии на окраине г. Франкфурт-на-Одере обнаружили закопанную в землю металлическую банку. В ней оказались копии некоторых следственных материалов об участниках заговора против А. Гитлера 20 июля 1944 г. Установить принадлежность материалов не представилось возможным, так как в этом месте проходил передний край и не было ни одного местного жителя. Документы были переведены на русский язык в единственном экземпляре и направлены секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову.

Взрыв 20 июля 1944 г. в ставке Гитлера потряс всю Германию. Он должен был ознаменовать начало государственного переворота с целью вывести Германию из войны, спасти, насколько это было возможно, военное положение и покончить с диктатурой Гитлера. Однако Гитлер остался жив. По прямому приказу Гитлера в порядке возмездия в Германии были уничтожены тысячи немцев, многие из которых не имели никакого отношения к заговору. Решительный поступок полковника Штауфенберга, главного исполнителя покушения на Гитлера, хорошо известен. Читателю предлагаются следственные материалы о других, менее известных, участниках заговора.

Документы публикуются впервые. Сохранены особенности орфографии и синтаксиса переведенного текста.

В конце публикации приведен именной указатель.

Водительское удостоверение
Эрвина фон Витцлебена.

№ 1

Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена — участника заговора против А. Гитлера. 21 июля 1944 г.

Перевод с немецкого
Берлин, 21 июля 1944

Входит Эрвин фон Витцлебен, родившийся 4.12.1881 в Бреслау, местожительство: Берлин-Грюневальд, Дельбрюкштрассе 19 (разбомблено) в наст. вр. Зеезен (Нидерлаузитц).

Я вступил в армию в 1901 г. в качестве лейтенанта. В марте 1942 г. я по болезни был переведен в резерв фюрера. Хотя я раньше был настроен консервативно, все же после взятия власти я стал убежденным национал-социалистом¹. В качестве командующего генерала я во многих случаях выступал перед офицерским корпусом в национал-социалистическом духе. Я признаю, что я был несколько недоволен моим переводом в резерв фюрера. Однако внешне я не показывал этого. Я лишь фюреру лично сказал, что печально, что уехал из Франции после того, как я начал строительство Атлантического вала². Перевод в резерв тем более сильно по мне ударил, что я не знал за собой никакой военной или политической вины и что болезнь моя была единственной причиной моего перемещения. Я живу в Зеезен у моего адъютанта майора графа цу-Линар. Вчера 20.7.44 мой адъютант был вызван к телефону около 17 1/2 часов из Общего отдела сухопутных сил (где начальником генерал-полковник Фромм). Ему передали, что я должен немедленно прибыть в Цеппелин³. В Цеппелине имелся в виду разъездной пункт Главнокомандования сухопутных сил. Так как я был в гражданском,

то я сначала переоделся, после чего вместе с адъютантом на автомашине что-то около 18 1/2 часов уехал в Цеппелин. По дороге мы включили радио и тогда в первый раз услышали о покушении на фюрера. Могу добавить, что человек, звонивший по телефону из Общего отдела сухопутных сил, мне не был известен и я об этом моего адъютанта не спросил. Мне достаточно было звонка о том, что мне приказано ехать в Цеппелин. Известие о покушении меня ошеломило. После прибытия в Цеппелин я немедленно связался с генерал-квартирмейстером Вагнером. Насколько я могу припомнить, генерал Вагнер, пожалуй, единственный офицер, которого я знаю в Цеппелине. Сначала я осведомился у Вагнера об общей картине покушения. Генерал Вагнер, однако, не смог мне рассказать чего-либо более подробного. Ему было известно лишь сообщение по радио. Генерал Вагнер не знал также, что мне было указано ехать в Цеппелин, и рекомендовал мне ехать в Берлин в Общий отдел сухопутных сил. Тогда я с моим адъютантом поехал около 20 часов из Цеппелина в Берлин в Общий отдел, на Бендлерштрассе, куда я и прибыл приблизительно в 20 часов 30. Когда моя машина остановилась, ко мне подошел лейтенант и спросил мою фамилию. Вскоре после этого дверь, которая была заперта и охранялась часовыми, открылась и я был впущен в здание Общего отдела. Я направился со своим адъютантом на II этаж, чтобы зайти к генералу Фромм, так как считал, что вызов последовал от него. Когда я

вошел в комнату генерала Фромм, там находились: Бек, Хеппнер и через короткое время Штауфенберг. Генерал-полковник Бек принял меня и сказал мне, что я, очевидно, слышал о покушении и что он вследствие этого решил захватить власть. Я на это возразил ему, что я был ошеломлен этим отвратительным покушением. Что я не вижу никаких оснований к тому, чтобы захватить Верховное Командование или Правительство. Генерал-полковник Бек возразил мне в длинном разъяснении, все вновь и вновь утверждая, что фюрер убит. Затем ко мне подошел полковник, граф Штауфенберг, чтобы показать мне приказ, заготовленный заранее. С потрясением я увидел, что под ним стояла моя фамилия, и я начал энергично протестовать против того, что этот приказ вышел без моего ведома и разрешения. Дело идет о приказе, копия которого мне была предъявлена. Я потребовал немедленной отмены или аннулирования этого приказа. Хотелось бы относительно моего разговора с генерал-полковником Бек добавить следующее: генерал-полковник Бек спросил меня, хочу ли я взять на себя Верховное Командование сухопутными силами. Я это отклонил. Во время разговора с Беком все время присутствовал Хеппнер, затем вошли также полковник Мерц, а позже и генерал Ольбрихт. Обоих господ я коротко приветствовал, но дальше с ними не разговаривал. Они тоже короткое время находились в комнате. Во время переговоров с генерал-полковником Бек зашел или Мерц или Штауфенберг и показал нам уже контр-приказ генерал-фельдмаршала Кейтеля. Я поэтому еще раз указал на бессмысленность всего этого предприятия, после чего оставил Общий отдел, сел в свою машину и направился со своим адъютантом в Цеппелин. Я коротко поговорил с генералом Вагнер и вкратце осведомил его о случившемся. Он, однако, был уже полностью осведомлен обо всем и направил меня обратно в Зеезен. После этого я до утра сегодняшнего дня не вел никаких разговоров по телефону и никого не принимал. Сегодня утром около 9 1/2 до 10 часов я пытался через отдел кадров сухопутных сил связаться с генерал-фельдмаршалом Кейтель. Однако связаться не удалось. Я хотел объяснить генерал-фельдмаршалу Кейтель, каким образом моя подпись оказалась под упомянутым приказом. Между 11 и 12 часами сегодня я был арестован лично генералом Линнарц и привезен в РСГ⁴ (очевидно, «райхзихергейтгоф» — Управление тайной полиции. — Прим. пер.) в Берлин. В добавление могу сказать, что еще в начале разговора мне Бек заявил, что он арестовал генерал-полковника Фромм и генерала от инфантерии Кортцфлейш, потому что они оба отказались принять участие. Я заявляю, что во время разговора с генерал-полковником Бек и другими господами ничего не говорилось о покушении и о том, кто его должен был выполнять. Мне до сего времени неизвестно, кто является исполнителем его и в каких кругах проводилась его подготовка. Я далее заявляю, что ни с Бек, Хеппнером, Штауфенбергом, Ольбрихтом, Мерцем или другими лицами я до этого переговоров о мятеже не вел.

Вопрос: Как вы можете объяснить, что якобы без вашего ведома и ясного согласия упомянутый приказ был подписан вашим именем?

Ответ: Я могу иметь только одно объяснение, что мое имя хотели использовать как рекламу. Сам читал, подтвердил и подписал Эрвин фон Витцлебен.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 520. Л. 110–111. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 2 **Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена —** **участника заговора против А. Гитлера.** **23 июля 1944 г.**

23.7.1944 г. дальнейший разбор. Входит Эрвин фон Витцлебен, данные о нем известны, и заявляет:

«В декабре 1942 г. я переселился из Франкфурта (Майн) в Берлин и поселился на Дельбрюкштрассе, Берлин-Грюневальд. После Сталинграда, в феврале 1943 г. я нашел знакомого мне генерал-полковника Бек на его квартире в Лихтерфельде с целью нанести ему визит. Мы были дружны с Бек, так как я знал его с ранних лет. В ходе беседы мы перешли так же на военные вопросы, т. е. на военное положение. На основе ударов, полученных нами на Востоке, мы пришли к заключению, что положение для нас исключительно серьезно. Наши разговоры настолько далеко зашли, что мы стали критиковать военные мероприятия фюрера. Мы также были недовольны тем, что такие, по нашему мнению, способные люди, как Браухич, Гельдер, Лист и др., отстранены. Мы также пришли к заключению, что фюрер получает у своих самых близких сотрудников неправильные советы, и считали, что мы бы это сумели делать лучше. Я предложил во всяком случае свои услуги, Бек сделал то же самое. Мы обсудили прежде всего отстранение Главнокомандующего сухопутных сил. Мы оба были едины в том, что что-то должно случиться, чтобы этих способных людей снова привлечь. В этой связи я тогда

высказался, что я тогда охотно предложил бы свои услуги в качестве Командующего сухопутными силами, если до этого дело дойдет. После этой беседы я, насколько помню, встретился с Бекон лишь в апреле—марте 1944 г. Если я не ошибаюсь, я посетил Бека в его квартире. Мы снова пришли к обсуждению общего военного положения и к прежнему плану. При этом Бек мне сказал, что он посвятил в это дело генерала Ольбрихта, у которого имеется дельный помощник. Возможно, что в этой связи уже упоминалось имя Штауфенберг и что дело попало в хорошие руки и двинулось. Он меня спросил, готов ли я по-прежнему в удобный момент взять на себя Верховное Командование Вооруженными Силами. Дальше мы на эту тему не говорили, так как я старался избегать это дело. В качестве связного между Бекон, Ольбрихтом и мною я предложил капитана графа Шверина, который должен был меня время от времени информировать о текущих делах. Капитан граф Шверин раньше принадлежал к моему штабу и в настоящее время снова был в Берлине. В октябре—ноябре 1943 г. меня, по указанию генерал-полковника Бек, посетил генерал Ольбрихт и вновь со мной обсудил дело о подготовке. Он высказал мне свои трудности, подчеркнув, что дальнейшие приготовления натолкнутся на большие трудности, так как он совершенно одинок. Чтобы дело готовить дальше, он хотел сначала присмотреться к подходящему офицеру генерального штаба в качестве помощника. Было общепризнано, что нам надо как можно меньше встречаться, чтобы не помешать делу. Когда положение на Востоке в результате отступления стало очень серьезным, я посетил генерала Ольбрихта в его кабинете на Бендлерштрассе, чтобы получить общую ориентировку. Здесь мы говорили только о военном положении, так как положение на Востоке действительно было очень серьезным. При этом разговоре присутствовали также мой адъютант граф цу-Линар и полковник Штауфенберг, которого я здесь видел впервые. Когда граф цу-Линар уже оставил комнату, я осведомился у Ольбрихта и Штауфенберга, как далеко зашли приготовления. Оба сказали мне, что они идут. Как я уже показал, я выдвинул капитана графа Шверина в качестве связного в этом деле. Однако он меня плохо обслуживал. Он изредка меня навещал в моей квартире, но сказать мне вообще он мог очень немного, обосновывая это тем, что у него много работы и что он много ездит в командировки. У меня, однако, складывалось впечатление, что он, очевидно, мало осведомлен о приготовлениях. Он в большинстве случаев приносил только политические новости из-за границы. Мне вспоминается, что он мне как-то рассказал, якобы мы пустили пробный шар для мирных переговоров с Россией и Англией. В другой раз он мне принес известия из Швейцарии, которые имели отношение к положению Италии. От этих известий у меня было впечатление, что дело идет скорее всего о вспышке. Раз как-то он меня посетил по прямому заданию Бека и сообщил мне, что в качестве помощника генерала Ольбрихта привлечен полковник Штауфенберг. Это может относиться по времени к марту—апрелю 1944 г. Кроме этого, граф Шверин мне никогда не передавал прямых сообщений от Ольбрихта, Штауфенберга или Бека. В отношении второго визита у генерал-полковника я хотел бы упомянуть, что он мне сказал, в противовес мне, что при приготовлениях он будет интересоваться гражданским сектором. 13.7.43 г. я заболел кровотечением желудка (кровоизлиянием) и до 4.8.43 лежал в Елизаветинской больнице в Берлине. В это время меня раз посетил граф Шверин, которому я поручил передать генерал-полковнику Бек, что я вынужден порвать предусмотренные обязательства, так как я серьезно болен. 4.8.1943 г. я переселился в Зеезен, где лежал еще около 8 недель. В течение этого времени я не имел с Бекон, Ольбрихтом или Штауфенбергом никаких связей и поэтому не был информирован, насколько далеко зашли приготовления. Я хотел бы ясно заявить, что я ни Беку, Ольбрихту или Штауфенбергу не давал никаких толчков, которые относились бы к планированному предприятию. Мне в первую очередь бросилось в глаза, что BdE (Союз Обновления(?)) в основном опирается на Берлин. В Берлине предполагалось занять важнейшие государственные учреждения, в первую очередь заполучить радиостанцию, чтобы оттуда, после того как и войска в столице будут взяты в руки, обратиться ко всему немецкому народу с воззванием от имени главы Правительства. До тех пор пока это не удастся, не могло быть и речи о принятии Верховного Командования вооруженными силами. Вследствие этого издание упомянутого приказа за моей подписью было явно фальшивым и вопреки моему согласию. Хочу подчеркнуть, что при этих рассуждениях дело идет лишь о моих соображениях, как я себе это дело мыслил, и что я об этом ни с кем не говорил. С генерал-полковником Бек я во время одного из наших разговоров указывал на то, что необходимо позаботиться в первую очередь о том, чтобы внешние фронты были удержаны. Далее мы оба сочли необходимым завладеть ставкой фюрера⁵ и благодаря этому заполучить в свои руки личность фюрера. Генерал-полковник Бек признал мою правоту в этом вопросе и, по-моему, признал и важность приготовлений. При посещении генерала Ольбрихта в октябре—ноябре 1943 г. мы обговорили также возможность захвата ставки фюрера в том смысле, как я выше указывал. Генерал Ольбрихт заметил, что было бы лучше всего, если бы захватить фюрера живым (невредимым), чтобы он после удавшегося акта лично сумел назначить по радио новое правительство. Генерал-полковник Бек предназначался, по планам переворота, на пост Президента с неограниченной властью. Дело шло о чисто военной диктатуре. Я лично при этом считал, что нынешняя форма власти должна быть сохранена. Я считал только, что весь руководящий состав

партии и государства должен быть постепенно заменен другим. В отношении продолжения войны я думал, что после опубликования воззвания Президента к Командующим групп войск и к Командующим отдельных Армий, от моего имени должен быть поставлен вопрос, готовы ли они подчиниться новому режиму. Я с уверенностью предполагаю, что под давлением обстоятельств они бы согласились. Если же этого бы не случилось, тогда все выступление провалилось бы. Когда я 20.7.44 г. был извещен моим адъютантом графом цу-Линар, что я согласно телефонному звонку из Общего отдела сухопутных сил в Берлине должен был ехать в Цоссен⁶, я сейчас же догадался, что приготовления к выступлению зашли настолько далеко, что я должен буду в Цоссене принять Верховное Командование над вооруженными силами. Я направился на этом основании в Цоссен и был весьма изумлен, не найдя никаких приготовлений. Поэтому я тогда поехал в Берлин на Бендлерштрассе, чтобы там установить, что же, собственно говоря, случилось. 19.7.1944 г. я со своей содержанкой (хауздаме) поехал в Берлин, чтобы там уладить некоторые личные дела. Я в этот день никаких телефонных разговоров с господами с Бендлерштрассе не вел и никого не принимал. Около 15.30 ко мне позвонил капитан граф Шверин. Он спросил, может ли он ко мне зайти. Вскоре после этого я его принял в моей квартире. По поручению полковника Штауфенберга он мне сообщил, что подготовка к выступлению в такой степени закончена, что дело начнется, очевидно, 20.7.44. О том, как дело будет протекать, я извещен не был. Таким образом, я не имел никакого представления о том, что подготовлено покушение на фюрера, так как я бы на это никогда не дал бы моего согласия. По утверждению графа Шверин, я должен был 20.7.44 быть в готовности. Когда дело пойдет, я буду немедленно извещен по телефону, после чего я должен направиться в Цеппелин и там ожидать дальнейшего. Для смятения вины моего адъютанта я хотел бы указать, что подготовка выступления ему была почти неизвестна. Возможно, однако, что он случайно кое-что узнать мог. Участия в выступлении он не принимал. На вопрос отвечаю, что само собою понятно, мне было ясно, что дело идет о стремлении к государственной измене».

Лично прочел, согласен и подписал ф. Витцлебен.

Там же. Л. 111–112 об. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 3 Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена — участника заговора против А. Гитлера. 26 июля 1944 г.

26 июля 1944.

Входит Эрвин фон Витцлебен, личные данные известны; он заявил:

На Указание, что весьма невероятно, что я не знал о планах покушения Штауфенберга, я заявляю:

После того, как я признал свою вину, для меня ведь не имеет никакого смысла что-либо утаивать. Я вновь заявляю, что я о покушении на фюрера ничего не знал и покушения никогда не одобрял. Что фюрер должен был быть устранен — было ясно. Я себе это так представлял: маленькая группа отборных людей должна попытаться захватить фюрера. Что при этом с фюрером кое-что могло случиться было в пределах возможного; но группа должна иметь задание захватить фюрера по возможности живьем. Устранение рейхсфюрера СС⁷ должно было произойти в рамках устранения других видных людей в Райхе⁸. Особой акции для этого я не заметил. Далее мне было ясно, что с СС это гладко пройти не может. Здесь должна была решиться открытая борьба. Что же касается приказа за моим именем от 19 часов 20.7.44 г., то я заявляю:

Я лично приказа не подписывал и не составлял. Приказ, правда, в основном и целом содержал мысли, которые высказывались до этого. Но в тот момент, когда он мне был предложен, примерно в 20 часов, я не мог уже этот приказ одобрить, ибо я видел, что основания для такого приказа еще не созданы. Если бы они были созданы, я бы приказ в основном и целом одобрил бы. На вопрос о том, участвовали ли в предполагаемом перевороте другие фельдмаршалы, я отвечаю: Верно так, как я тут сижу, что никто в нём не участвовал. Если бы все же кто-нибудь и участвовал бы, я бы отказался дать об этом показания.

Сам читал, согласен и подписал Эрвин ф. Витцлебен.

Там же. Л. 112 об.–113. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 4

Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена — участника заговора против А. Гитлера. 28 июля 1944 г.

28 июля 1944

Входит Эрвин фон Витцлебен, личные данные известны, и заявляет:

На вопрос, присутствовал ли также Хеппнер 20.7.1944 г. между 19 и 20 часами при переговорах с Бекком, я заявляю: Переговоры имели место лишь между мною и Бекком. Хеппнер лишь иногда входил в комнату. При переговорах с Бекком он был. Известный приказ, который был подписан «Витцлебен», я также в проекте не видел. Моих родителей нет в живых. Я не имею также братьев и сестер. Один брат умер молодым. От моего брака имеются 2 детей, оба женатые. Мой сын, Йоб Вильгельм фон Витцлебен 35 лет, дипломированный инженер у государственного инженера по мобилизации рабочей силы Фридриха в штабе Шпеера, Берлин Унтер ден Линден 38. Он проживает в Шарлоттенбурге, Зоорштрассе 58 или 68. Его жена, ур. Винтер. Она пребывает с 2 своими детьми и одним приемным ребенком в Баден-Бадене, Обер-Янштрассе 29. Дети в возрасте 6, 3 года и 3 недели. Моя дочь, Эдельгард Раймер, 35 лет, замужем за землевладельцем, доктором Гансом Раймер. От этого брака имеет 3 сыновей в возрасте 6, 4 и 2 года. Мой зять, владелец имения в Хегехофе, в районе Тильзит-Рагнит, где и проживает. Моя дочь с середины июля 1944 г. пребывает с 3 детьми в Зеезе из-за угрожаемого положения в Восточной Пруссии. В середине июля 1944 г. я ездил в Восточную Пруссию для того, чтобы увезти оттуда мою дочь с детьми и чтобы лично обсудить с моим зятем семейные дела. Я умышленно никого из моих родственников не посвятил в намечавшийся переворот. То же самое относится, как я уже раз показывал, к моему адъютанту графу цу-Линар и госпоже Рудольф. Я придаю значение тому, что будут установлены мотивы, побудившие меня принять участие в намечавшемся перевороте. Прежде всего это была забота о фронтах, т. е. о все ухудшающемся военном положении, виновниками которого, по моему мнению, был фюрер и его ближайшие военные сотрудники. Я предполагал, что я вместе с другими сотрудниками сумею это сделать лучше. Было, во всяком случае, моей ошибкой, что я очень мало принимал активного участия в подготовке путча. Я был поэтому неправильно информирован об отношении высшего офицерского корпуса к национал-социализму. Я, собственно, думал, что большая часть высших офицеров в нужную минуту перейдет на мою сторону. Я хочу этим сказать, что не жажда власти или другие эгоистические мотивы побуждали меня принять участие в путче. Мое озлобление по поводу того, что я был переведен в резерв фюрера, сыграло второстепенную роль в мое участие в путче.

Сам прочитал, согласен и подписал ф. Витцлебен.

Там же. Л. 113–113 об. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 5

Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена — участника заговора против А. Гитлера. 28 июля 1944 г.

28 июля 1944 г

Входит Эрвин фон Витцлебен, личные данные его известны, и заявляет:

На вопрос о том, чего я еще хотел от подполковника Клямрот 20.7.1944 г. на обратном пути с Бендлерштрассе на Зеезе, я заявляю: Бек сказал мне при моем уходе на Бендлерштрассе, что я должен еще раз проехать в Цеппелин и попытаться удержать там людей. При выходе я спросил еще Штауфенберга, к кому я могу обратиться в Цеппелине. (Что генерал Вагнер в Цоссен в своем распоряжении людей не имеет, я уже установил во время возвращения из Зеезе в Берлин.) Штауфенберг сказал мне, что я должен обратиться к подполковнику Клямрот. Я разыскал Клямрота, расспросил его о том, сколько человек он имеет. Насколько я помню, Клямрот ответил: от 4 до 6. На мой вопрос о их благонадежности Клямрот пожал плечами. Если мне будет указано, что Клямрот является соучастником покушения и потому существует предположение, что и я должен был знать о покушении, я могу только, как и прежде, ответить, что я о покушении на фюрера ничего не знал.

Сам прочитал, согласен и подписал Эрвин ф. Витцлебен.

Там же. Л. 113 об. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 6
Протокол допроса генерал-фельдмаршала Витцлебена —
участника заговора против А. Гитлера.
31 июля 1944 г.

31 июля 1944 г.

Приведенный Эрвин фон Витцлебен, личные данные о нем известны, и заявляет:

На вопрос о мотивах, побудивших меня принять участие в намечавшемся перевороте, я заявляю:

Прежде всего это была забота о фронтах, т. е. о все ухудшающемся военном положении, виновником которого, по моему мнению, был фюрер и его ближайшие военные сотрудники. К этому еще прибавилось озлобление по поводу того, что такие способные генералы, как Браухич, Гельдер, Лист и Рундштедт, были отстранены от их постов. Я думал, что сумею, вместе с другими сотрудниками, лучше руководить военным положением. Враждебное отношение к национал-социализму у меня отсутствовало, хотя по некоторым вопросам у меня и имеются с национал-социализмом некоторые разногласия (вопросы церкви, обращение с помещичьими имениями). Мы с Беком держались мнения, что война должна в любых условиях вестись дальше. Я представлял себе дело так, что фронты в каком-то положении должны быть стабилизированы и там удержаны до тех пор, пока враг захлебнется. В контрнаступление я во всяком случае не верил больше. Какие-либо переговоры с вражеской границей места не имели. Если бы Бек или один из его сотрудников завязали связи с границей, я бы был об этом извещен. То, что я лично держусь мнения, что нам легче найти соглашение с Советами, чем с западными державами, то это не означает, что имеется какая-либо связь с «Национальным Комитетом Свободная Германия»⁹. Я о его существовании только в последнее время узнал из документа из ставки фюрера (Шмундт). Верю своему убеждению, что никто из других руководящих людей не имеет отношения к группе Зайдлица. Что резервная армия нарочно держалась слишком сильной, мне кажется неверным. Также считаю невозможным это потому, что сводка о резервах регулярно сообщалась ставке фюрера. С Беком я уже в начале 1943 года говорил, что надо обязательно захватить фюрера. Я предполагал захватить фюрера с помощью ударной группы из офицеров. В ставке это было бы невозможно. Это должно было случиться где-нибудь в поездке, когда фюрер был бы в пути, ибо в этом случае сопровождение фюрера значительно меньше.

Сам прочитал, проверил и подписал фон Витцлебен.

Там же. Л. 113 об.–114. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 7
Сведения о попытке мирных переговоров с Англией
участников заговора против А. Гитлера.
Без даты.
Копия в выдержке.

Летом 1943 г. частный делегат для попытки мирных переговоров Герделер через Волленберга (Швеция) в Англии, после этого был будто разговор с Беком и упомянутым фельдмаршалом (Клюге) о противоречиях между Англией и Россией и необходимости их дипломатически использовать. Герделер объяснил, что Волленберг якобы ездил в Англию и там будто бы говорил с Черчиллем. Тому якобы был задан вопрос о возможности сотрудничества западных держав с Германией против России. Черчилль будто ответил, что так себе в Англии в этом роде и представляют, но с современным немецким правительством этого не сделают. Герделер будто верил в правдивость такого заявления Черчилля и был якобы уверен в том, что Черчилль заключил бы мир с другим немецким правительством.

Там же. Л. 114. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 8
Выдержка из письма президента Фрейслера Тираку.
Без даты

Копия-выдержка из письма Фрейслера Тираку.

Г пытался раз сослаться на генерал-фельдмаршала Клюге. Это произошло весьма неожиданно,

так что ему удалось заткнуть рот после того, как он произнес первый слог его имени. Я верю, однако, что попытку Г никто не понял.

Там же. Л. 114–114 об. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 9

Предсмертное письмо Б. Штауфенберга своей жене. 10 августа 1944 г.

Копия.

Фамилия автора письма:

Граф Штауфенберг

Перевод с немецкого.

Берлин, Плетцензее, 10.8.1944.

Кенигсдамм 7.

Моя любимая! Я уже написал тебе одно письмо, которое лежит у меня в кармане и которое, надеюсь, ты получишь. Сейчас хотелось бы сказать тебе еще пару ласковых слов. За последние 3 недели мои мысли всегда были с тобой и детьми, и что для меня было тяжелее всего, это мысль о вас. Согласно приговору, все мое имущество тоже конфискуется — и я не знаю, что с вами будет. Я могу тебя только просить быть крепкой и верной в своей любви, которая составляла для меня так много и дала мне столько радости. Я должен кончать. Я всегда люблю тебя.

Твой Бертольд.

Там же. Л. 124. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 10

Предсмертное письмо Ф. Кранцфельдера своим родным. 10 августа 1944 г.

Копия

Фамилия автора письма:

Кранцфельдер

Перевод с немецкого

Берлин, Плетцензее, 10.8.44 г.

Кенигсдамм 7

Дорогая моя мать!

Дорогие братья и сестры!

Я навлек на всех вас позор. Прошу простить меня за несколько минут, оставшихся мне до смерти. Я сделал попытку дать отчет перед небом и надеюсь, что заступничество папы поможет мне найти милость у нашего господа бога.

Abschrift

Name des Briefschreibers:

Kranzfelder

Berlin-Plötzensee, den 10.8.1944

Königsdamm 7

Meine liebe Mutter!

Meine lieben Geschwister!

Nun habe ich Schande über Euch alle gebracht. Bitte verzeiht mir wenige Minuten vor meinem Tode. Ich habe versucht, meine Rechnung mit dem Himmel zu machen und hoffe, daß Papas Fürbitte mir helfen wird, Erbarmen bei unserm Herrgott zu finden. Ich habe Euch alle irrsinnig lieb und bitte Euch der armen Muth zu helfen und sie allzeit als meine Frau zu behandeln. Ich habe sie sehr, sehr geliebt und sie hat sich wundervoll benommen.

Nun bleibt mir nichts mehr zu sagen, als "betet für mich" und "auf Wiedersehn!"

Euer

Euch ewig dankbarer

Freddie.

Я безумно люблю всех вас и прошу вас помогать бедной Рут и относиться к ней всегда, как к моей жене. Я ее очень и очень любил, и держала она себя превосходно.

Ну мне больше нечего сказать, как только «молитесь за меня» и «до свидания»!

Ваш вечно вам благодарный Фредди.

Там же. Л. 125. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 11

Предсмертное письмо Ф. Шуленбурга своей жене. 10 августа 1944 г.

Копия.
Фамилия автора письма
Граф Шуленбург

Перевод с немецкого
Берлин, Плетцензее, 10.8.1944
Кенигсдамм 7.

Моя горячо любимая любимица!

Ты ведь будешь готова ко всему.

Сегодня на заседании народного трибунала я приговорен к смерти с исполнением приговора в тюрьме Плетцензее. Мои мысли в этот черный день 20.7 были с тобой и искали тебя. Так же и в следующей неделе, когда я был заключен в тюрьму гестапо, я ежедневно в мыслях через дали разговаривал с тобой и ласкал каждого из моих детей. Все мысли моей жаркой любви в Италии вокруг тебя и детей.

Моя работа, хотя и полная тоски и приключений, была лишь осколком, а полное счастье я нашел только в тебе, моя дорогая, и за это я благодарю тебя от всего сердца.

Наша любовь непреходяща и останется вечной. Не печальтесь обо мне! Живите так, как будто я незримый вижу вас, с вами живу и смеюсь. Ты должна, будь что будет, остаться в Требове, за него цепляться. Это, безусловно, правильно. Поцелуй всех моих детей, которые были моей радостью, моими веселыми гениями. А ты, дорогая, мой гений любви, храни любовь ко мне, как я к тебе, самую крепкую, самую близкую.

Что мы сделали, было недостаточно. Но в конце концов история свершит свой суд и оправдает нас.

Ты знаешь, что мною руководила любовь к отечеству. Прости все горе, заботы и беды, которые я навлек на тебя! Привет всем друзьям.

Навсегда твой Фитти

Кто-либо должен позаботиться о литературном наследии отца. Перо плохое! Скоро все будет кончено!

Там же. Л. 128. Подлинник перевода. Машинопись.

№ 12

Отчет Тирака о судебном процессе над участниками заговора против А. Гитлера. 10 августа 1944 г.

Копия

Перевод с немецкого
ШТЕМПЕЛЬ:
Секретно, государственной важности.

Я присутствовал с 11 часов на главном судебном заседании народного трибунала по делу против Фелльгибеля и других. В моем присутствии были допрошены обвиняемые Фелльгибель и Ганзен. Я присутствовал также во время речи защитника и объявления приговора. Объявление приговора началось в 14.15 и продолжалось до 14.40.

Процесс и гласное объявление приговора были проведены председательствующим, президентом Фрейслером более слабо, чем процесс против Витцлебена и других. Прокурор Прост, который

постоянно присутствовал при разборе дела, сообщил мне, что президент Фрейслер чрезмерно ругал обвиняемого фон дер Шуленбурга (мошенник)? Он употреблял чрезвычайно крепкие выражения также и при гласном объявлении приговора. Под влиянием всевозрастающего возбуждения он в заключение обозвал приговоренных «псами». Хотя слушатели на этом процессе все время были охвачены злобой и возмущением против производивших жалкое впечатление обвиняемых, однако следует иметь в виду, что военные круги — среди слушателей опять было некоторое количество офицеров, — которых совершившийся факт касается сильно и непосредственно, могут вследствие таких чрезмерно крепких выражений власть в справедливую обиду.

Особенно бросалось в глаза, что президент Фрейслер при объявлении приговора назвал обвиняемого фон дер Шуленбурга, который все же соответственно своей работе дошел до поста вице-президента одного из высших президиумов, абсолютно ни на что не годным дураком, правда, в связи с тем, что он хотел сказать, что фон дер Шуленбургу ни в коем случае не хватает тех умственных способностей, которые позволяли бы рекомендовать его на намечавшийся для него пост министра внутренних дел в правительстве переворота.

Незадолго перед оглашением приговора начальник управления государственной полиции оберштурмбанфюрер Ренке сообщил, что Фелльгибель еще понадобится для дальнейших государственно-политических разоблачений и, следовательно, казнен быть не может. Я немедленно поставил в известность об этом господина министра. В 15.45 на месте казни появился оберфюрер Панцингер и сообщил, что обергруппенфюрер Кальтенбруннер распорядился, чтобы Ганзен также был отведен в тюрьму государственной полиции для дальнейшего государственно-политического следствия. Я доложил об этом господину министру. Господин министр распорядился, чтобы был приведен в исполнение приговор в отношении остальных трех осужденных — графа Штауфенберга, графа фон дер Шуленбурга и Кранцфельдера, но принять меры к тому, чтобы приведение приговора в исполнение по отношению ко всем не было бы опубликовано, для чего никакой публикации в газетах не должно быть. Я довел это до сведения всех местных газет.

В 16.15 директор областного суда Шульце, как представитель главного прокурора и исполнитель приговора, сообщил об исполнении приговора над графом Штауфенбергом, графом фон дер Шуленбургом и Кранцфельдером. Осужденные держались с самообладанием.

Я доложил господину министру и довел до сведения господина Эберсберга, который взял на себя немедленную передачу рейхслейтеру Борману телефонограммы, о которой распорядился господин министр. Первому прокурору Пипперту я передал уведомление министерства пропаганды с добавлением, что господин министр распорядился, чтобы вначале в газетах не было никаких объявлений.

Относительно газетной публикации был разговор во время процесса с группенфюрером Гинкелем в присутствии директора областного суда Меллера. Группенфюрер Гинкель стоит на той точке зрения, что публикация в прессе о нынешнем процессе рекомендуется с учетом факта неприведения приговора в исполнение над двумя осужденными и должна быть связана с заключительными сообщениями в печати в будущем. Он намерен сделать в этом духе доклад рейхсминистру Геббельсу.

Берлин, 10 августа 1944 г.
д-р Франке.

Секретарю фюрера господину рейхслейтеру Борману, ставка фюрера.

Докладаваю, что приговоренные народным трибуналом 10-го августа за государственную измену к смерти

Фриц граф фон дер Шуленбург
Бертольд граф Шенк фон Штауфенберг
Альфред Кранцфельдер

сегодня в 16.15 повешены в тюрьме Плецензее в тюремной одежде.

ТИРАК

Перевод с немецкого

Приговор был оглашен 8.8 в 15 часов. Оглашение приговора продолжалось приблизительно до 16 часов. Сейчас же после этого приговоренные были согласно указаний доставлены в двух приготовленных каретах в Плецензее (название тюрьмы. — *Прим. пер.*) и там переодеты в тюремную одежду. При нашем прибытии к 17 часам переодевание уже было закончено и все приговоренные размещены по контрольным камерам, хотя во время процесса я говорил главному прокурору на его вопрос, что осужденным не разрешены никакие виды духовного утешения, я застал у осужденных при прибытии в Плецензее священников обоих вероисповеданий. Я тотчас же отменил это. Так как господин министр по докладу решил во исполнение пожелания господина министра пропаганды произвести фотоснимки во время исполнения приговора, для архивных целей правительства Германии, то на место казни уже прибыли несколько фотографов и установили свои аппараты. Государственная полиция выделила в целях оцепления достаточный наряд из чиновников.

В 17.30 началась казнь. Она продолжалась до 17.45. Трупы приговоренных по истечении установленного времени были сняты с виселиц и доставлены на приготовленной машине в крематорий Вильмерсдорф для немедленного сожжения. Сожжение было произведено тотчас. Пепел, как было приказано, доставлен нам. Он находится в здании. Господин министр решил, чтобы пепел всех приговоренных на этом процессе лиц сначала был бы собран здесь. При этом разделения остатков пепла отдельных лиц не производить. Сохранение тем более должно быть совместным.

Допуск в партию всех обвиненных был постыдным показателем того духа, который еще господствует по истечении 10 лет после прихода к власти в известных офицерских кругах немецкой армии. Ни один из обвиненных не имел никаких внутренних связей с национал-социализмом.

Если кое-кто из них в прошлые годы и предпринимал слабые попытки к тому, чтобы примкнуть к партии или ее организациям, то он такие попытки уже давно оставил.

В этом отношении, пожалуй, достойно внимания то обстоятельство, что защитник обвиняемого фон Гагена, адвокат Рудольф Шварц, в своей защитной речи, уснащенной всевозможными хитростями, похожей на речь защитника периода Веймарской республики¹⁰, показал юридическую школу, основанную на иезуитской базе, крепко в нем сидящую. Такой способ ведения защиты не должен остаться без последствий.

Господин министр в заключение приказал, чтобы прощальные письма и вещи осужденных родным без наших указаний не выдавались. Главный прокурор был поставлен об этом в известность и получил указание представить все документы и бумаги осужденных.

Берлин, 10.8.1944 г.
д-р ФРАНК.

Там же. Л. 134. Подлинник перевода. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Национал-социализм — идеология германского фашизма, проводимая национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП) (National Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP) в Германии в 1920–1945 гг.
- 2 Атлантический вал (Atlantikwall) — германские оборонительные сооружения на Атлантическом побережье Франции в 1942–1944 гг.
- 3 Цеппелин (Zeppelin) — передвижной пункт Главнокомандования сухопутных сил Германии.
- 4 Правильно: РСХА — Главное имперское управление безопасности (RSHA — Reich Sicherheits Haupt Anstalt) в 1939–1945 гг. Состояло из управлений службы безопасности (СД), гестапо, уголовной полиции и других подразделений.
- 5 Ставка фюрера (Führer — hauptquartiers) 20 июля 1944 г. находилась в Вольфшанце (р-н Растенбурга, Восточная Пруссия).
- 6 Цоссен (Zossen) — ставка вермахта под Берлином.
- 7 СС (SS — Schutzstaffel) — особая вооруженная

- организация, главная опора гитлеровской диктатуры. Создана в 1925 г. первоначально как личная охрана А. Гитлера.
- 8 Райх (Рейх) — разговорная форма так называемой «Третьей империи» (Das Dritte Reich) в 1933–1945 гг.
- 9 Национальный Комитет «Свободная Германия»

- (Nationalkomitee «Freies Deutschland») — антифашистская организация, учрежденная немецкими коммунистами в июле 1943 г. в Красногорске под Москвой.
- 10 Веймарская республика (Weimarer Republik) — название германского государства в 1918 — нач. 1933 г.

Указатель имен

Бек Людвик (Beck) (1880–1944), генерал-полковник, участник заговора, убит в ночь на 21 июля 1944 г. после двух неудачных попыток застрелиться.

Борман Мартин, (Bormann) (1900–1945), рейхслейтер, секретарь фюрера, пропал без вести 2 мая 1945 г.

Браухич Вальтер фон (Brauchitsch) (1881–1948), генерал-фельдмаршал.

Вагнер (Wagner), генерал-квартирмейстер, участник заговора.

Витцлебен Эрвин фон (Erwin von Witzleben) (1881–1944), генерал-фельдмаршал, участник заговора, казнен.

Волленберг (Wollenberg), представитель Швеции на тайных мирных переговорах с Германией.

Гаген, фон (Hagen), участник заговора, один из обвиняемых на процессе.

Ганзен Христиан (Hansen) (1885–?), генерал, участник заговора, один из обвиняемых на процессе.

Геббельс Иозеф (Goebbels) (1897–1945), рейхсминистр, покончил жизнь самоубийством 1 мая 1945 г.

Гельдер (Helder), генерал.

Гепнер (Höppner), генерал, участник заговора, см. Хеппнер.

Герделер (Gerdeler), участник заговора, вел тайные мирные переговоры, скрылся 17 июля 1944 г., пойман 12 августа 1944 г., казнен 2 февраля 1945 г.

Гиммлер Генрих (Himmler) (1900–1945), рейхсфюрер СС, покончил жизнь самоубийством 24 мая 1945 г.

Гинкель (Hinkel), группенфюрер.

Зайдлиц (Seidlitz), вероятно, один из руководителей Национального Комитета «Свободная Германия».

Кальтенбруннер Эрнест (Kaltenbrunner) (1905–1946), обергруппенфюрер, шеф РСХА в 1943–1945 гг., повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Кейтель Вильгельм (Keitel) (1882–1946), генерал-фельдмаршал, повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Клюге Ганс Гюнтер фон (Kluge) (1882–1944), генерал-фельдмаршал, покончил жизнь самоубийством.

Клямрот (Klamroth), подполковник, участник заговора.

Кортцфлейш (Kortzfleisch), генерал от инфантерии.

Кранцфельдер Альфред (Kranzfelder), участник заговора, один из обвиняемых на процессе, казнен 10 августа 1944 г.

Линнарц (Linnarz), генерал, участник подавления заговора.

Лист Вильгельм (Liszt) (1880–1971), генерал-фельдмаршал.

Мерц (März), полковник, участник заговора, расстрелян в ночь на 21 июля 1944 г.

Меллер (Möller), директор областного суда.

Ольбрихт (Olbricht), генерал, участник заговора, расстрелян в ночь на 21 июля 1944 г.

Панцингер (Panzinger), оберфюрер.

Пипперт (Pippert), первый прокурор.

Прост (Prost), прокурор.

Рейхсфюрер СС (Reichsführer-SS) — Г Гиммлер (Himmler).

Ренке (Renke), оберштурмбанфюрер, начальник управления государственной полиции.

Рундштедт Герд фон (Rundstedt) (1875–1953), генерал-фельдмаршал.

Тирак (Thierack), имперский чиновник.

Фелльгибель (Fellgiebel), участник заговора, один из обвиняемых на процессе.

Франке (Franke), имперский чиновник.

Фрейслер Рональд (Freisler), председатель районного суда.

Фромм (Fromm) (?–1945), генерал-полковник, участник подавления заговора, примыкал к заговорщикам, казнен 19 марта 1945 г.

Фюрер (Führer) — А. Гитлер (Hitler) (1889–1945), покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 гг.

Хеппнер (Höppner), генерал, участник заговора, см. Гепнер.

Цу-Линар (Zu Lynar), майор, адъютант фон Витцлебена, участник заговора.

Черчилль Уинстон (Churchill) (1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг.

Шварц Рудольф (Schwarz), адвокат на процессе.

Шверин (Schwerin), капитан.

Шмундт (Schmundt), офицер из ставки фюрера.

Штауфенберг Бертольд (Stauffenberg), граф, участник заговора, один из обвиняемых на процессе, казнен 10 августа 1944 г.

Штауфенберг Клаус Граф Шенк фон (Stauffenberg), полковник, главный исполнитель покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г., расстрелян в ночь на 21 июля 1944 г.

Шуленбург Фриц (Schulenburg), граф, участник заговора, один из обвиняемых на процессе, казнен 10 августа 1944 г.

Шульце (Schulze), директор областного суда.

Эберсберг (Ebersberg), имперский чиновник.

«Ваше доверие даст мне новые силы...»

Известного советского лингвиста и литературоведа профессора Ленинградского и Московского университетов Виктора Владимировича Виноградова (1894/1895–1969) не миновала горькая чаша многих его современников. В 1934 г. он был осужден и отправлен в ссылку на три года как неблагонадежный элемент.

Но и отбыв свой срок, он не мог вернуться к семье, к нормальной работе.

И тогда он отважился обратиться в Кремль, к человеку, который мог решить любой вопрос, поскольку стоял выше законов.

Письмо В. В. Виноградова И. В. Сталину

До 5 февраля 1939 г.¹

Копия².

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь к Вам, как к организатору советской науки и ее руководителю с просьбой улучшить условия моей научной работы, если моя работа нужна и полезна советскому народу, советскому государству. В условиях теперешней моей жизни мне почти невозможно продолжать и решительно невозможно закончить большое исследование о русском языке (часть моей работы увидела свет — и при сем прилагается)³.

В 1934 году по постановлению Коллегии ОГПУ я был выслан на три года в г. Киров (б. Вятка). В 1936 г. по пересмотру дела я был освобожден из ссылки и с тех пор живу в г. Можайске (за пределами стокилометровой зоны от Москвы). Все эти годы я честно и с напряжением всех сил работал на пользу советской науки и советской культуры. О качестве моих работ может дать отзыв любой из советских специалистов по русской филологии. За последние пять лет мною напечатаны и подготовлены к печати шесть книг (из них 3 — пособия для высшей школы) и девять больших научно-исследовательских статей (всего до 200 печатных листов). Кроме того, я являюсь одним из шести авторов «Толкового словаря русского языка» (I и II т. уже вышли). По приглашению Наркомпроса в 1936–1937 гг. я организовал отдел пушкинского языка на Всесоюзной Пушкинской выставке, ныне по распоряжению правительства превращенной в Пушкинский музей.

В отрыве от столичных библиотек и архивов, принужденный тратить по 8 часов на железнодорожные поездки, не имея легальных возможностей работать в Москве, я страдаю от двойственности своего положения. Я пишу курсы по русскому языку для высшей школы, — между тем лишен возможности преподавать в вузах. Я занимаюсь научно-исследовательской работой — и почти не могу пользоваться научными сокровищницами Москвы. Меня считают крупным лингвистом, но я не имею профессиональных прав любого советского ученого.

Я прошу Вас разрешить мне прописку в Москве в комнате моей жены. Ваше доверие даст мне новые силы для еще более напряженной работы во славу советской науки и советского народа.

Проф. Викт. Виноградов.

Мой адрес: г. Можайск, Моск. обл.
2-я Железнодорожная, д. 28.
Виктору Владимировичу Виноградову.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 159. Л. 66–67. Машинописная копия.

- 1 Датируется по приложенной к письму справке НКВД: «Гр-н ВИНОГРАДОВ Виктор Владимирович был осужден Особым Совещанием 2/IV-1934 года к ссылке в Горькрай, сроком на ТРИ года, исчисляя таковой с 8/II-1934 года. В 1936 году ВИНОГРАДОВУ решением Особого Совещания ссылка была заменена ограничением права проживания в режимных пунктах на оставшийся срок. Срок ссылки и высылки ВИНОГРАДОВУ по обоим решениям Особого Совещания истек 8/II-1937 года, с какого времени ВИНОГРАДОВ имеет право свободного проживания.
Начальник 1-го Спец. Отдела НКВД СССР капитан госуд. безопасности: ПЕТРОВ
- 2 Подлинника письма в деле нет. Вероятно, для удобства Сталина с письма была сделана машинописная копия. На ней высокий адресат красным карандашом начертал резолюцию: «Удовлетворить просьбу проф[ессора] Виноградова. И. Ста[лин]». Ниже поставили подписи В. Молотов, Л. Каганович, А. Жданов, Н. Хрущев и К. Ворошилов. В верхней части письма имеется помета: «От проф[ессора] русского языка Виноградова». Она выполнена помощником И. Сталина А. Н. Поскребышевым. Подчеркивания в тексте письма принадлежат ему же.
- 3 Приложения в деле нет.

5 февраля 1939 года
(АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 159. Л.68.)

«Жить и давать жить другим»

Предложение Эптона Синклера Н. С. Хрущеву

Своим творчеством и жизнью любой крупный писатель не может не откликаться на злободневные проблемы современной ему действительности. Одной из таких вечных и актуальных проблем была и остается борьба за мир. В период очередного обострения на фронтах «холодной войны» и усиления гонки вооружений известный американский писатель Эптон Билл Синклер (1879–1969) обратился к советскому лидеру с письмом, которое предлагается читателям.

Письмо поступило адресату через Министерство иностранных дел СССР, где 7 октября 1958 г. был сделан его перевод на русский язык. В нижней части первой страницы перевода имеется помета помощника Н. С. Хрущева В. С. Лебедева: «Тов. Хрущев Н. С. читал. Предложение о том, чтобы ответить Эптону Синклеру, не поддержал. Вл. Лебедев».

П/я 266
Монровия, шт. Калифорния
Премьеру Никите Хрущеву

20 сентября 1958 г

Уважаемый сэр,

Я американский писатель, книги которого пользуются широкой известностью в Вашей стране, так что, я полагаю, Вам по крайней мере известно мое имя. Я обращаюсь к Вам в день своего восьмидесятилетия, и в течение шестидесяти из этих лет я изучаю социалистическое движение во всем мире, его цели и его тактику. Я читал Маркса, Ленина и Сталина, и, хотя я не согласен с ними, я понимаю их. Я живу в свободной, демократической стране, в которой социальные изменения могут быть достигнуты мирным путем; но я всегда понимал, что это не может быть применимо в менее счастливых странах, в которых деспотизм господствовал на протяжении веков, фактически на протяжении всей известной истории. Но сейчас мы достигли такой стадии научного прогресса, когда для Вашей страны и моей стало возможно совершенно уничтожить друг друга за несколько часов и в конечном счете наве-

ки сделать невозможным дальнейшее существование людей на земле. Это, конечно, делает для всех нормальных людей войну невозможной, а взаимное соглашение обязательным. Я исхожу из следующей предпосылки: какую бы неприязнь мы ни питали по отношению друг к другу, мы должны пойти на то, чтобы жить и давать жить другим и никогда снова не воевать.

Я хочу, чтобы демократический процесс применялся к промышленности моей страны, и я хочу, чтобы тот же процесс применялся к политике Вашей страны. Если бы мы смогли провести спокойное обсуждение, то, возможно, оказалось бы, что мы смогли бы прийти к согласию по обеим программам и стремиться к их осуществлению. Я хочу Вам сказать, что политика агрессивных угроз, проводимая Вами в настоящее время по отношению к моей стране, производит эффект, совершенно противоположный тому, что Вы хотите. Вы запугиваете нас или пытаетесь запугать, заставляя нас тем самым вооружаться сильнее, а это задерживает наступление экономического кризиса, который в противном случае незамедлительно и неизбежно заставил бы нас демократизировать нашу промышленность и таким образом положить конец контролю над нашими политическими делами, который крупный капитал осуществляет и надеется удерживать навсегда.

Со времени моего детства и задолго до этого история моей страны представляла собой последовательную смену того, что мы шуточно называем «бум и крах». Ваши опытные переводчики сумеют дать Вам толкование этой фразы. Когда наступает бум, капиталистический класс процветает, а когда приходит крах, избирают радикальное правительство и происходят большие социальные изменения на пользу простому человеку. Я призываю Вас дать этому простому человеку возможность попытаться, и Вы увидите рождение новой Америки, Америки, в которой не будут господствовать мотивы частной прибыли, но которая сможет жить в мире со всем остальным миром.

Прошлой весной мы были на грани превосходного краха; у нас было перепроизводство всех товаров и не было работы для шести или восьми миллионов рабочих. Но военные тучи сгустились; я не стану говорить, по чьей вине, ибо это привело бы только к спору без какого-либо шанса договориться. Я знаю только, что вы осыпали нас военными угрозами, и сейчас мы снова вступаем в стадию безудержных трат. Я привожу цитату из, возможно, самого «капиталистического» журнала Соединенных Штатов:

«Армии, например, требуется еще 15 миллиардов долларов для модернизации своей устаревшей теперь техники. Флоту требуются миллиарды на атомные подводные лодки и еще больше миллиардов на управляемые снаряды. Военно-воздушным силам дополнительно требуются миллиарды тоже на управляемые снаряды, помимо миллиардов на бомбардировщики. Завоевание космоса также обойдется недешево. Пока существует такая конъюнктура, депрессия маловероятна».

Как Вы видите, цитата эта взята из того, что можно назвать первоисточником. Заключайте соглашения, г-н Хрущев, давайте поживем в мире как на словах, так и на деле, и дайте нам, социальным реформистам, возможность руководить нашим прогрессом.

Искренне,

Эптон Синклер

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 231. Л. 35—40. Подлинник. Машинопись, подпись — автограф.

«Я не жалуюсь на отношения с вашей великой страной»

О чем Теодор Драйзер просил И. В. Сталина

Американский писатель Теодор Драйзер (1871—1945) пользовался в России широкой популярностью. Однако известность обходила его

стороной на родине, в США. Об этом свидетельствует, в частности, советский дипломат А. А. Громыко. Беседа в 1939 г. в Вашингтоне

со специалистом по американской литературе, он наряду с другими писателями упомянул и Т. Драйзера. В ответ услышал: «А кто это такой?»*

Недостаточная популярность сказывалась и на гонорах. Поэтому писатель вынужден был напоминать, что не все в Америке богаты. Он пытался поправить финансовые дела за счет издания своих произведений в СССР. В 1945 г. он предложил директору издательства «Художественная литература» П. И. Чагину заключить договор об издании в России «Трилогии желания»; при этом в качестве «основного условия» он просил вписать в договор «пункт о выплате мне ежегодно гонорара за выходящие на русском языке мои книги»**

Поэтому публикуемое письмо нельзя рассматривать как случайное: писатель нуждался

в помощи и искал ее в стране, которой симпатизировал. В архиве хранится подлинник письма и его машинописный перевод на русский язык, выполненный М. М. Потрубачем. В левом верхнем углу перевода отмечено, что письмо получено диппочтой 15 октября 1944 г. В правом верхнем углу первого листа перевода, вероятно, рукой помощника И. В. Сталина А. Н. Поскребышева синим карандашом написано: «От Теодора Драйзера». На обороте второго листа имеется помета простым карандашом: «Пост[упило] в 1953 г. из квартиры т. Сталина».

* Громыко А. А. Памятное. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1988. С. 288.

** Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма. М., 1988. С. 361.

1015. Север, Кингс Род.
Голливуд, Калифорния.
27 июня 1944 года.

Уважаемому ИОСИФУ СТАЛИНУ.
Кремль, Москва, СССР.

Дорогой Маршал Сталин,

До того, как я посетил Россию в 1927 году¹, на самом деле, как я припоминаю, это было в 1915 году, некоторое количество моих опубликованных произведений было переведено и опубликовано в России. В 1927 году, когда я проезжал через Крым, я посетил один русский линкор в Севастопольском порту, и там ко мне обратилось несколько молодых слушателей, проходящих военную подготовку на этом корабле, которые обладали газетными изданиями моей американской книги, озаглавленной «Цвета большого города». Они хотели иметь мой автограф на этих изданиях, что я и сделал.

Позже во время моего пребывания в России я посетил большое русское печатное издательство в Москве только лишь для того, чтобы узнать о том, что большое количество моих книг печаталось и распространялось в довольно больших тиражах. Когда я поставил вопрос об авторском гонораре или вообще о каком-либо гонораре, то там согласились, что авторский гонорар причитается и что этот вопрос будет рассмотрен позже. В то время мне должны были перевести, как мне кажется, две тысячи долларов, которые я, однако, так и не получил².

С тех пор я узнал о том, что разные мои книги переводятся и издаются там, но поскольку я увидел, какую борьбу ведет Русское Правительство за образование своего народа, и поскольку я сам находился в довольно хорошем положении, я не настаивал на разрешении этого вопроса. Однако в процессе своей работы я случайно узнал об издании других книг, среди них: «Американская трагедия», а также одно мое весьма популярное произведение «Гений». Мне кажется, что с того времени и по настоящий момент две тысячи долларов покрыли бы всю ту сумму, которая переведена мне из России, и я не жалею на это, так же как не жалею на какие-либо отношения с вашей Великой страной.

Единственно, что произошло со мной здесь, так это следующее:

Начиная с 1917 года, когда я настаивал на обсуждении в наших американских газетах и журналах значения Русской Революции для всего мира, мое значение и вес как писателя в отношениях с нашими акционерными издательствами и с социальными реакционерами в Америке вообще уменьшилось настолько, что мой прежний весьма твердый доход сократился, сделав тем самым мои финансовые дела в стране довольно неприглядными. Ввиду этого я желал бы, чтобы русские издатели моих книг обязались выплатить то, что должным образом мне причитается. Сейчас мне 72 года, и моя трудоспособность не является такой, какой она была 10 или 15 лет тому назад. Поэтому я прошу Вас сообразовывать рассмотреть это дело, чтобы полагающаяся мне сумма была переведена.

Совсем недавно газеты Нью-Йорка опубликовали заявление со ссылкой на русские литературные круги о том, что если бы Россия могла получить тогда 100.000 экземпляров моих произведений или произведений Джона Стэйнбека³, то их можно было бы распродать в течение нескольких дней. Если дело обстоит так, то я не вижу каких-либо причин, по которым эти произведения не могли бы быть переведены и распроданы, а авторский гонорар переведен мне.

Начиная с 1917 года я следил с большим интересом и восхищением за поразительным прогрес-

сом России потому, что, как я неоднократно повторял различным образом и в разных местах, Россия сегодня является ведущей интеллектуальной и физической державой в мире и будет в этом отношении все более и более усиливаться. Ваше большое участие в этом деле известно всему миру и никогда не будет забыто.

С уважением

Теодор ДРАЙЗЕР.
Перевел Потрубач.

АПРФ. Ф.3. Оп. 34. Д. 219. Л. 16–19. Подлинник. Машинопись, подпись — автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Т. Драйзер был приглашен советским правительством на празднование 10-летия Октябрьской революции. Он выехал из США 19 октября 1927 г. и покинул СССР 13 января 1928 г. В книге «Драйзер смотрит на Россию» он писал: «В общей сложности я пробыл в России два с половиной месяца, сначала жил в Москве и Ленинграде, потом отправился путешествовать в глубь страны, посетив Пермь, Новосибирск, Нижний Новгород, Киев, Харьков, Сталино, Ростов, Тифлис, Баку, Батум, и объехал все Черноморское побережье от Батума до Одессы» (Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка, С. 215).
- 2 Из записки, предоставленной А. Н. Поскребышеву Гослитиздатом, следовало, что «валютные переводы Теодору Драйзеру были переведены через Внешторгбанк СССР... Поскольку, по справке Внешторгбанка, они обратно не вернулись, в получении их адресатом не может быть сомнения» (АПРФ. Ф.3. Оп. 34. Д. 219. Л. 15).
- 3 Стейнбек Джон Эрнст (1902–1968) — американский писатель.

«Нарастает желание демонстративно уйти из германских обществ»

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) — тов. СТАЛИНУ И. В.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК СССР — тов. МОЛОТОВУ В. М.

ОБ УЧАСТИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ГЕРМАНСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Более тысячи советских ученых и инженеров числятся членами различных иностранных (Германия, Англия, США и др. страны) научных обществ, объединений, редакций журналов. В отношении членства и участия советских ученых среди всех этих иностранных научных организаций до сих пор первое место занимают германские общества. Особенно много советских ученых входят в германские химические общества. Членами немецкого химического общества состоит около 100 человек наших ученых, среди них — Бах, Зелинский, Писаржевский, Меншуткин. Членами германского общества коллоидной химии являются Фрумкин, Ребиндер, Песков, Думанский и др. В германском физическом обществе им. Бунзена состоит также 14 чел. (Вернадский, Кистяковский и др.). Очень значительное число наших ученых и инженеров входят в такие германские технические общества и объединения как союз литейщиков, союз немецких инженеров, союз немецких металлургов. Среди советских ученых членов германских научных организаций имеются и коммунисты, например акад. Рихтер и Келлер — германское ботаническое общество, Штерн и Завадовский — действительные члены Академии Естественных Наук в Галле.

В качестве членских взносов в германские научные организации в 1936 году из Советского Союза было переведено 13 тыс. руб. золотом.

Все германские общества за последние годы резко фашизированы. Письма многих обществ к советским ученым демонстративно заканчиваются приветствием Гитлеру (союз немецких литейщиков, общество осветительной техники). Союз немецких химиков принял изменение устава, согласно которому не арийцы могут пользоваться только правом совещательного голоса. По уставу союза германских металлургов в задачи союза входит осуществление государственных целей совместно с техническим бюро фашистской партии. Журнал общества электротехников прекратил печатание статей авторов не арийцев. Антропологические общества ведут на страницах своей печати систематическую пропаганду расовых, мракобесовских теорий.

С точки зрения деловой участие советских ученых и инженеров в германских обществах является чисто формальным и никакой пользы не дает. Члены общества получают обыкновенно журналы и справочную литературу, которую беспрепятственно можно всегда выписать. Участие советских ученых поддерживает авторитет германских научных организаций, которые фактически уже потеряли свое когда-то высокое международное значение. Отдельные наши ученые и инженеры поднимают вопрос о политической нецелесообразности участия в германских научных обществах и по одиночке выбывают из этих обществ. Это настроение является общим для большинства советских ученых, участвующих в германских научных обществах. Имеется также группа ученых, которым участие в германских обществах представляется необходимым. Так, до настоящего времени акад. Вавилов Н. И., проф. Кольцов и ряд других ученых продолжают состоять членами в германском генетическом обществе, несмотря на то, что по нашему предложению президент Сельскохозяйственной академии наук тов. Муралов указал им на желательность их выхода из указанного общества. Генетическое общество является наиболее мракобесующим. Оно объединяет самую реакционную часть генети-

ков, работающих над вопросами расистских теорий, и связано непосредственно с гитлеровским министерством пропаганды.

В настоящее время варварские преступления фашизма в Испании — разрушение Герники, бомбардировка Альмерии — вызвали самую широкую волну протеста, в том числе и среди прогрессивных слоев интеллигенции, ученых, артистов как самой Испании, так и других стран.

Среди наших ученых нарастает желание демонстративного ухода из германских обществ под знаком протеста против чинимых немцами мракобесия и зверств, особенно в связи с событиями в Испании.

Инициатива и организация этого политического шага может исходить от самих ученых и научных организаций (профсоюз работников высшей школы и научных учреждений, научные и инженерно-технические общества)

Прошу Ваших указаний¹.

Зав. отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б)
7.VI.37 г.

Бауман

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 678. Л. 5—7. Подлинник. Машинопись. Подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вопрос о выходе советских ученых из германских научных обществ был поддержан вице-президентом Академии наук СССР Г. Кржижановским. По результатам обсуждения вопроса

имеются резолюции: «Согласен с мнением т. Кржижановского, но, пожалуй, стоит посоветоваться в ЦК. В. Чубарь. В. Молотов». «Обсудить в ЦК. Сталин».

*Фотографии
из фондов РГАКФД
и АПРФ.*

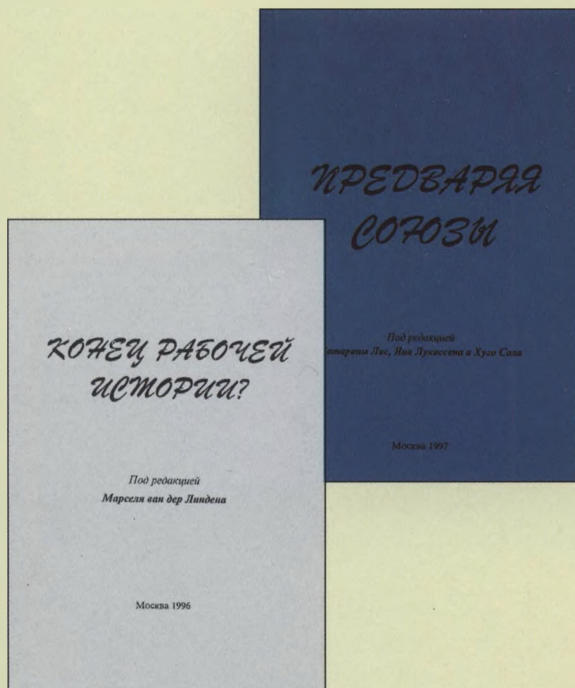
*Выпуск «Вестника» подготовили:
Ирина КОНДАКОВА,
Ирина КУЗНЕЦОВА,
Владимир ЛЕБЕДЕВ,
Наталья ХОМЯКОВА,
Анатолий ЧЕРНЕВ.*

Международный институт социальной истории (Амстердам) при содействии Института всеобщей истории и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) выпустили в свет на русском языке два сборника статей — «Конец рабочей истории?» и «Предваряя союзы».

Это статьи известных специалистов из ряда стран Европы и США.

Они рассказывают о современных взглядах и полемике по проблемам рабочей истории, рабочего и профсоюзного движения.

Сборники можно приобрести в читальном зале РЦХИДНИ по адресу: Москва, ул. Б. Дмитровка, 15.

В следующем номере:

Из личного архива

«Светлый взор его умел проникать
в сердца людей».

*Воспоминания С.Д. Шереметева
об окружении наследника престола.*

Произвол

«Человек перестал быть человеком».

О положении труднопоселенцев.

Журнал в журнале

Несостоявшийся доклад

«Таковы, товарищи, факты».